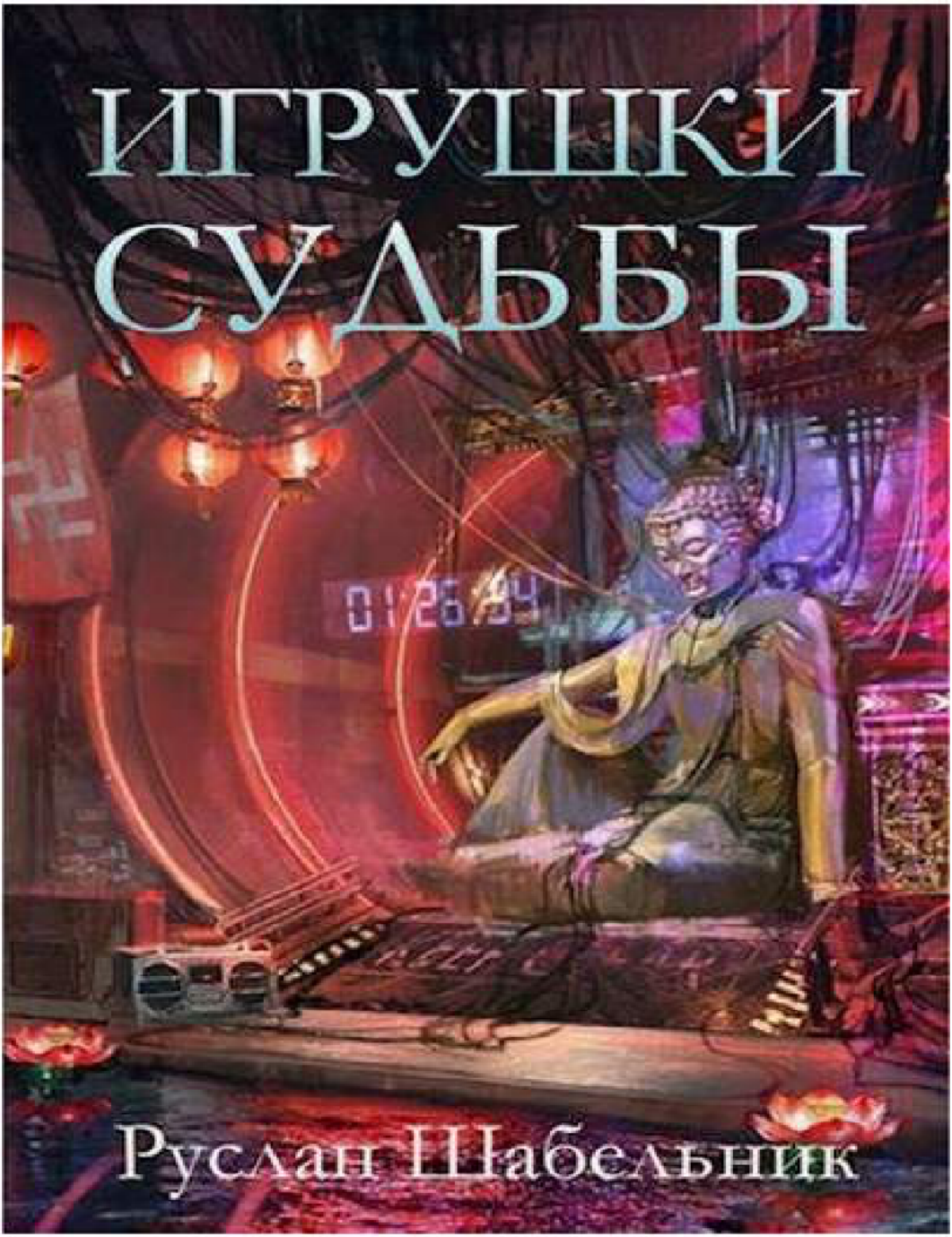
ИГРУШКИ СУДЬБЫ



Руслан Шабельник

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир будущего. Нанотехнологии, могущественные корпорации и Боги, которые в этом мире превратились в демонов.

Наемный убийца, изгнанный из могущественного клана Танов и рядовой клерк, влюбленный в девушку, быть с которой, значит отказывать себе во всем. Что связывает этих двоих? Почему каждого из них преследуют видения о жизни другого? Что это? Каприз судьбы, чья-то шутка, или кара вездесущих Богов-демонов? Когда началось? И самое главное — к чему приведет.

- Руслан Шабельник
  -
  - ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
  - мое первое воспоминание — Праздник Нанитов
  - вэньян просыпается среди ночи
  - ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ
  - вон вэньян попытался вытянуть затекшие ноги
  - во-от, это ваше рабочее место
  - через минуту, — сообщил голос
  - внутри преобладали два цвета: красный и синий
  - пришлось снять более
  - ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ
  - день шестнадцатилетия Линди
  - она подсела к нему за стол
  - меня разбудил шум
  - на утро, покинув свою комнату
  - ВЭНЬЯН НАСТОЩЕЕ
  - знаешь, я ведь собирался стать священником
  - в кустах Вэньян
  - ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ
  - здесь ты будешь жить
  - петь с ветками бамбука и хризантемами
  - мужчина выглядел, как ствол дерева
  - договорились встретиться с худым они с утра
  - ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
  - вэньян не стал даже сверяться с хронометром
  - храм Бога-Демона Бато
  - храмовое кладбище располагалось уже за городом
  - я иду по коридору, поглаживаю рукоять бластера
  - ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ
  - вэньян был счастлив

- как бы то ни было, на закате своего правления, Хуанди видел
- кажется, на некоторое время я опять потерял связь с реальностью
- мы стояли у горы
- случай представился через два дня
- в следующий раз удалось попасть
- надоела работа? Заел быт?
- похоже, гробокопателей совсем не интересовала подоплека дела
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- худой с охранниками ждал его
- пока летели, Вэньян думал, как же дошел до этого
- дом, милый дом
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- это был человек
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- поезд выехал из туннеля
- лица на сером бетоне
- ночной клуб
- перелезаю через забор
- ты чего?!
- ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ
- моего сегодняшнего потенциального нанимателя звали
- тан Джеминг снова поднялся
- обмениваясь впечатлениями, зрители покидали арену
- я отдал пятьдесят золотых этому проходимцу
- одна тысяча девятьсот девяносто восемь
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- как я и докладывал, он объявился около года назад
- когда все детали плана были обсуждены
- вода была мутная
- флайер завис над горой
- мои шаги отдавались гулом
- ЮВЭЙ
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- я сошел на берег
- в номере моя провожатая
- возле Дома Весты меня уже ждали
- все еще управляя телом Вэньяна
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ
- ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- ВЕНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ
- ВЕНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

Руслан Шабельник
Игрушки судьбы

* * *

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

— Каждый раз, как я подплываю к острову, пила-рыба подтачивает правый борт, ближе к корме, там, где у меня мозг. Когда-нибудь у нее получится, и я пойду ко дну.

— Умрешь?

— Для нас — плавающих симбионтов, утонуть, значит — попасть в рай. Нас — мало, совсем мало. Когда уйдет последний, останется только Сикидо Саро, во время Войны Корпораций его выбросило на берег. Тело Сикидо теперь жарит солнце, никогда больше влага не омоет биосенсоры, позабытый вкус соли не потревожит чувствительные бока. Лишь во время дождей — коротких, но обильных ливней той местности, Сикидо может представить себя, бороздящим просторы океана.

— В океане высока вероятность утонуть.

— Так и будет, когда-нибудь. И, если повезёт, мой мозг умрет прежде, чем тело коснется грунта. Иногда, когда проплываю достаточно близко, ко мне долетают призывы о помощи братьев, кто лежит на дне и еще жив. Я могу только молится о них Хай-даге — Богу-демону морских симбионтов.

— У вас есть свой Бог-демон? Не знал.

— У всех есть божества, почему же их не может быть у нас. Но Хай-даге давно не отвечал на мои молитвы, возможно его поглотил Луван — хозяин водной стихии.

— Возможно. Если будет на то воля Богов-демонов, твой Сикидо сможет жить вечно. У вас же световые панели, покуда есть солнце, энергия будет питать его разум и тело.

— Разве это жизнь? Нас создали с тягой к морю, с ней мы и умрем.

— Я бы сказал — из-за нее.

— Может, ты прав, Ювэй, может, прав.

Ковадо отвернул муаровую голову, вглядываясь в очертания, выступающего из тумана острова. Я нанял его — плавающего симбионта, мог бы нанять кого-то другого, но почему-то захотелось проделать этот путь именно с Ковадо.

— Как накоплю денег — поставлю победитовую пластину… если проклятая рыбина к тому времени не прикончит меня.

— Ты ее спрашивал, зачем она это делает?

— Она из низших симбионтов, тех, в которых заложено только есть и убивать. В этом ее природа, кажется, пил-рыб специально выводили для борьбы с подобными мне.

— Не очень-то у нее получается.

— Она стара, как и я.

Я вглядывался в приближающийся остров. Если верить гадателю-прорицателю — здесь, на острове, я отыщу то, что искал, вернее, кого.

* * *

Вэньян оторвал голову от прозрачного пластика окна, проморгался. Что это было? Сон? Ювэй, Ковадо? Среди его знакомых не было никого с такими именами и такой внешностью. Вэньян подождал, странно, картинка: море, живой корабль-симбиот и единственный пассажир на нем, стояла перед глазами не исчезая и не размываясь, подобно любым грезам, навеянным Баку-ди — Богом-демоном сна и сновидений.

«Ювэй», — произнес вслух, пробуя имя на вкус, как пробуют новое блюдо. Что-то всколыхнулось в душе. Наспех просканировал память, она выдала с десяток Ювэев, но ни один даже отдаленно не походил на парня из сна.

Монорельс между тем начал замедлять ход — они приближались к вокзалу.

— Ты где был? — едва он переступил порог, набросилась с расспросами Мей.

— Дела.

— Какие дела, сегодня же суббота, мы собирались в торговый центр, помнишь?

Раздражение вспыхнуло где-то внутри.

— В торговом центре, представь себе, так не ходят. Нужны деньги! И деньги, между прочим, зарабатываются и, между прочим, мной!

Мей удивленно смотрела на него.

— Ну, ладно…

— Вот и хорошо, пожрать есть чего-нибудь?

— Сейчас, — Мей ушла на кухню.

Вэньян смотрел ей вслед. Чего он так взъелся? Хотя, сама виновата, нечего было допрос устраивать!

А ведь, действительно, где он был? Он помнил, как с утра вышел из дома… следующее воспоминание — сон, стекло, монорельс. Сверился с часами — четыре после полудня. Где он бродил все это время? Он раньше никогда не замечал за собой провалов в памяти. Просканировал память — воспоминаний о первой половине дня не было. Странно, очень странно. Может, к доктору сходить…

Мей что-то уронила — громкое и звенящее.

«Дура неуклюжая!»

Что с ним? Откуда эта злость? Ведь он любит Мей.

Вэньян прошел на кухню, Мей, стоя на коленях, собирала рассыпавшуюся по полу крупу.

Он опустился рядом, обнял, поцеловал в милый висок, там, где завивался непокорный темный локон.

— Прости меня.

— Хорошо, — она кивнула.

— Сейчас все соберем и пойдем, куда хотели.

Мей покачала головой.

— Уже не хочется.

«Сама не знает, что хочет!»

Вэньян снова одернул себя. С ним явно что-то не то.

— Все еще думаешь про неприятности на работе? — понимающе произнесла Мей.

Точно — работа, мистер подозрительность Чжоу не успокоится, пока не нароет хоть что-нибудь. С этим надо что-то решать и решать быстро.

* * *

мое первое воспоминание — Праздник Нанитов

Мое первое воспоминание — Праздник Нанитов.

Отец — такой большой, нарядный, в дамастовом пао, украшенном крупными цветами, стоит у моей кровати. Рядом — мама, держит меня за руку, в глазах слезы, за вторую руку ее держит Линди — тогда она еще была Линди, из-под длинной челки блестит обиженный взгляд. Радужка у Линди черная, почти сливается со зрачком, и кажется, словно два уголька буравят меня. Ни до, ни после, я не видел такой радужки, разве что у той девушки, которую я… стараюсь отогнать воспоминание о той девушке, вроде, получилось, во всяком случае, снова вижу Праздник Нанитов.

Потом Линди рассказывала, что страстно ненавидела меня в ту минуту.

Вспомнилась прошлая неделя, когда приходил гадатель-прорицатель, он долго ходил по дому, сопя и повизгивая, так как вместо носа имел небольшой хоботок, который к тому же смешно извивался. Мы все ходили за ним, сначала мне было интересно смотреть за его носом, потом стало скучно, но отец не отпускал, и я послушно плелся, волоча полы тяжелого халата-шэньи, который надели на меня с утра. Наконец, гадатель остановился в кабинете отца, в правом углу, как раз под портретом бога-предка и основателя династии Тана Дуна. Что-то бормоча в свой длинный нос, он воскурил ароматические наносвечи, и мама, я и Линди закашлялись, только отец мужественно держался, потом прорицатель сказал, что третий лунный день — наиболее благоприятное время для моего нанитирования.

Отец долго благодарил прорицателя, и даже заставил меня кланяться, а хитрюга Линди к тому времени убежала.

Пока я вспоминал, к кровати подошел доктор Ли. Половина лица у доктора человеческая, вторую же усеивают окуляры и датчики всевозможных приборов, я его немного побаиваюсь.

— Кто здесь у нас? — человеческая половина улыбается, вторая остается недвижимой, от такой гримасы становится жутко.

Я хватаю отца за рукав.

— Па?..

Тот успокаивающе хлопает ладонью по моей ручке.

— Ты уже большой мальчик, Юйцай.

Юйцай — мое детское имя, как вырасту, меня будут звать

Ювэй, что означает «имеющий большое будущее», да, точно, как вырасту, стану великим!

Линди показывает язык.

Диживс — старый слуга-киборг приносит деревянную резную шкатулку. Механическое тело со скрипом склоняется перед отцом.

Легко освободив свой рукав, отец открывает шкатулку, снизу мне не видно, но я знаю, что там — шприц, старинный шприц с серебряным поршнем и стеклянной колбой — семейная реликвия. Отец аккуратно вынимает его, передает доктору. Этим шприцом нанитировали моего отца, а до него — моего деда и так далее, до времен легендарного Хуан-ди, а может и раньше. Им же нанитировали и Линди, и это предает мне сил, уж если девчонка выдержала, так я даже не поморщусь, в конце концов я уже взрослый, мне почти пять.

Доктор ловко, с хлопком вынимает поршень, опускает внутрь капсулку с нанитами, ставит поршень на место.

— Мистер Тан, прошу вас, помогите, — вторая рука протягивает отцу запечатанный пакетик.

Большие пальцы отца ловко раскрывают его, вытягивают иглу, большую, как для меня — огромную, кажется, кончик блестит.

«Я уже большой! Я не боюсь!» — то ли думаю, то ли шепчу, и вслед за этим тут же начинаю молиться всем Богам-демонам, которые приходят в голову: Фэнбо — Богу-демону неба и ветров, Лэйгуну — повелителю молний, Кую — богу ночи и, конечно же, богу-предку Тану Дуну.

Пальцы доктора удобно помещаются в колечках на шприце, красивых, с завитушками, большой палец входит в кольцо на поршне.

— Па?..

Моя ладонь снова хватает рукав отца, тот с силой отдирает ее, выпрямляет руку, кто-то, я не вижу кто, с ледяными пальцами накладывает жгут.

Доктор Ли склоняется надо мной.

— А где же вены, где наши маленькие венки.

— Па!.. Ма!..

Язык Линди.

Один и окуляров на лице доктора вытягивается, внутри что-то жужжит.

— Па!!. Ма!!.

Игла приближается, вместе с ней приближается и лицо доктора, человеческой стороной ко мне, он тяжело дышит, изо рта пахнет чем-то медицинским и страшным.

— Па!!! Ма!!!

Я начинаю вырываться, но отец с одной стороны, а мать с другой крепко держат меня.

— А-а-а!

Игла входит в руку. Странно, совсем не больно. Палец нажимает на поршень, стенки капсулы легко лопаются, и ее содержимое вливается в меня.

— Ну вот и все, — доктор вытягивает шприц, на месте, где была игла выступает капелька крови, тут же из механической части лица высовывается гибкая, словно маленькая змейка, трубочка, на мгновение присасывается к месту укола, тут же отлипает, оставив после себя едва заметный бугорок регенерирующего геля.

Игла снимается со шприца, бросается куда-то под кровать, где ее уберут утилизаторы, туда же отправляются остатки капсулы. Вновь собранный шприц, доктор с поклоном протягивает моему отцу.

— Мистер Тан, поздравляю!

— Благодарю вас, — с едва заметным кивком мой отец принимает шприц, возвращает в коробочку, скрипя суставами, Диживс уносит ее.

— Па? Ма? — смотрю на родителей.

— Ну вот ты и взрослый, Юйцай.

* * *

— Это так нужно, — говорит отец. — с болью мы приходим в этот мир, с болью первый раз принимаем наниты, второе рождение.

Мама с сестрой ушли, забрав с собой доктора Ли, и в комнате мы с отцом остались одни, старый Диживс не в счет.

Я киваю, смотрю на руку — и совсем не больно, к тому же гель рассосался и места укола почти не видно.

— Меня так же нанитировал твой дед, а в свое время, ты сделаешь это для своего сына.

Я серьезно киваю — долг продолжения рода, основной долг мужчины рода Тан, учитель Вустер все уши прожужжал.

— Сейчас наниты активируются, и у тебя перед глазами возникнет зайчик, не пугайся.

Я закрываю один глаза, второй, потом оба сразу, я очень хочу зайчика, а он все не появляется. Про зайчика я уже знаю, рыжий Ксу — сын главного повара — нанитировался почти на год раньше меня и щеголял этим, а еще Дэй — младший сын

господина Чжана — начальника охраны, и молчун Яцек.

Когда возник заяц, я даже вздрогнул. Большой, пушистый, с длинными ушами, которые не торчали, а жалобно свисали по бокам головы. Он подмигнул мне и помахал лапкой. Я помахал в ответ, поздно сообразив, что зайца вижу один я.

Отец улыбнулся.

— Уже появился! Сейчас ушки у зайчика опущены, это потому что наниты еще встраиваются в твой организм, но совсем скоро, они будут гордо торчать. Следи за ними, это очень важно.

Я снова закрыл один глаз, второй, потом оба — заяц не исчезал.

Вот так-то, подавись задавака Ксу! Теперь я тоже взрослый!

— Ты слушаешь меня!

— Да, папа, — отвечаю испуганно и не задумываясь.

— Ну так вот, зайчик — твой друг, когда тебе плохо, ему тоже, он становится грустный, а когда его уши совсем опустятся, он умрет, а, вместе с ним… в общем, нельзя, чтобы заяц умер. Если уши будут опускаться, лучше скажи об этом кому-то из взрослых.

Все это я уже знал из разговоров с мальчишками, ну и из уроков, которые втолковывал робот-учитель Вустер — старый, как и Дживис.

— Па?

— Да, Юйцай.

— А у тебя тоже зайчик?

Отец смотрит на меня, улыбается, гладит по щеке.

— Нет, маленький Юй, у меня нет. Когда станешь взрослым, у тебя тоже все… изменится.

* * *

вэньян просыпается среди ночи

Вэньян просыпается среди ночи, дыхание с хрипом вырывается из груди, рядом тихо сопит Мей.

Что это было? Сон? Он снова Ювэй, но Ювэй в детстве. Особняк, слуги, портрет бога-предка.

Вспомнил свой собственный праздник Нанитов. У них в семье не было шприца, который они бы передавали от отца к сыну, как не было персонального доктора. Мать просто отвела его в ближайшую больницу, где подруга мамы — тетя Сюли привила ему первые наниты. И совсем не больно. Он побыл с ней до вечера, пока не появился зайчик. Мама, возвращаясь с работы, забрала его и подарила сладкий леденец на палочке в форме зайца — все-таки праздник.

Подробности сна, как и днем — в монорельсе, не уходили. Вэньян сверился с внутренним хронометром — полночь, а ведь завтра на работу.

Вэньян дал команду организму на сон без сновидений. Почти сразу же провалился.

* * *

Может сразу, может, позже, но сновидение все-таки снова посетило его.

— Чао — он у бати на кухне работает, когда был такой, как мы, залез в бочку с водой, что за гаражом, зимой, и сидел там, пока уши зайца не опустились, совсем, а потом вылез, как ни в чем не бывало!

— Но мой па говорит…

— Глупости говорит твой па! — Ксу — сын главного повара мастера Го, пользуясь тем, что был самым старшим в нашей компании, авторитетно поучал нас, то есть — малолеток. — Настоящий воин никогда не боится опущенных ушей, когда вырасту, я стану воином!

— А вот и нет, — вмешался Дэй — сын начальника охраны, — мой папка говорит, когда вырастишь, станешь поваром, как и твой отец, а вот я стану воином!

— А ну повтори, что сказал! — насунулся на него Ксу, и даже веснушки на его приплюснутом носу, кажется, потемнели.

— И повторю!

— А ну повтори!

— И повторю!

— Я слышал Чао, после бочки с водой, еле откачали. Доктор Ли целую неделю одно заглядывал в его комнату, а, как выходил, все вздыхал, — подал голос обычно немногословный Яцек. — Мать Чао каждый день ходила в храмы, жгла наносвечи, приносила подношения, говорят, ни одного Бога-демона не пропустила.

— И к Черному Яньваню — владыке подземного мира? — выдохнул Дэй.

— К нему — особенно! — важно кивнул Яцек.

— Подумаешь, Яньвань, — фыркнул рыжий Ксу. — Как стану воином, я Яньваню столько врагов отправлю. Р-раз, голову одному, д-ва напополам другого, — иллюстрируя будущие подвиги, Ксу схватил валявшуюся под забором палку и накинулся на розовый куст, что рос у того же забора. Во все стороны полетели красные лепестки, ибо будущий воин метил именно по бутонам.

Заигравшись, он укололся о шип.

— Ай! — бесстрашный боец отбросил палку и схватился за место укола.

— Больно? — спросил Юйцай, который еще помнил свой укол на Празднике Нанитов.

— А то! — Ксу гордо показал палец — крови почти не было, да и краснота быстро проходила. — У моего зайца сейчас уши почти до половины, во как!

— Ух ты, до половины!

— И не боишься!

— Настоящий воин ничего не боится!

ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ

— …пробраться в определенное место, и кое-что вынести.

Девушка была довольно симпатична… да что там — сногсшибательно красива! Короткие полноватые ноги — как раз по последней моде, по той же моде — маленькая, аккуратная грудь, почти идеально круглое личико и огромные, чуть раскосые глаза, один голубой, второй карий — тоже мода.

— Пробраться кое-куда, вынести кое-что — слишком общие понятия, — я, конечно, понимал, что в реальной жизни она далеко не так выглядит, возможно, она вообще не девушка, а лысый, бородатый мужик с пивным животиком, который, кстати, тоже начал входить в моду. Но, все равно, мои железы, даже здесь, в вирте, реагируя на то, что показывают им глаза, принялись усиленно вырабатывать тестостерон — организм активно готовился к процессу продолжения рода. — К тому же, — дабы не отвлекаться, я отвел взгляд, — чтобы пробраться куда-то, куда не может проникнуть обычный человек, а он не может, иначе бы вас здесь не было, необходимы определенные навыки, у меня же несколько, гм, иная специализация. И, исходя из нее, я предпочитаю действовать на расстоянии.

Слово «убийство» не прозвучало, но, если она здесь, то знала, что я из себя представляю, тем более, что имя Тан Ювэй уже имело репутацию в определенных кругах.

— Вашим навыкам также найдется работа.

— То есть это не только трудно, но еще и опасно.

— Смею заверить, это безопасно, группа, которую я представляю, довольно длительное время разрабатывала план проникновения…

— Почему же не пойдете сами?

— Из-за вашей, так сказать, основной специальности. Мы не очень приспособлены к насильственным действиям.

— Куда вы сватаете меня проникнуть? — спросил я напрямую.

— «Вилмут инк.», филиал в Терружене — сказала она.

Я тут же влез в вирт — ничего себе! Одна из ведущих компаний биотехнологий и биоинженерии, в прошлом году разгорелся скандал, «Вилмут» обвинили во вмешательстве в геном человеческих эмбрионов, а, после правления Гигантов, это под запретом. Скандал замяли — еще бы, с такими-то деньжищами. Офис в Терружене числился одним из научных центров.

Видно, клиентка поняла, что я изучаю информацию по ее заказу, она поспешно назвала сумму.

И здесь я был поражен. Наемным убийцам столько не платили, во всяком случае — не моего уровня.

— Покойнику деньги не нужны, — вместе с тем, отчаянно свербела мысль, если мне удастся, дело поднимет мою репутацию на несколько ступеней вверх.

— Как уже сказала, я проведу, план разработан до мельчайших деталей!

— Эта штука, что нужно вынести, большая?

— Поместится в ладонь.

— Ну, расскажи.

* * *

вон вэньян попытался вытянуть затекшие ноги

* * *

Вон Вэньян попытался вытянуть затекшие ноги. «На кого рассчитывали, когда проектировали эти вагоны? — с некоторым раздражением подумал он. — Наверное, воображали, будто в их межконтинентальных подземках станут ездить одни карлики». В который уж раз он пожалел, что не смог позволить себе взять место на пузыре-дирижабле. Но стоило только взглянуть на цифры своего счета, чтобы вспомнить, кто он и что он: выпускник колледжа, причем далеко не самого престижного, пока без работы. Все его ценности — цифры на счету, небольшой чемодан, да чип-диплом в котором его будущее, как надеялся Вэньян — светлое будущее.

Хорошо всем этим мажорам — отпрыскам Семей и им подобным. Ты еще не успел поступить, а тебе уже готовят тепленькое местечко в одной из компаний, а там и до совета директоров рукой подать. А что прикажете делать таким, как Вэньян — колледж у него средний, учился он средне, внешность тоже средняя, единственное, чем мог похвастать — место запасного в команде по крикету.

Перед ним возникла реклама, восхваляющая товары торгового дома «Лян». Так как место в поезде было среднего класса, убрать ее он не мог, пришлось досматривать до конца, как красавица Гун Бинбин ждет своего мужа, которого играл Чжан Ян, с работы, чтобы порадовать новыми грудными имплантами.

«Заработаю денег, своей жене тоже такие подарю!» — решил Вэньян, и с грустью подумал, что жены у него пока нет.

Реклама потускнела и сменилась красной надписью, Вэньян дождался легкого толчка, возвестившего об окончании пути.

Взвалив чемодан на плечо, Вэньян вышел под палящее южное солнце.

На стоянке он некоторое время любовался обтекаемыми абрисами дорогих флайеров и автомобилей, вздохнув, потащился к станции метро.

Вэньян вспомнил день распределения, когда они с ребятами — такими же выпускниками, неслись на биржу галдящей толпой,

сразу после выпускного. Вообще-то можно было прийти и позже, но кто ж согласится ждать.

Джет первым, помолившись Анунаху — Богу-демону студентов, вставил свой чип-диплом в приемник. Джет постоянно строил из себя бывалого, можно позволить, когда твой папаша не последний человек в «Собэй груп.» Автомат зажужжал и выплюнул бумажку с назначением.

Считалось, что машина беспристрастна, и соискатель получал должность, которая больше всего соответствовала его талантам и знаниям, ну и вакансия которой была открыта. В теории, любой мог устроиться в такие гиганты, как «Вилмут инк.», или «Макрополус», на деле же, шанс попасть на более-менее нормальную должность в приличную компанию для выпускника без протекции была практически нулевой.

— Ну, чего там? — рядом с Джетом запрыгали его обычные подпевалы: Кай и Исин.

Тот, зевнув, прочитал название: «Собэй», — кто бы сомневался.

— А кем? А кем? — не унимался Исин.

— Помощник менеджера по развитию, но, как вы понимаете, это только начало.

О, да, они понимали, и Вэньян понимал.

Дальше ребята засовывали чипы и получали назначения, пока не подошла очередь Вэньяна.

— Давай, чего тушуешься! — хлопнул его по плечу Кай, и даже гоготнул, но все уже немного подустали, так что шутка не получила развития.

Дрожащей рукой и ненавидя себя за это дрожание, Вэньян вставил диплом. Автомат принялся жужжать чего-то отщёлкивая и вычисляя. Вэньяну казалось, прошла целая вечность. Наконец, вылезла бумажка.

Приняв так же дрожащей рукой, он посмотрел на нее: «Доминант нано. груп.».

Мозг тут же нашел информацию и вывел ее: «„Доминант нано. груп.“ — подразделение группы компаний „Титан“, занимающееся разработкой и внедрением наносетей. Штаб-квартира — в Клапроте, подразделения в Пуатье, Вароссе и Вриле, прибыль за последний год составила 1,4 млрд. кредиток, доля рынка, занимаемого компанией — 5,6 %» — дальше шли цифры.

Он даже не ожидал, могло быть и хуже.

Метро выбросило его в Гомао — деловом районе города. Вэньян с интересом осмотрелся — здесь ему предстояло жить и работать, если, конечно, назначение подтвердится. Бывало,

соискатели приезжали вступать в новую должность, а место оказывалось уже занято. Компании не очень озабочивались уведомлять вчерашних студентов.

До нужного здания решил пройтись пешком, и тут же пожалел об этом. Рекламы всех возможных товаров набросились на него — глушилки он себе позволить тоже пока не мог. И предлагали-то — всякую ерунду — от кофеварок до чистящих щеток, все верно, все в соответствии с его покупательными возможностями. Он надеялся, что настанет такой день, когда автореклама предложит купить последнюю модель какой-нибудь биояхты.

Наконец, вот и институт «Доминант нано. груп.», он же офис. Здание построили в форме робота, только необычайно вытянутого, так что голова с широкими ушами терялась где-то среди облаков, а ноги образовывали арку, сквозь которую спокойно пролетали флайера.

Вэньян потянулся к одному из многочисленных входов в левой ноге.

* * *

Что это было? Вон Вэньян? Кто это? Почему вижу картины из его жизни? Да еще так четко, словно происходило со мной? Я никогда не учился в колледже и не устраивался на работу, во всяком случае, не так. Огляделся. На сколько я отключился? Сверился с внутренним хронометром — выходило секунд пять. Возможно ли, за пять секунд столько событий?

Еще раз огляделся по сторонам. Я стоял над люком городской канализации, недалеко от меня, за небольшой лужайкой и высоким забором возвышалась громада «Вилмут инк.». Ни окна, ни двери, ни даже архитектурных излишеств. Издали, да и вблизи здание походило огромный, круглый резервуар, который неизвестно зачем поставили посреди газона и обнесли колючим забором.

Я набрал комбинацию, и люк открылся, лампы тут же осветили лаз с лестницей по которой я начал спускаться.

— Ты внутри? — раздался в голове голос прекрасной незнакомки, как и обещала, она поддерживала со мной связь.

— Воняет, — я отключил обоняние, и всплывающее сообщение тут же предупредило меня, что этого не следует делать, для моей же безопасности. А в люки, значит, лазить безопасно!

— По тоннелю и на развилке направо.

— Я помню.

* * *

во-от, это ваше рабочее место

* * *

— Во-от, это ваше рабочее место, — служащий из отдела кадров в белой рубашке указал Вэньяну на отделенную пластиковой перегородкой часть пространства зала. Перегородка была прозрачная, так что при желании можно было рассмотреть, чем занимается каждый из сотрудников почти до стены, которую украшал огромный портрет. Портрет изображал старика в конической шляпе-доули, старик, вместе со шляпой, восседал на карпе, что символизировало мудрость и духовные достижения. Кто-то из отцов-основателей компании, а то и местный, почитаемый сотрудниками, Бог-демон. Вэньян постеснялся лезть в вирт за информацией.

Воротник рубашки, которую ему выдали в отделе кадров, сильно натирал, и Вэньян расстегнул верхнюю пуговицу. Рубашка отчего-то была синего цвета.

— Не нужно, — мягко остановил его кадровик, — это не приветствуется, все пуговицы должны быт застегнуты.

— Э-э, простите, — Вэньян поспешно вернул, как было.

За перегородкой стояло кресло, небольшая полка, заменяющая стол, и шлем для погружения в вирт.

— Позже вы получите код доступа в нашу вирт-лабораторию, мы отделены от остальной сети, так что входить можно только в местную. В случае, если потребуется какая-либо информация извне, подаете заявку через службу безопасности, вы там уже были.

— Был, — кивнул Вэньян. Он, конечно, знал, что корпорации оберегают свои секреты, но, чтобы настолько. Ему устроили такую проверку, словно он претендовал на место охранника всех тайн и секретов «Доминант нано. груп.», а не на должность младшего научного сотрудника.

— Вы пока икры, так что…

— Простите, кто?

— Ну, икры, синерубашечники, — кадровик обвел рукой зал.

Да, Вэньян заметил, все сотрудники — мужчины и женщины, были одеты в синие, как на нем, рубашки, естественно застегнутые с первой по последнюю пуговицы.

— Почему икры?

— Потому что вы сидите в самом низу, в икрах нашего здания-робота. В бедрах сидят белорубашечники, как я, над ними — талия — лимонная рубашка, грудь — зеленая, шея — розовая, голова — красная и, наконец, на самом верху — золотые рубашки. Предупрежу сразу, ибо некоторые из новичков считают себя самыми находчивыми, надевая зеленый, а то и того хуже — золотой пиджак, поверх синей рубахи. У нас это не приветствуется, настолько, что мы сразу прощаемся с подобными умниками. С вами, надеюсь, таких проблем не будет?

— Э-э, нет, никак нет, господин, э-э… начальник, — к своему стыду, Вэньян напрочь забыл, как звали его провожатого, хотя тот и представлялся. Вновь просматривать сцену их знакомства, он поостерегся, боясь пропустить новое и важное.

— Хорошо. Вы, как синерубашечник, можете обращаться непосредственно только к белым, и то, если они захотят разговаривать с вами. Если какая-либо проблема потребует вмешательства сотрудника более высокого уровня, все равно обращаетесь к своему непосредственному начальнику белому, он — к лимонному, и так далее. Это понятно?

— Да, господин.

— Правильно обращаться ко мне, господин помощник контролера.

— Да, господин помощник контролера.

— У вас десятичасовой рабочий день с двумя получасовыми перерывами на обед. «Доминант нано. груп.» — компания исповедующая либеральные принципы по отношению к своим сотрудникам, поэтому график у нас свободный. Приходить на работу можете в любое время с семи до девяти часов утра, соответственно, отсчет рабочего времени ведется с того момента, как вы вошли в вирт и произвели первое действие.

Вэньян кивнул.

— Народ, в нашей дружной семье прибыло, это Вон Вэньян, — неожиданно повысил голос помощник контролера, — все вместе, поприветствуем его!

— Добро пожаловать в семью, Вон Вэньян, — послушно и вяло донеслось из-за перегородок.

— Ну что же, добро пожаловать в семью, а теперь пошли к безопасникам, получать коды.

* * *

На этот раз воспоминание заняло три секунды, смутно вспоминаю, где-то читал — самый длинный сон длится не более

двадцати секунд. Чуть ли не бессознательно влезаю в вирт и узнаю, что — вранье. Значит — не сон, да и могут ли быть сны, когда ты бодрствуешь, да еще в таком месте, как городская канализация? Может, я болен? Даю мысленную команду на полное сканирование организма, через время вылезает отчет в виде диаграммы — все норма, разве что глюкозы в крови немного выше, ну да, перед заданием я поел.

Задание! Возвращаюсь к нему.

Голос привел меня к бассейну-отстойнику. Чего здесь только не плавало: пакеты, бутылки, цветастые упаковки всех форм и размеров — целые и полуразложившиеся, одежда, обувь, игрушки и еще многое, многое другой.

Я быстро нанес на гидрокостюм гель, что передала заказчица, насколько помнил, он тоже вонял, но сейчас мне было все равно. Аккуратно опустился в воду, разгребая руками мусор, и нырнул.

Да, видимость та еще, и даже моя супер навороченная маска помогала слабо.

— Второй туннель, — сказал голос, — но сразу близко не подплывай, подожди, пока течение уменьшится.

— Хорошо, — маска закрывало все лицо, так что я мог разговаривать, а мог и просто набирать ответы в окошке беседы.

Вот и второй туннель, пока особого течения не наблюдалось.

* * *

— Вэнь, гляди! — Лао что-то сделал, и его рубашка из синей внезапно приобрела золотой отлив. Вэньян моргнул — рубашка Лао опять посинела. — Специальная пропитка, модникам придумали угождать, а я так мыслю, что для нас — самое то!

— Доиграешься, когда-нибудь.

— А-а, — сосед Вэньяна махнул рукой. — Кстати, сегодня ж зарплата.

— Ну, да.

— И сегодня пятница, смекаешь, к чему я клоню?

— К тому, что уже конец рабочей недели, а я еще не закончил тестирование.

— Не работой единой, мы с ребятами, с Романом и Бэем собираемся пойти сегодня в кое-какое место, — Лао подмигнул.

— Пока не знаю, у меня печеночные наниты не хотят коннектиться с предыдущими версиями, — Вэньян опасливо глянул в дальний конец зала, где за непрозрачной перегородкой, как раз под портретом Су Мишенга — основателя компании, которого они почитали, как бога-предка, восседал начальник

отдела — мистер Жонг Карлос — единственный белорубашечник в левой голени.

Надо сказать, когда мистер Жонг смотрел своими рыбьими глазами на Вэньяна, у того мурашки по спине бегали.

Словно прочитав его мысли, перед глазами Вэньяна возник образ начальника.

— Мистер Вон, зайдите ко мне.

— Мистер Вон, я уже три года, три ношу эту рубашку, — Карлос указал на себя, — и прозябаю с вами, в голени. Если вас, мистер Вон, ваше незавидное положение вполне устраивает, то есть люди, которые, представьте себе, хотят расти, хотят, в конце концов сменить цвет одежды на более… приемлемый. Вы хотите, чтобы ваш начальник получил повышение, мистер Вон.

— Конечно, мистер Жонг, — поспешно кивнул Вэньян.

— Мы ведь одна семья, мне уже намекнули, в случае повышения, я смогу забрать кое-кого с собой в бедро. Вы хотите работать в бедре, мистер Вон.

— Да, мистер Жонг, — вновь кивнул Вэньян.

— Тогда, во имя всех Богов-демонов, какого!!

Когда Вэньян вернулся, Лао сочувственно посмотрел на него.

— Опять орал?

— Ага, чего он взъелся на меня?

— Он со всеми новичками так, его уже третий год не переводят, вот и бесится, а может и никогда не переведут, слыхал последнее тестирование на преданность компании он прошел с понижением на два балла, а «Доминант» ничто так не ценит, как преданность. Кстати, если обещал, что в случае повышения, заберет с собой, не ведись, он всем обещает.

— Да пошло оно все! Куда вы говорите идете?

Лао подмигнул.

— Квартал красных фонарей.

— К проституткам!

— Это мы с тобой на этой работе — проститутки, а они — жрицы любви. На прошлой неделе там открылось новое заведение, надо бы, так сказать, протестировать. Ну так что, ты в деле?

— Да.

* * *

через минуту, — сообщил голос

— Через минуту, — сообщил голос, вырывая меня из пелены чужой жизни, — готовься. «Вилмут» сливает отходы в городскую канализацию, раз в день, но в разное время, чтобы их не поймали.

— Откуда ты все знаешь? — спрашиваю на автомате, еще не отошедши от проблем некоего Вэньяна на работе.

— Я же говорила — мы готовились.

Действительно, через минуту, течение из тоннеля усилилось настолько, что меня едва не снесло. Вытекающие отходы были заметно светлее окружающей мути.

— А это… не опасно? — запоздало интересуюсь. Мои анализаторы пока молчат, но ведь и они не всеведущи, а ну как у меня сейчас прорезается хвост.

— Ничего такого, что ты не смог бы потом вылечить.

Успокоила, блин!

Кажется, основная масса почти вытекла, ибо течение заметно уменьшилось, я поспешно заплыл в туннель. Где-то на середине, за мной опустилась массивная плита, все — путь назад отрезан.

Ну, хоть вода не такая мутная.

Первая пиявка попалась почти сразу — мелькнула круглая пасть с присоской, потом, извиваясь, проплыло черное тело, метра два в длину, не меньше. Она сунулась было ко мне, но гель действовал, и тварь почти тут же потеряла интерес. Вообще-то пиявками они не были, а были чистильщиками: воды и туннелей, а заодно и охранниками от таких вот, как я, непрошенных гостей.

— Плыви прямо, держись по центру, — напутствовал голос.

Дальше пиявок начало попадаться все больше, иногда они плавали целыми стаями — эдакий клубок непрерывно шевелящихся черных нитей.

— А гель того, не смоется? — спросил я, когда одна из тварей заинтересовалась моим ботинком, левым.

— До конца туннеля должно хватить.

Вот и резервуар, куда сливались отходы.

— Здесь надо подождать, — сказал голос, — будь готов, я скажу, когда.

Я послушно замер, не выныривая. Пока они держали обещание, все шло довольно гладко, даже как-то не по себе. Если они такие всеведущие, могли бы и сами провернуть дельце.

* * *

внутри преобладали два цвета: красный и синий

Внутри преобладали два цвета: красный и синий. Красными были пол, стены, обивка мебели и лица подвыпивших посетителей. Синими были столы, сцена, потолок и рубашки коллег, разве за исключением Лао, который щеголял, меняя оттенки.

— А вот я уже в талии! — по идее, рубаха должна была стать лимонной, но в тусклом, неоновом освещении клуба она казалась грязно зеленой. — А вот в голове! — цвет сменился на серый. — А вот уже в макушке! — золото не могло испортить даже это освещение.

— В ушах! — пересиливая музыку произнес Вэньян. В отличие от других клубов, где бывал Вэньян, здесь музыка звучала из динамиков, а не транслировалась непосредственно в голову, так что ее нельзя было ни убавить, ни изменить.

— Чего?

— От парня из аналитического я слышал, что золоторубашечники сидят в ушах!

— В каком, левом или правом?

— Или по неделе в каждом! — толстый Бэй уже порядком набрался, рубаха расстегнута аж на две пуговицы, в вырезе выглядывает волосатая грудь.

— Еще что-нибудь хотите? — официантка — невысокая, пышногрудая блондинка склонилась над столом. Ее бюст, затянутый в тугой корсет, оказался как раз перед лицом Бэя.

— Тебя! — толстяк хлопнул ее по более чем выдающимся ягодицам.

Девушка залилась громким смехом.

— И сколько ты стоишь, крошка? — Бэй попытался запустить руку в трусики, но девушка кокетливо отошла.

— Сначала деньги, жеребец.

— Деньги не проблема! — толстяк махнул рукой с зажатым в ней стаканом, и содержимое залило рубашку Вэньяна.

Когда они шли сюда, компанией, громко разговаривая, было весело. Даже когда сделали первый заказ — было весело. Но сейчас, несмотря на некоторое количество выпитого, Вэньян все больше чувствовал себя… не в своей тарелке, что ли.

Эта музыка, этот шум, разговор, похожий на кричащий обмен репликами, словно не сидишь за одним столом, а находишься в

разных концах зала. Даже эти официантки, и хотя себя продавали они, неудобно почему-то чувствовал себя Вэньян.

— Так сколько?

— За час, или за ночь?

— Ночь? А вдруг мне не понравится!

— Обещаю, красавчик, эту ночь ты не забудешь никогда в жизни!

— Все вы так говорите.

Хотя, если разобраться, чего грустить? Вон и девочки, на любой вкус. Есть худые и толстые, высокие и не очень, блондинки, брюнетки, лысые, с большой грудью, с маленькой грудью, с тремя грудьми, выбирай любую.

Чтобы снова не кричать, он послал приватное сообщение Лао.

«Я пойду».

«Чего так?» — пришел ответ.

«Устал».

«Погоди, дождись начала шоу».

«Шоу?»

— Ну да, — Лао подсел к нему и заорал в самое ухо, — официантки, это все так, для не очень денежных и не слишком притязательных, — оба покосились на Бэя, который азартно торговался с блондинкой. — Настоящие девушки — в шоу. Доложу я тебе — конфетки! Говорят, каждая обучалась этому искусству несколько лет и прошла специальные изменения.

— Не знал, что это искусство.

— Не скажи, девочки, конечно, недешевы, но, поверь, это стоит того.

Музыка внезапно перестала греметь, первые секунды еще звучали крики — обрывки разговоров, а затем тишина навалилась ватным одеялом. Это было неожиданно и непривычно. Даже толстяк Бэй перестал торговаться и завертел головой, не понимая, что происходит. Затем зал погрузился в темноту, и в темноте возобновилась музыка, но это была уже не гремящая какофония, что звучала до того. Оркестровая мелодия неторопливо полилась из динамиков. По мере нарастания, возник свет, на сцене, он наливался, рос, словно распускающийся цветок, хотя так и было — Вэньян рассмотрел извивающиеся полупрозрачные голографические лепестки, когда цветок распустился, в центре сцены стояла — она! Прекраснее девушки Вэньян не видел никогда в жизни. Матовая персиковая кожа, миндалевидные большие глаза, подведенные черными линиями, что заканчивались стрелками почти у висков, чуть вздернутый маленький носик и пухлые губы, что до конца не смыкались, мило обнажая белую полоску зубов. Она была в облегающем

платье, покрытом какими-то чешуйками, что переливались и перекатывались, когда девушка двигалась.

Затем она запела. Вэньяну казалось только для него, чуть с хрипотцой голос вибрировал с его естеством, казалось, проникая в самое сердце, заставляя его биться в унисон, в ритм с песней. Он не заметил, когда в зале снова стало светло, чем закончилась торговля Бэя и официантки, он словно отключился, ушел из реальности, а очнулся только, когда девушка прекратила петь и со скромным поклоном удалилась.

— Эй, парень, ты чего? — оказывается Лао уже давно тряс его за плечи.

— Кто? Кто она?

— Эта-то? Я ж говорил, на сцене девочки, что надо!

— То есть, она тоже — отсюда, из борделя, проститутка?

— Чего, понравилась? Можешь взять, но только советую дождаться других, первыми обычно выпускают тех, кто не очень, вот ближе к концу шоу пойдут настоящие сливки!

— Нет, я… я бы хотел ее…

Лао махнул, рядом со столиком возник прилизанный молодой человек, костюм его был мужским вариантом одеяния официанток.

— Мой друг желает взять эту девушку, — небрежный взмах в сторону сцены.

— Прекрасный выбор! Это наша лучшая…

— Сколько? — прервал Лао.

— Почасово, или всю ночь?

Сослуживец вопросительно посмотрел на Вэньяна.

— Э-э, всю ночь, если можно.

Парень назвал сумму, как для Вэньяна — немалую, это была четверть его месячной зарплаты.

— Согласен! — он поспешно, боясь не столько передумать, сколько того, что девушку может перехватить другой клиент, потянулся к считывателю.

* * *

— Хочешь, я расскажу тебе историю? — спросил голос, снова вырывая меня из воспоминаний.

Хотя, разве можно вспоминать то, что было не с тобой? Когда начались эти сны? Кажется, после посещения острова Бога-демона Штейна. С той поры прошел почти месяц, и все это время, словно в тумане, хотя при желании я мог бы восстановить каждую минуту.

— Давай, — чтобы скрасить ожидание и, главное, чтобы отвлечься от непонятных видений, принял предложение своей нанимательницы.

— Жила одна девочка, может, не очень красивая, но очень умная, — начал голос, — хотя красоту сейчас и купить можно, были бы деньги. Девочка это понимала и еще лучше училась, в ожидании того дня, когда сможет как можно дороже продать свои таланты. Погоди, — прервала историю рассказчица, — будь готов, справа от лестницы.

Я подплыл к поверхности, к указанному месту, вытащил вибронож.

— Сейчас!

Надо мной склонилась голова с круглыми ушами, похожая на собачью.

Я высунулся из воды, схватил животное за шею и всадил нож в середину туловища, где было сердце, затем тут же нырнул, утягивая труп с собой. Все заняло около секунды.

Не мешкая, под водой провел ножом, расширяя рану, вода вокруг окрасилась кровью. Я запустил руку внутрь, нащупал желчный пузырь, с силой потянул, вырывая.

Ко мне уже начали подтягиваться пиявки.

— Не забудь семенники, — напомнил голос.

Их я вырезал двумя ударами, затем оттолкнул от себя окровавленное тело, его тут же облепили пиявки, я же, сжимая трофеи, вынырнул.

* * *

Комната, приглушенный свет, мягкий ковер, бархатные портьеры закрывают окно, в голокамине потрескивают дрова, столик с напитками, кресла и в центре всего этого — кровать, огромная, да еще под балдахином.

На кровати — она, в том же платье, сидит с краешку, ноги вместе, руки на коленях, скромно потупила взор.

Вэньян переступил порог и замер — с близка девушка была еще более прекрасна. Автоматическая дверь ударила его пониже спины, и он невольно сделал несколько шагов к ней.

Девушка подняла на него свои глаза, они оказались голубыми, в таких глазах и утонуть можно!

— Э-э, здравствуйте, — Вэньян уже был с девушками и всякий раз испытывал некоторую робость, здесь же, хотя он, вроде, и заплатил, она усилилась во сто, в тысячу крат.

Девушка скромно кивнула.

Надо же как-то начать, как обычно начинают с такими? Спросить бы у Бэя, вот уж кто в курсе. Не заваливать же сразу в постель. При мысли о постели, Вэньяна начала бить мелкая дрожь.

— Э-э, меня звать Вэньян, а вас как?

Некстати, или кстати вспомнилась пошлая сцена из фильмов: клиент спрашивает у проститутки, как ее зовут и слышит в ответ: «А как ты хочешь?».

— Лилинг, — произнесла девушка с небольшой запинкой.

Лилинг! Словно что-то перевернулось в мозгу, хотя и до этого там было мало порядка. Бабушка, лето, он тогда сильно не хотел ехать в деревню, еще бы — выпускной класс, каникулы, считай, последние деньки беззаботной жизни! Но родители настояли. И там он встретил ее! Лилинг! Первая, настоящая любовь, немного поздняя, ибо все одноклассники уже были с парами, но от того еще более крепкая и более мучительная, когда пришлось расстаться.

Девушка удивленно посмотрела на него, видимо, он изменился в лице.

— Налейте мне сока, — произнесла она своим волшебным, с хрипотцой голосом. — И себе возьмите.

Они проговорили пол ночи, вернее, говорил он, что-то рассказывал про себя, про работу, вспоминал забавные случаи из жизни, Лилинг смеялась, иногда вставляла замечания, мило и всегда к месту.

Удивительно, Вэньян обычно в обществе девушек, тем более красивых, тем более незнакомых чувствовал себя скованно, здесь же его робость, его косноязычие ушло, он словно стал другим человеком, таким, каким всегда хотел стать, открытым, остроумным, веселым, Лилин же напротив, была сама скромность. Он забыл о ее профессии, о том, что заплатил за все это, он снова был юн и влюблен, как тогда — в то лето.

Как-то, само-собой естественно, они поцеловались. Боги-демоны, как же она целовалась, Вэньян словно улетел, комната, кровать, все окружающее, ничего не было, кроме ее губ! А потом они оказали лежащими на постели, он снимал с нее платье, она с него — ненавистную синюю рубаху…

Когда Вэньян проснулся утром, Лилинг рядом уже не было.

Он вскочил, забегал по комнате.

— Лилинг!

Перед кроватью возникла голограмма — тот самый парень-официант, или другой, но очень похожий.

— Мистер Вон, надеемся вам понравилось у нас! В течение часа, — парень погрустнел, — просим вас освободить номер.

Однако мы и, конечно же, Лилин, всегда рады такому гостю и надеемся на скорое возвращение!

Вэньян вспомнил, где находится — он в борделе, а Лилин, она… она… нет, нет! Она не претворялась, не могла, все что между ними было, этого не купишь за деньги!

— Лилин! Я хочу видеть ее!

— Сожалею, мистер Вон, но сейчас это невозможно. Наши сотрудницы должны отдыхать, для их и для вашего приятного времяпрепровождения. Однако, мы работаем ежедневно, кроме понедельника, с семи вечера, если желаете, я могу на сегодня зарезервировать вам столик.

— Резервируйте!

* * *

Стоя на верхних перекладинах лестницы, которая вела из бассейна, я быстро раздавил желчный и принялся обмазывать себя, за ним пришла очередь яичек животного. Кровь, смешиваясь с гелем, оставляла красные полосы.

— Этого… этого достаточно?

— Сейчас узнаем.

На всякий, не стал выбрасывать трофейные органы, как и прятать вибронож. Тень мелькнула за углом, вышла — это была гиена — точная копия той, что убил я, хотя и размером с хорошего дога. Она оскалилась, показав розовый язык и желтые зубы, клыки были с мужской палец длиной. Мои надпочечники судорожно кинулись выбрасывать адреналин, все естество кричало, вопило — бежать, я едва успевал усмирять собственное тело.

Гиена закрыла пасть, принюхалась, фыркнув, развернулась и затрусила прочь. Я с шумом выпустил воздух, оказывается, все это время я не дышал.

— Их специально вывели для охраны этого комплекса, — пояснил голос.

— Ага, — и только тут я осмотрелся. Серые стены, словно обтянутые кожей, кажется, они даже подрагивали, розовый пол пружинил подо мной, потолок вообще покрыт какими-то наростами, очень похожими на папилломы, или бородавки.

— Здание — продукция «Вилмут инк.», оно не построено, оно выращено.

— Оно что, живое?

— По шкале Рихтера-Зумана, коэффициент разумности — 4, как у годовалого ребенка. Справляет физиологические

потребности, чувствует боль, может отвечать на раздражители, эмоции подавлены.

— В смысле потребности? Оно что, ест? В туалет ходит?

— То, по чему ты проник внутрь, один из каналов выделения здания.

— А пиявки, значит, что-то вроде глистов, — невольно меня передернуло. — Куда дальше?

— По коридору, откуда вышла гиена-охранник.

* * *

Весь день, до вечера, Вэньян не сводил взгляда с часов.

Лилин! Как же она прекрасна! Те слова, что она шептала! Что между ними было! Это нельзя сыграть!

В следующую минуту накатывало: она — проститутка, работает в борделе, у нее таких клиентов, таких, как он… десятки… сотни…

Нет! Нет! Нет!

Она не такая! Он был с ней, разговаривал, он знает!

Боги-демоны, что же так медленно тянется время!

Еще не было шести, а Вэньян уже стоял под заведением, ходил — сидеть не мог, даже бегал, грыз ногти.

Наконец, ровно в семь, двери открылись, он влетел внутрь, первым.

— Мистер Вон, с возвращением, мы рады вновь приветствовать вас в нашем скромном клубе, — вчерашний, или другой официант поклонился ему. Конечно они запомнили клиента. — Прошу к вашему столику.

Он опустился на красный плюш дивана.

— Я хочу Лилин! Видеть!

— Сожалею, мистер Вон, — официант, или кто он здесь, был сама вежливость, — шоу начнется в девять, Лилин выступает первым номером, до этого беспокоить выступающих девушек нельзя.

— А после?

— Конечно, сколько угодно, за соответствующую плату…

— Я заплачу! Снова! Всю ночь!

— Прекрасно, мистер Вон. Пока будете ждать, что закажите?

— Ничего! Ничего не нужно! — еще два часа, целая вечность!

— Сожалею, мистер Вон, но без заказа занимать столик у нас нельзя.

— Тогда выпить! Хотя нет, — он не хотел предстать перед Лилин навеселе, — сока, да сока, грейпфрутового!

Начала играть музыка, и им уже приходилось кричать. Потянулись с улицы первые посетители.

Вэньян взглянул на них. А если кто-то… тоже захочет Лилин.

— Стойте!

Официант уже собрался уходить.

— Еще что-нибудь, мистер Вон?

— Лилин, я могу, ну заранее, чтобы ее не перекупили.

— Конечно, за бронь дополнительные сто кредиток.

Бронь. Как это вульгарно звучит! Разве можно забронировать чувства!

— Плачу!

Минуты, казалось, тянулись еще дольше, чем днем. Вэньян не сдержался, и взял-таки себе выпить кое что покрепче сока.

Наконец, музыка замолчала, свет погас, у Вэньяна вспотели ладони, и появилась она!

Столик его был далеко от эстрады, но Вэньяну казалось Лилин увидела, узнала и не сводила с него глаз. Боги-демоны, она пела для него, только для него! Как же она прекрасна! Как прекрасно это лицо, это тело, которое он ласкал вчера и которое отвечало на его ласки. И которое снова сожмет в своих объятиях. Скоро! Уже скоро! Он весь покрылся потом. С индикаторами здоровья давно творилась полная чехарда.

Музыка смолкла, под аплодисменты, Лилин удалилась.

К столику Вэньяна двигался официант, не дожидаясь, когда тот подойдет, Вэньян побежал ему навстречу, отдавил пару ног, получил проклятия в ответ.

— Лилин ждет вас, мистер Вон.

Она сидела в той же комнате, на той же кровати, даже в той же позе.

Вэньян снова, как вчера, в нерешительности замер на пороге.

Девушка подняла глаза.

— Ты! — что-то мелькнуло в них, легкая нотка грусти, или жалости, но Вэньян уже подбежал к ней, покрыл прекрасное лицо поцелуями.

— Я ждал, я так ждал!

На этот раз они почти не разговаривали, и снова все было, как в первый раз, Вэньян снова улетал от поцелуя ее прекрасных губ.

* * *

Я завернул за очередной пологий угол, Боги-демоны! Здесь гиен ходило не меньше дюжины.

— Двигайся спокойно, они тебя видят, но больше доверяют нюху.

Хорошо ей сидеть в безопасности и указывать!

И я пошел, инстинктивно держась возле одной из стен.

— Первый поворот направо.

Я свернул, с облегчением увидел, что он без живности.

— Иди до конца, но не беги, здание реагирует и на это.

Знал бы на что подписывался, принимая работу, ни за что бы не… хотя, кого я обманываю, конечно полез бы.

— Так вот, продолжая нашу историю. Когда девочка выучилась, а надо сказать, еще во время учебы талантливых детей отслеживали, одна крупная, очень крупная корпорация предложила ей работу. В тот день девочка, или уже девушка, была счастлива, она думала — вытянула свой счастливый билет, сорвала джек-пот. Будущее виделось ей в радужных красках. И она работала, выказывая немалые таланты и узнавая все больше тайн и секретов корпорации. Видишь угол?

— Да.

— Сразу за ним киборг-охранник, двигайся тише. Вибронож с тобой?

— Куда он денется.

— Подними руку на расстояние ровно метр шестьдесят один от пола, заводи за угол и бей вперед, нож попадет в блок управления, охранник сразу отключится.

Я сделал, как она сказала. Вибронож почти не встретил сопротивления. Тело киборга свалилось к моим ногам, я тут же кинулся за угол и затянул его, чтобы собаки не увидели.

— Когда будешь отрезать голову, смотри не повреди голубой нерв и центральный узел.

— Помню, — да расчленять киборга — то еще занятие.

* * *

пришлось снять более

Пришлось снять более дешевую квартиру, по сути — каморку в далеко не самом лучшем районе, Вэньян продал все, что мог продать, экономил на всем, включая еду, на работе его начали считать жлобом и посмеивались за спиной, плевать! И все равно он мог себе позволить не более трех ночей в месяц.

Остальное время он думал, где достать деньги и сходил с ума от ревности, ведь в ночи, когда Лилин не с ним, она — с другими!

Они прикасаются к ней! Целуют!

Дни получки и аванса — самые счастливые дни, вернее, ночи в его жизни.

Он не раз предлагал Лилин встретиться, просто встретиться, без секса, куда-нибудь пойти, посидеть, в конце концов интимная близость далеко не главное, Вэньяну просто нравилось проводить с ней время, разговаривать. Ему казалось, что и ей тоже.

И всякий раз Лилин отказывалась.

«Нам запрещено видеться с клиентами вне клуба».

И эта легкая нотка грусти, или жалости в первом взгляде, когда он переступал порог комнаты.

Вэньян и раньше-то был не особо крупным, а сейчас чудовищно похудел. В один из дней он пришел к Лилин и признался ей в любви, рассказал о своих чувствах.

Они лежали в постели, обнаженные, она погладила его по щеке.

— И что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Уходи отсюда, с этой работы! Я знаю, мои доходы не очень, но я смогу, я буду стараться дать тебе все, к чему ты привыкла!

Лилин покачала головой.

— Не в этом дело, у меня контракт.

— Контракт? Какой контракт?

Она закрыла ему рот поцелуем, и снова он потерял связь с реальностью.

Или ему показалось, или Лилин шепнула:

— Завтра, в два, найди чайную Марьяж в районе Юньнань.

Он хотел ответить, переспросить, но девушка не позволила ему.

* * *

И чужие воспоминания почти не отвлекали… почти. Лилин… имя что-то всколыхнуло в душе. Я на секунду отвлекся от своего занятия… нет, без основательной сканировки памяти не вспомнить. Или это наслоились чувства Вэньяна, или воспоминания были слишком далекими и незначительными.

Наконец, голова киборга была отделена от тела, я вытянул портативный блок питания, подсоединил провода к узлу и нерву, как и говорила девушка, подал напряжение двенадцать вольт — голова заморгала, уменьшил до шести — веки оставались открытыми.

Сразу за охранником, я знал, были двери лифта. Вернее, когда мы обсуждали план, моя нанимательница назвала это дверьми, но то, что я увидел перед собой походило на мембрану со сфинктером посередине.

— Это — двери! — не выдержал я.

— Я же говорила — здание живое.

— Как их открыть?

— Приложи руку охранника к считывателю.

Я подтащил безголовое тело, приложил — сфинктер расслабился, но не сильно, чтобы влезть в кабину пришлось наклониться. Вопреки ожиданиям, кабина оказалась пластиковая с окуляром идентификатора и рядом кнопок.

— Пароль — моргнуть три раза, три секунды перерыв, потом еще два.

Я послушно приложил голову к идентификатору, регулируя напряжение, произвел необходимое количество морганий. Нажал кнопку нужного этажа, кабина слегка покачиваясь поплыла вверх. Интересно, что ее движет — какой-нибудь рвотный рефлекс?

Она остановилась, я вышел в коридор, хотя опять же — весьма условное название. Больше всего круглый тоннель с кожистыми стенками походил на кишку, усиливая сходство, стены время от времени спастически сокращались.

— Десять метров, — напомнил голос.

— Да помню я, помню!

Пройдя нужное расстояние, я замер у «стены».

— Не забудь обколоть анестетиком.

Вытянул инъектор, медленно ведя по стене нарисовал им овал в полтора метра высотой. Сейчас он впрыскивал в плоть здания обезболивающее.

Подождал минуту, пока подействует.

— Пора! — сказал сам себе, и тем же виброножом принялся вырезать себе проход.

— Вернемся к девочке, точнее, к девушке, — сказал голос.

— Очень вовремя, — зеленая кровь потекла на меня, на нож,

на пол.

— Но корпорации умеют защищать свои секреты и умеют привязывать к себе. Сотрудники, особенно такие ценные, не должны уходить к конкурентам, они должны работать, по возможности — круглосуточно.

— Они что, заперли твою девочку?

— Почти.

Кусок плоти с чавкающим звуком упал внутрь. Я вошел, переступив через него и окончательно измазавшись о сочащиеся края прохода.

— И где ваша штука, которую нужно вынести, — внутри было темно, и зрение сразу же переключилось на ночное.

— Перед тобой.

— Что за… Боги-демоны!

Передо мной был стеллаж, обычный, пластиковый, на нем стояли прозрачные баки, подключенные к трубкам и проводам, которые исчезали в стене. В баках плавали в слегка мутной жидкости… мозги! Человеческие мозги, здесь я ошибиться не мог.

— Ты говорила, можно унести в ладони, — первая претензия, которая пришла в голову.

— Я обманула.

Я уже взял себя в руки.

— Ну, и что мне тянуть, какой-то один мозг, или все сразу?

— Всех сразу, тебе нужно обрезать провода и шланги с питательным раствором.

— Тогда они умрут, — я уже догадался, кто, или что передо мной. Да, корпорации умеют защищать свои интересы, а главное — сделать так, чтобы ценные кадры работали только на них. — Ты умрешь.

— Разве это жизнь. Сделай это и прощай.

— Погоди, как я выберусь?

Тут пол подо мной дрогнул, судорожная рябь пошла по стенам.

— Проходит действие анестетика, здание чувствует боль. Прямо за нами, режь в середине стены — будет проход-кишка, мы тайно вырастили ее, когда возводили здание, узкая, но тебе хватит. Проползешь немного и вверху увидишь нервный узел, сожми, или ударь по нему, кишка начнет сокращаться и выдавит тебя наружу, — здание уже заметно дрожало. — Дальше — сам, прощай.

— Прощай, — я полоснул ножом по шлангам.

ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ

Девушка, девушки. Одна — мозги в банке, вторая — в борделе. Может, поэтому, может по-другому, вспомнилась еще одна, на этот раз, для разнообразия, из моего прошлого.

Тогда я возвращался от корабля-симбионта Ковадо, путь мой лежал вдоль кромки моря, когда внезапно двигатель флайера закашлял, после чего заботливая автоматика опустила его, ну и меня. Система диагностики известила, что на саморемонт потребуется не меньше суток. Помянув всех Богов-демонов, которых знал, я покинул флайер.

Еще когда опускался, я приметил несколько домиков небольшой деревушки у моря. Так как был уже вечер, когда удлинившиеся тени деревьев размываются, затягивая темными кляксами округу, я решил поискать ночлега среди людей.

Невдалеке от флайера вилась утоптанная тропка как раз в нужную мне сторону, пока окончательно не стемнело, я двинулся по ней. На подходе к деревне, тропа стала совсем узкой, едва не теряясь в густых зарослях шиповника, так что приходилось не только смотреть под ноги, но и следить за тем, чтобы одежда не цеплялась за длинные, как рога цилиня и такие же острые колючки.

Внезапно кусты раздвинулись и ко мне выехал старый робот с квадратной головой и туловищем, похожим на пивной бочонок из которого с четырех сторон росли многосуставчатые манипуляторы, внизу тело оканчивалось гусеницами. Я видел такие только в музеях. В первое мгновение, признаться, я даже испугался, в лунном свете он походил на какого-нибудь демона-яогуая, что подстерегает незадачливых путников.

— Приветствую, рад видеть в нашем селении дорогого гостя, столь важного господина, — прозвучало откуда-то с середины туловища. И голос у робота был, словно говорил он в бочку.

— Как называется это место? — спросил я.

— Та-мань, — ответил робот.

Я сверился с картой — странно, локация здесь не работала.

— В вашей Та-мане есть где переночевать?

Скрипя гусеницами и катками, робот развернулся.

— Следуйте за мной, господин.

* * *

Как всегда, когда не терпелось, Вэньян пришел заранее. Чайная «Марьяж» — небольшое заведение, спрятавшееся в чем-то наподобие подвала среди более денежных арендаторов. Если бы ни слова Лилин, да не навигатор перед глазами, Вэньян ни за что бы не нашел ее, тысячу раз проходя мимо.

Меню было дешевое — голографическое, официанты отсутствовали, вообще людей не было — чайная оказалась полностью автоматизирована. Ткнув в самую дешевую строчку и выбрав температуру напитка, Вэньян подставил чашку, из краника у стола полилась коричневая жидкость. Запахло жасмином, он сделал глоток — весьма на любителя, если и были какие-либо еще добавки, жасмин забивал их все.

Помимо отсутствия официантов, да и вообще посетителей, достоинством чайной, было то, что столики стояли в отдельных кабинках — пластиковые стены, стилизованные под дерево, окружали их с четырех сторон, почти как у него на работе.

Около двух от дверей раздался звук легких шагов — кто-то вошел.

* * *

Селение встретило меня запахом моря. Я поморщился — в последние дни запаха этого было для меня слишком много.

Легкий ветер нес не только запахи, но и прохладу, так что я даже озяб и крикнул роботу, чтобы он поторопился. Скрипя и полязгивая тот продолжил путь не быстрее прежнего, по сторонам нас окружали одни только темные дома, и я заметил, что окна многих из них были выбиты, а дворы отличались пустотой и заброшенностью.

Наконец, мы подошли к небольшому домику почти на берегу.

Затянутый тучами месяц осветил пластиковую крышу и серые стены моего нового жилища. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен, и внизу с беспрерывным рокотом плескались волны.

Робот замер у входа.

— Вот, можете переночевать, господин, здесь, — затем развернулся, и скрип, как и силуэт его растворились в темноте.

Я снова попытался понять, где я, и снова геолокация не дала никаких результатов.

Толкнув дверь, я вошел внутрь.

* * *

день шестнадцатилетия Линди

День шестнадцатилетия Линди* (*означает — та, что приведет младших братьев) — одно из последних светлых воспоминаний. Родители дали сестре такое имя в надежде на многочисленных наследников мужского пола, но сестра, или Боги-демоны привели лишь меня.

Сегодня Линди получила взрослое имя — Марико. Бабушка нашей мамы была японкой, и сестру решили назвать в честь нее.

На праздник прилетел лично мистер Тан Канг — глава нашей Семьи. Он мне не понравился — противный старикашка с колючими глазами. Отец, мой отец долго кланялся и жал старикану руку, а тот лишь слегка дернул головой в ответ. Меня он похлопал по щеке, кожа на ладони была сухая и шершавая. Потом мы вместе возжигали свечи и подносили дары богу-предку Тану Дуну — ужасно скучно. Со стариканом приехала целая толпа охранников, и начальник нашей охраны — господин Чжан Юн постоянно хмурился.

На празднике Линди, или теперь уже Марико, была особенно красива, в синем ципао, расшитом золотыми пионами и орхидеями, в туфлях на каблуке, накрашенная, с волосами, уложенными в сложную прическу и с маминым колье на шее. Только сейчас я заметил, что моя сестра совсем выросла и превратилась в настоящую девушку. Странно, в детстве, мы ненавидели друг друга, а в последние года, Линди стала едва ли не самым дорогим человеком. Я бежал рассказывать ей свои проблемы, делился радостями, да и она часто баловала меня смешными историями про своих подружек.

После того, как гости сели за стол, и прошло уже несколько смен блюд, мне сделалось скучно, и я сбежал с праздника. На кухне я умыкнул тарелку с пирожными, конечно, мастер Го заметит и станет ругаться, но я уже понял, как молодой господин, могу позволить себе многое. С пирожными я забрался на крышу левого крыла нашего особняка и, свесив ноги, сидел там, любуясь подвыпившими гостями внизу. Рядом жужжал охранный дрон, впрочем, я уже привык, и он мне не мешал.

Позади послышались тихие шаги, полоска моего давления слегка скакнула. Как я выучил цифры, зайца сменили стандартные индикаторы: давление, уровень холестерина, целая куча гормонов, показатели активности, здоровья — все это мало что мне говорило, разве, кроме последнего.

— Так и знала, что ты здесь, — зашуршала одежда, Марико

опустилась рядом, со стуком положила снятые туфли.

— Натирают, — хозяйски протянула руку к пирожному, откусила.

— Это же твой праздник, — я кивнул вниз.

— Ага, праздник, они думали, я не слышу, старикан Канг сказал отцу: твоя дочка уже взрослая и я выбрал ей мужа. Слыхал, выбрал! Из Семьи Лян, мол мы давно должны были породниться. Как… как… на случку! — Марико зло схватила следующее пирожное, между прочим — последнее, зачавкала. — Объемся, стану толстой, и никто на меня не посмотрит, и не женится! Вот!

Я не знал, что сказать, в конце концов, она знала, что с ее замужеством так будет, мы все знали.

— Может, он окажется хорошим парнем.

— Как же, держи карман шире! На следующий месяц назначили смотрины! Сбегу! Брошу все и сбегу! Я, между прочим, актрисой хочу стать, в театре… ну или модельером.

Доев пирожное, она зло пошарила по тарелке, хотела что-то сказать, судя по выражению лица что-то обидное.

Я же мучительно соображал, чтобы такое сделать, чтобы отговорить Марико. С одной стороны, если я расскажу папе, о ее решении бежать, я предам сестру. С другой, если не расскажу — подведу отца.

Видимо, Марико поняла моя состояние, она улыбнулась, взлохматила мне волосы.

— Не волнуйся, малыш Юй, никуда я не сбегу.

* * *

Сразу за дверью была комната, одним взглядом я охватил серые, пластиковые, как и крыша, стены с пучками трав на них, серый пол с двумя рваными циновками, кучу беспорядочно сваленных бамбуковых корзин в углу и несколько дверей, что вели в другие комнаты. На одной циновке сидела и плела корзину сгорбленная старуха, на второй, вытянув лапы и положив на них лобастую голову примостился голован.

Когда я вошел, они оба подняли на меня глаза.

Голован зарычал, но старуха цыкнула на него, и пес замолк. Надо сказать, во времена моего детства, мода на голованов была сильно распространена. Они не рождались такими, щенков подвергали изменениям сразу после рождения, усиливая рост лобных долей головного мозга. Отсюда голованы получили свое название, хотя череп у них был не очень большой. Голованы имели развитие пятилетнего ребенка, умели разговаривать,

некоторые даже могли читать и писать. Со временем, организации защиты природы возмутились, и голованов запретили, хотя, как я знал, их еще делали в подпольных лабораториях.

— Мой флайер сломался, могу переночевать? — спросил я.

Старуха выразительно потерла большим и указательным пальцами друг о друга.

— Де-сять кре-ди-ток, — гавкнул голован. Так как речевой аппарат их был не очень приспособлен для воспроизведения человеческих звуков, разговаривали они отрывисто, слогами, но понять было можно.

Я кивнул в знак согласия, голован сходил куда-то вглубь дома и вернулся, сжимая в пасти старый, но, судя по зеленеющим индикаторам, еще работающий терминал, я мазнул по нему запястьем, и десять кредиток ушли к старухе.

Морщинистой рукой она указала на одну из дверей.

— Там, можешь спать там.

* * *

она подсела к нему за стол

* * *

Она подсела к нему за стол, ноги вместе, руки на коленях, взор опущен. Привычная поза, для него, для нее. Тот же овал лица, разрез глаз, линия губ и, вместе с тем, что-то не так. Это была Лилин, девушка, которую он любит, и не она, вне стен клуба, без привычного макияжа и блестящей одежды перед ним словно сидела незнакомка. Нет, Лилин была по-прежнему прекрасна, но как-то иначе, другой, земной что ли красотой. Вэньян так ждал этого момента, сотни раз проигрывал его в воображении, а сейчас сидел, не зная, как начать. Словно не было всех этих безумных ночей вместе, и жарких объятий, и слов страсти, и просто разговоров.

— Ты пришла.

Она подняла взгляд, и опять эта нотка грусти.

— Не приходи больше в клуб, не надо, не трать деньги, если хочешь, можем встречаться здесь, нам разрешено выходить ненадолго.

— Почему? — Вэньян и сам не понимал, что хотел этим спросить: почему не приходить? Почему она пришла? Почему к нему?

Лилин налила себе чай, сделала осторожный глоток.

— Я уже не кажусь тебе такой привлекательной?

— Нет, что ты!.. — но язык не повернулся сказать, что он любит ее.

Да что же, Боги-демоны с ним такое! Лилин, его Лилин, девушка, которой он бредил последние месяцы, вот она — рядом, руку протяни, а он, словно воды в рот набрал, или чая.

— Меня ведь даже не Лилин зовут.

— Как так? — опешил Вэньян.

— Еще на входе, мы сканируем клиентов, имя, доходы, положение, история в вирте, социальные сети, все, что можно узнать, к тому же разговоры в клубе прослушиваются и, когда клиент приходит к нам, почти всегда угадываем с именем. Кто была эта Лилин? Какая-нибудь актриса? Первая любовь? Думаю, любовь, почти всегда она, не обязательно взаимная.

Вэньян кивнул.

— Как… как твоя настоящее имя?

Она грустно улыбнулась.

— Какая разница, да я и сама почти не помню. Нас выкупают у родителей еще подростками, воспитывают, изменяют, учат, и для каждого клиента я становлюсь тем, кем хочет он.

— Выкупают? Нет, продажа людей, рабство запрещено…

— Разве ты, поступая на работу и подписывая контракт, не продаешься? Разве миллионы людей не вступают в такое же принудительно-добровольное рабство? Принудительное потому что, если не продашься, тебе будет нечего есть, негде жить, заболеешь — лечить никто не станет, пропадешь — никто не будет искать. Все мы — рабы. Там, откуда я родом, это не такой уж плохой и почти единственный способ выбраться. Родители даже счастливы, если удается пристроить дочь, или сына, и им доход, и ребенок, считай, устроен.

— Ты… тебе нравится твоя… жизнь? — он хотел сказать «работа», но одумался.

Она снова сделал осторожный глоток.

— В комнате, там, в клубе, ты же чувствовал себя иначе, верно?

Вэньян кивнул.

— Внутри распыляются феромоны, гормоны счастья, немного наркотика, газа правды, средств, стимулирующих половое влечение, все в строго выверенных и почти законных количествах. Это делается для того, чтобы клиент чувствовал себя счастливым, раскованным, влюбленным, чтобы еще хотел вернуться к нам. Ты ведь хотел, верно?

Вэньян снова кивнул.

— Это не я, это все химия. Похожие средства вводят и нам, мы влюбляемся в своих клиентов, почти искренне, ибо человек часто чувствует фальшь, и «почти», потому что умом понимаем — все это неправда, и, когда он уйдет, уйдут и чувства. Но так легче, поверь, для нас и для клиентов. Наш контракт не рабство, мы можем выкупить его, все девочки собирают, и я собираю. Если повезет, годам к тридцати… но я слышала, многие, кто уже собрал, так и остаются работать, ибо больше ничего не умеют, да и что или кто их ждет в том мире.

«Я! Я тебя жду!» — хотел сказать Вэньян, но не сказал.

Его, ее чувства — это все химия, ненастоящее.

— Почему ты пришла… сюда?

Лилин, а он мысленно продолжал называть ее так, грустно улыбнулась.

— Не знаю. Я видела, как ты мучаешься, видела, что ты отдаешь последнее, ради встреч со мной, но я же знала, тебя тянет не ко мне, а ко всей этой химии, снова испытать то, что

испытывал, как наркомана, я видела, что ты скатываешься и…

— Пожалела.

Она грустно улыбнулась.

— Я не знаю.

— Как твое настоящее имя?

— Мей, меня звать Мей.

— Мей, я не приду больше в клуб, я не назову тебя больше Лилин, но я прошу тебя, давай еще встретимся, здесь, или где ты захочешь. Как часто вам можно покидать заведение?

— Раз в неделю.

— Тогда на следующей неделе, в это же время, ты придешь?

— Я подумаю.

* * *

Комната за дверью была совсем маленькая, в ней помещались лишь узкая низкая тахта, да шкаф. Тахта была застелена мешковиной, невольно вспомнились годы обучения в школе Хакуун, да не думал, что когда-то снова придется ночевать так.

Я порылся и отыскал в карманах пачку крекеров, и так как кормить меня здесь явно не собирались, то распечатал и захрустел ими.

Насытившись таким образом, я выключил свет и попытался заснуть, но сон не шел ко мне. Месяц светил в окно, и луч его играл на сером полу. Вдруг, на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно — кто-то снова пробежал мимо его и скрылся. Я встал и вышел из комнаты, старухи и голована уже не было, так что я тихо покинул дом. У обрыва, что вел к морю, я заметил какое-то движение. Прячась в тени, я подошел к краю. От дома, вниз вела тропинка, и по ней спускались две тени. В одной без труда угадывался голован, хотя спина животного и была навьючена какими-то мешками, а вот вторая — высокая, гибкая, на старуху явно не походила. Подождав, пока они почти не спустились, заинтригованный я двинулся следом.

И эта ночь, когда мне не пришлось заснуть, вольно или невольно наложилась на другую, самую памятную ночь в моей жизни. Это была ночь, которая делит жизнь на «до» и «после», во всяком случае, с моей жизнью было именно так. В отличие от этой, в начале той ночи, я все-таки спал.

* * *

меня разбудил шум

* * *

Меня разбудил шум. Лай собаки. Вообще-то сторожевые псы не лают, но старый Собэй, доживший до собачьей пенсии и получивший в награду просторный вольер с теплой будкой, иногда позволял себе вольности. Так вот, лаял Собэй. А потом он замолчал, резко, внезапно, на полулае, и мне сделалось страшно.

Резко, от удара открылась дверь, в проеме стояли отец, мать, Марико, мистер Чжан и с десяток охранников в синей с золотым униформе родовых цветов клана Тан. Мои собственные охранные дроны смешались с их. Полоски перед глазами налились красным.

— Скорее!

Один из охранников поднимает меня, легко, как пушинку, и выносит в коридор. Я попадаю в объятия матери, она в ночной сорочке, поверх нее накинута серая шаль из шерсти, на ногах розовые домашние тапочки. Всю картину глаза охватывают целиком, как и то, что мужчины, включая отца, вооружены.

— К гаражу, — говорит мистер Чжан, и отец кивает.

Вдалеке слышны выстрелы, а еще крики.

Мы бежим к лестнице, спускаемся вниз, путь к гаражу лежит через парадную залу — ту самую, где проходят приемы и праздники. Внутрь сначала влетают дроны, за ними вбегают охранники и мы.

Они стоят в противоположном конце, загораживая двери. Трое, всего трое. Я уже видел модификантов-воинов, но чтобы таких, вживую, не в кино, впервые. Говорят, во время Войны Корпораций их были целые армии — живые танки, корабли, подлодки, самолеты и конечно же — измененные солдаты. Каждый полк — под собственные нужды.

Один был похож на ежа, да, ежа. Длинные толстые иглы росли из боков тела под разными углами, позади бугрилось что-то похожее на панцирь, возможно тоже с иглами, мускулистые руки сжимали огромный десантный бластер — такие носят хорошие парни в сериалах, и дуло его сейчас направлено на нас.

Второй заменил себе голову на звериную, кажется, медвежью. Шерсть выбрита, только на макушке торчит забавный хохолок, торс покрыт мехом, а ниже пояса вообще механика — четыре

лапы, похожих на паучьи, заостренные на концах.

Третий… третьего я как следует не рассмотрел, только то, что рук у него четыре и две из них заканчиваются раструбами бластеров, а другие две длинными клинками.

Они начали стрелять, мы тоже. В зале были колонны, а еще ниши — хоть какое-то укрытие. Не пойму как, но мы разделились с мамой. За одной колонной оказался папа, за другой пара охранников, ближе ко мне мистер Чжан с Марико, я же отыскал массивный постамент с древней вазой и скрутился за ним. Вылетающие из бластеров сгустки энергии в темноте смотрелись почти как в кино. Как не в кино пахло паленым мясом и было страшно.

Отец посмотрел на мистера Чжана, затем кивнул на дверь, почти неприметную, через нее тоже можно было пройти к гаражам, только путь был несравненно дольше, через второй этаж и комнаты для прислуги.

— Спаси их.

Мистер Чжан покачал головой.

— Ливей, нет, — он впервые назвал отца по имени, во всяком случае, в моем присутствии.

— Во имя Богов, во имя нашей дружбы, спаси моих детей, любой ценой, слышишь, любой ценой! — смотрел при этом он исключительно на меня.

Мистер Чжан коротко кивнул.

— Прикройте.

Отец, а с ним и остальные, высунувшись из укрытий, принялись поливать огнем залу. Мистер Чжан подхватил меня и побежал к двери, следом бежала Марико и несколько охранников.

Мистер Чжан погиб неожиданно. Дронов мы давно потеряли и поэтому, перед тем, как идти, приходилось или высовываться из-за угла, или посылать разведку. За очередной поворот мистер Чжан ни послал человека, ни выглянул, просто выбежал, первым. И тут же упал, прожжённый энергетическим сгустком. Один из охранников принялся поливать коридор ответным огнем, второй затянул полуживого босса за спасительный угол.

— Марико, — он схватил сестру за руку, — ты должна защитить Юйцая, он наследник, слышишь, должна!

Марико кивнула, сняла с пояса Чжана две гранаты, кажется обычные, не нано, бластер брать не стала, все равно он стрелял только в руках хозяина.

А мистер Чжан умер, и охранник, тот, что стрелял. С оставшимися, мы побежали дальше.

К тому времени, из охранников в живых остался только один — молодой паренек, едва ли не на пару лет старше Марико, с

полоской редких юношеских усов над оттопыренной губой и широкими бровями, задранными над переносицей, отчего вид у него казался всегда удивленный.

Мы уже были на этаже прислуги, до гаража всего-ничего. Заслышав шаги, мы в последний момент успели забежать в одну из комнат и совсем не героически спрятались там под кроватью.

Двигаясь, нападающий скрипел, совсем как Диживс. Скрип приблизился, замер перед нашей дверью. Может, у него было тепловое зрение, может просто заметил шевеление двери. Охранник рядом со мной посмотрел на индикатор заряда оружия — почти на нуле. Взглянул на меня, виде у него был несчастный, почти умоляющий.

В этот момент в коридоре послышались еще одни скрипучие шаги.

— Уходи, старик, — произнес незнакомый голос, — свое ты отвоевал.

Шаги заскрипели чаще, слились в один звук, в коридоре что-то сшиблось, от удара дверь распахнулась, в комнату влетел клубок сплетенных кибер-механических тел. Когда клубок распался на два тела, в одном, не без удивления, я узнал старого дворецкого. Таким я его никогда не видел — все четыре конечности растопырены, тело параллельно полу, голова ушла куда-то в плечи, лишь глаза сверкают впереди туловища. Ни дать, ни взять — хищник перед прыжком. Надо же, я и не знал, что Диживс из боевых киборгов.

Заметив меня, одна из механических конечностей указала на дверь, а в следующую секунду Диживс прыгнул.

Не дожидаясь окончания схватки, мы вылезли и побежали.

Мы с Марико почти добрались, почти. Молоденький охранник остался где-то позади прикрывать отход. Последний переход, уже можно было видеть двери гаража, он стоял, загораживая их. Почти круглое тело с маленькими ножками, большими руками, иглами и панцирем. Может, тот же, что был наверху в зале, может у нападающих таких модификантов несколько. Вместо ожидаемых охранников, увидев лишь двух детей, бандит оскалился. Зубы у него тоже были, как иглы, к тому же зеленые. Из оружия у нас были только две гранаты Марико. Поначалу мы замерли, а потом медленно пошли на него, все равно назад пути не было.

Марико посмотрела на меня, совсем как до этого отец на Чжана.

— Ты должен выжить, Ювэй, — она назвала меня взрослым именем, — должен!

Я понял, что она собирается сделать.

— Нет, Марико, нет…

— Беги! — она толкнула меня в щель, между иглами и стеной коридора. Я проскочил, сам не понял как. — Беги! — выхватив гранаты, она кинулась на бандита.

И я побежал.

Не помню, как залез во флайер, вдавил кнопку последнего маршрута.

Помню взрыв, который раздался позади.

* * *

С трудом я пробирался по крутизне, а парочка между тем была уже внизу. Они подошли так близко к кромке воды, что казалось, сейчас волна схватит и унесет их. Голован сел на песок, а вторая тень сняла с него узлы и мешки. Спускаясь, я не сводил с них глаз, ежесекундно рискуя упасть и сломать себе шею.

— Что, Ирч, — долетел до меня девичий голос, — что слышишь ты своим обостренным собачьим чутьем? Буря сильна, плывет ли Юдаи?

— Ю-даи не бои-тся бу-ри, — отвечал голован. — Ю-даи не бои-тся вет-ров, не бои-тся ту-ма-на, он, как Бог-де-мон Лу-ван, слы-шишь, это не во-да пле-щет, это дви-га-тель его лод-ки, ме-ня не об-ма-нешь.

Та, что была с голованом вскочила и стала всматриваться вдаль. Я между тем добрался до низа и спрятался за скалой у берега. Переведя взгляд на ночное зрение, я смог рассмотреть незнакомку. Невысокая, ладная фигурка в облегающем гидрокостюме, длинные волосы, высокий лоб, маленький, чуть вздернутый носик, полные губы и большие глаза.

— Я ничего не слышу, — сказала незнакомка беспокойно.

Я тоже, сколько ни старался различить вдалеке что-нибудь наподобие лодки, ничего не увидел. Так прошло еще какое-то время, и вот показалась между горами волн черная точка, она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на пенистые хребты, быстро спускалась с них, приближаясь к берегу. Вскоре послышался и звук двигателя.

— Я же го-во-рил, — гавкнул голован.

Вскоре острый нос уткнулся в прибрежный песок, откинулся защитный колпак, и на берег спрыгнул человек среднего роста, в легкой одежде горожанина, он махнул рукою, и все трое принялись грузить тюки и мешки в лодку.

— У нас гость, — долетели до меня слова девушки.

— Хорошо, — ответил незнакомец, но окончание речи его

потонуло в шелесте моря.

Голован начал принюхиваться, и я, опасаясь быть обнаруженным, поспешно вернулся в дом. Увиденное отчего-то меня так растревожило, что я забился неспокойным сном только под утро.

* * *

Раз в неделю — много это, или мало? Чтобы узнать человека, чтобы с нетерпением жать следующего свидания?

Сейчас, когда на Вэньяна не действовали все эти гормоны, он все равно ждал каждой встречи с Мей. Но это было совсем другое нетерпение. Если раньше он жаждал ночи с Лилин, как сумасшедший, как наркоман жаждет дозу, то сейчас… нет, нетерпение и волнение, и тянучка часов до встречи остались, но не было того безумия, вместо него пришла тихая радость.

Иногда они не выходили из чайной, иногда, наоборот, гуляли все свидание напролет, а это были именно свидания. И, конечно, говорили, много говорили. Обо всем и ни о чем. Он рассказывал какие-то забавные случаи с работы, она что-то о девочках, о детстве, о погоде, обсуждали новые фильмы и книги, оказывается, Мей обожала фантастику, как и Вэньян.

— Есть гипотеза, что древние люди могли летать к другим звездам, давно, еще в допотопные времена. Представляешь, если это правда! Увидеть иные миры, ступить на поверхность неизведанной планеты!

— А еще говорят эльфы до сих пор живут в лесах Равенора. До ближайшей звезды много миллионов километров, а то и миллиардов, путь туда займет не одно поколение. И, если предки умели, отчего разучились? И где сейчас эти древние корабли?

— Умеешь ты все портить, — притворно надулась Мей.

Поначалу девушка приходила грустная, затем начала улыбаться, вскоре уже смеялась нелепым шуткам Вэньяна.

Мей открылась с новой стороны, вне борделя, вне секса, хотя Вэньян ни на минуту не забывал, где она работает и чем там занимается, но теперь он хотя бы понимал — там не она, не настоящая Мей. А настоящая — она с ним. Еще он понял, что раньше, несмотря на воздействие всяческой химии, в глубине души знал и боялся, что такая девушка, как Лилин с ним только из-за денег. Мей была другая, более земная что ли, но она была с ним, она приходила ради него, и от этого становилось так хорошо, как никогда в жизни.

— Почему ты пришла, тогда, в первый раз и именно ко мне?

Ведь тебя наверняка многие звали?

Она погладила его по щеке.

— Что ты хочешь услышать?

Действительно, что он хотел услышать? Что пожалела, что нужно было найти какую-то отдушину, что… любит его.

Слово «любовь» никогда не было произнесено, ни с его, ни с ее стороны, однако Вэньян понимал — это любовь, во всяком случае, у него. Не то чувство, похожее на болезнь, которое было у него к Лилин, а тихая, хрупкая радость, когда ты счастлив просто от того, что любимый тобой человек — рядом. Когда ты желаешь ему счастья, пусть и в ущерб себе.

И тогда Вэньян решился.

* * *

на утро, покинув свою комнату

* * *

На утро, покинув свою комнату, я не обнаружил ни старухи, ни голована, на подоконнике меня ждала миска остывшей похлебки из рыбы.

Я ел, а из головы не выходила ночная незнакомка. Кто она? Откуда? И ведь спросить не у кого. Я начал дергать другие двери, одна оказалась заперта, а из-за второй на меня вышел голован.

— Ту-да нель-зя, — гавкнул он.

Из любопытства я просканировал и увидел, что за дверью работает какая-то аппаратура.

— Ночью я проснулся, и увидел в окно, как ты спускался с кем-то к морю, — обратился я к голованy, — кто это был с тобой?

Пес растянулся на циновке, хвостом ко мне.

— Ник-то, — произнес он в пустоту.

Внезапно я услышал песню. Женский, свежий голосок, выводил слова:

Весь мир, пылая жаром, светел.
За грань вселенной вышли мысли.
Стремятся, как долина в горы,
Они в воздушные просторы.
Издалека примчался ветер.
Откуда он — и не исчислить.
Река и море от волны
И беспокойны, и мутны.

Я выбежал на улицу и увидел ее — мою ночную незнакомку. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она стояла на краю обрыва, пристально всматриваясь вдаль. Внезапно она рассмеялась и снова запела песню:

Но эта вечная забота
От тела только. Мне понятно,
Лишь на себя я оглянулась…
Еще я сердцем не проснулась —
И вдруг вступаю я в «Ворота

Росы Сладчайшей, Ароматной»,
Где в чистом мире холодка
Для сердца радость велика.

(Тван Вэй, пер. с кит. Ю. Щуцкого)

Я осторожно начал подходить, но она услышала меня и прекратила петь. Я наконец-то смог рассмотреть девушку, как следует. Была она не совсем красавица, но… в ней было что-то… необыкновенная гибкость маленького стана, озорной блеск темных глаз, особый наклон головы, длинные густые волосы — в свете дня — с рыжиной, золотистый отлив слегка загорелой кожи… она опустила руку и взглянула на меня.

— Скажи мне, — произнес я, — как тебя зовут?

— Кто зовет, тот знает.

— А кто зовет?

— Кому надо — тот зовет.

Разговор был довольно странен.

— Экая ты скрытная! Давай прогуляемся, поговорим.

Она тряхнула волосами, и солнце заиграло в рыжих прядях.

— Не могу.

— А когда сможешь?

— Если хочешь еще увидеть меня, приходи, как стемнеет, на берег, тогда и поговорим, — и она упорхнула, словно и не было.

Я снова заглянул в дом — старуха так и не появилась, голован спал, или делал вид, что спит, тогда я отыскал старого робота, что встречал меня ночью. Он стоял в тех же кустах, которые при свете дня не казались столь непроходимыми.

— Кроме старухи и голована, кто еще живет в деревне? — спросил я.

Робот пощелкал чем-то внутри и родил:

— Чем еще могу помочь, господин?

— Я спросил, кроме старухи и голована, есть еще кто-то в деревне?

Робот снова пощелкал.

— Вы можете здесь переночевать.

Все ясно.

Я сходил к флайеру, взял продуктов и воды, индикатор показывал, что через два часа можно будет лететь, но я уже не собирался так быстро покидать это место.

Флайер. И снова воспоминания, тогда флайер привез меня…

* * *

Из особняка, подвергшегося нападению, флайер привез меня к Вустеру — роботу-учителю, все верно, ведь вечером наша машина отвозила его домой. Тогда я понял — это судьба.

Когда все рассказал, Вустер засуетился.

— Бедное дитя, бедное дитя! — жил он в небольшой коморке, настолько маленькой, что при желании мог бы дотянуться до противоположных стен руками. Свое возбуждение он выказывал тем, что поднимал и опускал эти самые руки с гибкими манипуляторами. — Полиция, да, полиция, срочно сообщить…

— Думаю, они уже там, — внезапно я себя почувствовал очень взрослым.

— Тебя станут искать. Ты же член Семьи Тан, у тебя есть влиятельные родственники, они позаботятся, нужно поставить в известность их…

Я вспомнил старого Канга на дне рождения у Марико. Этот ворчун станет обо мне заботиться… жить с вечно недовольным стариканом… Кажется, именно в тот момент я принял решение, первое взрослое решение, которое изменило всю мою жизнь.

— Я — единственный выживший, значит, я — наследник и я богат?

— Ну, э-э, да, — Вустер прекратил махать руками, явно не понимая, что со мной и, главное, к чему я это спрашиваю. Все-таки роботы и люди отличаются. — Потребуется, конечно, некоторое время, соблюсти необходимые формальности, до совершеннолетия, суд назначит тебе опекуна…

— Ты — гражданин?

— Как любой учитель, приравнен в правах с людьми, — мигнул робот.

— Тогда ты станешь моим опекуном. И я хочу следующего…

* * *

До вечера я слонялся по деревне, заходя в дома и осматривая окрестности. Если люди когда-то и жили здесь, они давно покинули это место.

Наконец, когда настал вечер, я спустился к морю.

Они сидела на камне, том самом, за которым я прятался накануне. Ветер развевал длинные пряди.

— Ты пришел, — сказала незнакомка.

— Как зовут тебя, — снова спросил я.

— Ты пришел за этим, узнать имя?

— Нет, — честно ответил я.

Тогда она поднялась, приблизилась ко мне и неожиданно

обвила мой стан руками.

Лицо ее выражало величайшее душевное волнение, она приблизила свои губы к моим и огненный поцелуй запечатлелся на моих устах. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, щека ее прижималась к моей, и я чувствовал лицом пламенное дыхание.

Вдруг что-то шумно хлюпнуло сзади. Я хотел обернуться, но она, как кошка, вцепилась в меня. Между нами завязалась отчаянная борьба, девушка оказалась непомерно сильна, я чувствовал, как стальные объятия сжимаются на мне, несмотря на то, что страх и бешенство придавали мне силы. Меч выскочил из моей руки и полоснул незнакомку, зашипев, она отскочила, и как раз вовремя. Обернувшись, я увидел, что от моря ко мне приближается давешний пловец. Прошлой ночью одежда ввела меня в обман. Если когда-то он и был человеком, то сейчас, за многочленными имплантами и усовершенствованиями давно утратил человеческий облик. Из тела росло по меньшей мере восемь членистых рук, вместо глаз — окуляры на подвижных ножках, там, где рот — механические челюсти с блестящими зубами, из штанин выглядывали присоски ступней.

— У него меч! — крикнула девушка позади меня. Но голос был какой-то не такой, отрывистый, похож на лай голована.

Не дожидаясь, пока незнакомец придет в себя, я ударил, наотмашь, позволив клинку выйти на всю длину. И голова его взлетела и упала к моим ногам. Я тут же обернулся — Боги-демоны — вместо прекрасной незнакомки, припав к камням, в готовом сорваться прыжке, замерла огромная лиса. Острая мордочка хищно щерилась мелкими зубами. Увидев, что я сотворил с измененным, она взвыла и прыгнула на меня. Я лишь подставил меч, сталь тускло блеснула в свете луны, что показалась из-за облаков, осветив происходящее на берегу. Лиса сама насадила себя на лезвие, я опустил клинок, стряхивая ее тело.

Я стоял на берегу, у ног моих лежало два трупа.

Внезапно новый вой разорвал тишину ночи, по тропинке, с обрыва к нам спускался голован. Я отступил, думая принять бой, но, вопреки ожиданию, он кинулся к телу лисы, которое уже начало изменяться, снова принимая облик девушки.

— Ты у-бил ее! — слезы катились по собачьим щекам.

А тело между тем продолжало меняться, и вот уже у ног пса лежала старуха. Я слышал об оборотнях хули-цзин, что могли жить и в человеческом и в лисьем обличии, но видел впервые.

— Ты у-бил ее! Я про-кли-наю те-бя!

Ежесекундно ожидая нападения, я поднялся по тропинке, но

видно горе голована было слишком сильно, или у него доставало мозгов не связываться со мной.

Пока поднимался, догадка озарила меня. Я вошел в дом и вскрыл комнату с аппаратурой. Как и думал, здесь были радары и глушилки, что могли привести к сбою в работе моего флайера. Еще в многочисленных шкафах лежали органы и импланты, что банда изымала из незадачливых путников, да и флайера недешевы. Несколькими ударами меча я разрушил все это.

Пошел к выходу из деревни — старый робот стоял на месте.

— Чем могу помочь, господин? Вы можете здесь переночевать.

Ударом меча я прекратил и его существование. Подумал, не вернуться ли за голованом, но решил, что без сообщников, он не опасен.

ВЭНЬЯН НАСТОЩЕЕ

— Сегодня я задержусь, ужинай без меня.

Вэньян улучил минутку, чтобы позвонить Мей.

Голова девушки висела перед глазами, прямо в центре раскидистого куста шиповника, за которым спрятался Вэньян. Он выбрал его потому, что с этого места просматривался вход.

— У тебя все хорошо? Ты ничего от меня не скрываешь? — несколько красных плодов оказались в районе волос, словно крупные капли крови, или рубины.

— Не могу говорить, пока, — Вэньян отключился.

Кажется, он первый раз соврал Мей. И что самое странное — далось это ему удивительно легко. Врал ли он раньше так же легко? Нет, кажется, нет, всегда бледнел, краснел и чувствовал себя виноватым, а здесь — раз — и все, словно уже имел практику.

Дальнейшие мысли прервал рыжий — он вышел из проходной вместе с каким-то типом в розовой рубашке под широким плащом. Надо же — шейный этаж, высоко ты летаешь, рыжий друг. Если они и дальше пойдут вместе — в планы придется вносить коррективы.

На счастье, на первой же развилке парочка распрощалась, розоворубащечник свернул к стоянке личного транспорта, а рыжий ступил на подъемный тротуар.

* * *

Как ребенку, серьезные импланты ставить мне отказывались. Конечно, деньги решали многое, но я сам понимал — еще рано. Тогда я ушел в горы Кумао, где размещалась школа боевого шпионажа Хакуун. Неделю, целую неделю я с другими претендентами провели у ворот школы, без еды, воды, под проливными дождями, ветром, ночуя, прижавшись друг к другу, прямо на улице, демонстрируя непреклонность намерений. К исходу седьмого дня, из трех десятков претендентов осталось пятеро, в том числе и я.

Тогда вышел младший служка и махнул нам, мол, заходите.

И мы зашли.

Обучение в школе стоило недешево, и все равно весь первый год мы только и делали, что работали на кухне, таскали воду, хотя в школе был водопровод, подметали плац, убирались в

комнатах и чистили туалеты. Старшие ученики всячески издевались над новичками. Примерно половина из зачисленных дотерпевала до конца года. Потом мы становились младшими служками, и к терпению и смирению, которые воспитывали в нас весь первый год, добавились тренировки на выносливость, на растяжку, физические упражнения.

Я все терпел, перед глазами у меня стояла Марико, ее последний взгляд.

Однажды, когда один из учителей оставил меня стоять на руках пол дня, к обеду, у меня пошла носом кровь, горло отекло, я начал задыхаться, индикатор здоровья дошел почти до нуля, тогда я опустился на ноги; учитель, увидев это, избил меня. Он сказал, что такие неженки здесь не нужны и что я могу убираться. Едва живой, я потом два дня вымаливал прощение.

Нас обучали владеть своим телом и — самое главное — духом.

— Импланты это хорошо, — говорил учитель Хаккун Доси, расхаживая перед строем средних учеников и щеголяя новым телескопическим глазом посередине лба, — но что вы станете делать, когда они откажут, а рядом не будет механика, чтобы подчинить? Или, скажем, вы окажетесь в месте, в котором они вообще перестанут действовать. Что тогда? Дух, тело — вот основные инструменты воина! Ну и наниты.

Нам вводили специальные коктейли из нанороботов, так что в лютую стужу я мог изнывать от жары, и, если захочу, замерзнуть среди пустыни. Я мог купировать боль, останавливать кровотечения, мог днями сидеть без движения, снижая до минимума жизненные функции.

Став старшим учеником, уже я издевался над новобранцами, и это тоже был один из этапов обучения.

Наши рефлексы отточили почти до молниеносной быстроты, причем новые нейронные связи мы могли создавать одним усилием воли.

К концу шестого года обучения, учитель Хаккун Доси собрал нас.

— Я обучил вас всему, что знаю сам. Мы сделали вас быстрыми, мы сделали вас находчивыми и безжалостными. Мы обучили вас многому, но есть кое-что, что даже мы не можем дать — опыт. Да, любое движение, любой прием можно довести до автоматизма, но без применения, это лишь пустое сотрясание воздуха. И новичок, как бы талантлив и тренирован он ни был, почти всегда проиграет в схватке опытному бойцу. Опыт… вы пока не убийцы, да, знаете, как это сделать лучше, быстрее, максимально эффективно или оттянуто и незаметно, но вы не

убийцы, пока… и это тоже опыт.

Он не сказал — нужно совершить убийство, но все поняли и так.

Я примкнул к триаде Рябого Ду, благо они набирали бойцов, сразу по выходу из школы.

Помню своего первого убитого, это был старик-торговец, он проигрался и отказывался возвращать деньги, просил об отсрочке. Так как долг был небольшой, из него решено было сделать пример, остальным. Растерзанное тело мы повесили за кишки прямо на дверях его магазинчика.

Второй была девушка, она работала на одной из наркофабрик и вынесла несколько грамм порошка.

Позже я узнал, всегда так — сначала старик, уже пожил — легче убить, потом женщина, реже — девушка, некоторым «везло», им попадался еще и ребенок, но дети редко грешили, поэтому и «везунчиков» было не так много. Считалось, после этих двух, новичок может убить кого угодно. Может и так, потому что, после третьего, я считать перестал.

* * *

«Выпей меня! — перед Вэньяном возникла бутылка с чем-то пенящимся. — Утоли жажду!»

Реклама вырвала Вэньяна из пелены чужих воспоминаний. Стряхивая наваждение, он помотал головой, огляделся — рыжий уже успел отойти на достаточное расстояние, не хватало еще потерять его.

Вэньян двинулся за сутулой спиной в лимонной рубашке, а реклама тут же предложила взять пять бутылок по цене четырех. Резиновая дорожка подхватила его и понесла в гору. Хорошо, что над рыжим не кружил охранный дрон, некоторые богатеи обзаводились подобными штуками, бывало и не одним. Сами дроны стоили не так дорого, трудно и денежно было получить разрешение на пользование и полеты. Вскоре Вэньян понял, что рыжий направляется к стоянке флайеротакси.

Начальник службы безопасности Чжоу Канг пока не отыскал своего шпиона, или как он говорил: «крысу», а значит, чтобы он слишком усердно не рыл, эту «крысу» ему нужно дать. Рыжий представлялся как нельзя лучшим вариантом. Во-первых, работает с печеночными нанитами, во-вторых имеет достаточно высокий уровень доступа, ну а в-третьих и главных — он видел, как Вэньян просматривал файлы, к которым по идее не должен проявлять интерес. Просто удивительно, что он до сих пор не

побежал к Кангу. Что ж, тем хуже для него.

* * *

знаешь, я ведь собирался стать священником

* * *

— Знаешь, я ведь собирался стать священником.

Мой напарник — Брюс Чан сделал глубокую затяжку курительной палочки, на некоторое время задержал дыхание, а потом выпустил дым.

Курить ему прописали врачи, недавно Брюс поставил себе крылья-импланты, небольшие и, конечно, никого в воздух они поднять не могли, но зато были ультрамодные и, во всяком случае, пока, ужасно дорогие. Крылья приживались плохо, к тому же, чтобы они переливались в ночи, нужны были дополнительные элементы, вот их-то и получал организм Брюса из дыма.

— Чего ж не стал?

— А-а, — он махнул рукой, — судьба.

Храм был небольшой, да еще в бедном районе города, прямо перед нами возвышалась алтарная стена со множеством нарисованных шкал, приборов и несколькими прилепленными выключателями с облупившейся краской.

— Посмотри на это, — горящим кончиком Брюс обвел стену, — после Потопа, атомные священники спасли мир, они дали людям электричество, они укрыли города от непогоды, но, самое главное, они дали надежду! А теперь что? Кто сейчас вспоминает Атомных Богов?

— После Потопа прошло несколько тысяч лет, — я помахал рукой, отгоняя дым, — если он вообще был. Мир не стоит на месте, появились другие боги.

— Боги-демоны! — Брюс сделал очередную затяжку, выдохнул вонючий дым.

Мой индикатор здоровья чуть дрогнул и сместился влево, к началу. В принципе, я мог и нейтрализовать неприятный запах, как и вредное воздействие, но не стал. Начало! Каково это, видеть, как полоска твоей жизни уменьшается, на глазах, и знать, что, когда она дойдет до начала, до нуля — тебя не станет. В последнее время, убивая, я вглядывался в глаза жертвам, надеясь рассмотреть, не пропустить миг осознания, миг перехода. Иногда, казалось, ловил.

— Тише, кажется, идет, — Брюс бросил палочку, затоптал.

От входа раздались тихие шаги. Недавно поставленный радар вывел передо мной примерный вес, скорость, а также расстояние до объекта. Я обернулся — атомный священник, как все они — в сером балахоне. Этот еще не урод, говорят те, кто служит в головном храме Клапрота — единственно оставшемся, у самих Алтарей, со временем утрачивают человеческий облик, говорят также, что они долго не живут и их прямо там хоронят, в охладительных озерах.

Священник дошел до середины прохода между лавками, когда мы с Брюсом поднялись. Он замедлил шаг, но не остановился.

— Как вы меня нашли? — тихо спросил, когда подошел.

— Нужно было лучше скрываться, папаша! — грубо ответил Брюс.

Я знал, этот атомник был из бывших, из убийц триады, как и мы с Брюсом, к тому же не из последних.

Мы разошлись, обходя его с двух сторон, надпочечники привычно загнали в тело адреналин, немного подняв давление, но и скорость реакции. Рука давно сжимала игломет. Женская модель, он был сконструирован, чтобы помещаться в ридикюле. Из-за моих предпочтений в оружии, ребята — я знал — за спиной посмеивались надо мной. Да, здоровенная десантная пушка выглядит внушительно и убойной силой обладает будь здоров, но пока ее вытянешь, пока наведешь, я уже пять раз успею выстрелить.

Священник посмотрел на нас, напрягся, мы были готовы к отпору, затем как-то обмяк.

— Вы позволите мне помолиться?

Я переглянулся с Брюсом.

— Давай, только быстро.

Он кивнул.

— Я быстро.

Убил его Брюс, едва он сказал последнее слово молитвы, выстрелом из десантного бластера разворотил грудь. А я наклонился и заглянул в стекленеющие глаза. Полоса жизни, как она уходит?

Когда мы покидали храм, я понял, что пришла пора уходить из организации и мне. Еще немного, и она меня не отпустит, тогда я рискую закончить, как этот священник.

* * *

Вэньян взял такси, вслед за рыжим, и оба флайера взмыли в вечернее небо.

После четверти часа полета флайер рыжего приземлился в районе Пудун — не слишком респектабельно, но куда лучше районча Вэньяна.

Стоянка находилась прямо в парке, причем последний больше походил на заросший лес.

Мысленно воздав хвалу, каких вспомнил Богам-демонам, а особенно Циньгуану — богу судьбы и главному судье загробного мира, Вэньян покинул свое такси.

Парк был достаточно безлюден, да еще рыжий, сокращая путь, свернул с центральной аллеи.

Реклама находила потенциальных покупателей и здесь: «Звезды предвещают тебе сегодня неожиданную встречу и реализацию давно вынашиваемых планов. Желаешь узнать больше, заходи на…»

Вэньян про себя ухмыльнулся — звезды на его стороне.

Он подошел к нему сзади, наверно не так бесшумно, как казалось, ибо рыжий начал оборачиваться. Не дожидаясь, когда тот закончит, Вэньян ударил его нижней частью ладони по затылку. Рыжий упал, как подкошенный. Отчего-то Вэньян знал, что его свалит этот удар. Взяв за ноги, он утянул бесчувственное тело в кусты.

Рыжий должен умереть. Решение пришло неожиданно, когда он вчера обдумывал положение на работе. Вэньян ни секунды не колебался, а приняв решение, начал воплощать его в жизнь.

* * *

За время, пока меня не было, Вустер не постарел, да и как робот может постареть, разве что скрипеть при ходьбе стал сильнее.

— Ты стал похож на отца, — сказал он, вместо приветствия. — Знаешь, ведь я учил и его, и твоего деда, и твою… сестру. Однажды, я надеялся стать учителем для твоих детей.

— Как мои деньги? — воспоминание о Марико болью отдалось в сердце.

— На месте, все двести тридцать два миллиона, еще и с процентами, что набежали за эти годы.

— Проценты будут тебе, как и тридцать два, за службу; мне достаточно и двухсот.

— Хорошо, но это все равно твои деньги, если когда-нибудь понадобятся… мне некому их оставить, да собственно, не на что и

тратить.

— Купи себе новое тело, — я послал запрос на доступ к активам, в прошлом месяце мне исполнилось двадцать один, так что по всем законам я мог вступить в права.

Вустер качнул головой из стороны в сторону, что заменяло ему пожатие плечами.

— Я привык к старому, меня оно устраивает.

Помолчали.

— Как там наши? — спросил я, чтобы что-то спросить, пока проходила авторизация.

Снова покачивание головой.

— Клан Тан в последнее время на подъеме, несколько членов семьи даже вошли в кабинет министров, впрочем, ты это наверняка знаешь и без меня. Вернулся бы ты к своим, а? Они примут тебя.

Авторизация завершилась, я получил полный доступ к счетам, вся собственность переоформилась на мое имя. Запросил счет Вустера, перекинул ему все, что было свыше двухсот.

— Мне пора, — я поднялся.

— Ювэй, я знаю, что ты задумал, и даже понимаю тебя, но, Ювэй, подумай, это опасно, очень опасно, а отца, мать, близких уже не вернешь. Уверен, они хотели, чтобы ты жил!

— Значит, забыть, — я оскалился, да так, что Вустер даже отшатнулся. — Я уже не тот мальчик, которого ты знал.

— Я вижу, — кивнул старый учитель, — я вижу.

Сперва я хотел организовать свою гибель, и даже присмотрел подходящего парня на роль трупа, но потом решил не заморачиваться. Все равно, триаду это вряд ли проведет, а вот, после такого, искать они меня станут с удвоенной силой.

Я переслал Рябому Ду десять миллионов с глубочайшими сожалениями, с заверениями в вечной преданности и с объяснениями, что решил найти себя в боге. Я не был такой уж крупной фигурой, так что этого должно было хватить.

В закрытой клинике Зухарии, за очень большие деньги, мне сменили геномаркеры и подправили ауру, теперь для собак, или поисковых дронов я стал другим человеком.

После этого, мой путь лежал на острова Глапаг — к лучшим специалистам по модификациям.

* * *

в кустах Вэньян

* * *

В кустах Вэньян перевернул тело и, вытащив нож, приложил острие к левой стороне груди, как раз между пятым и шестым ребром, где верхушка сердца. Осталось лишь слегка надавить.

И в этот момент, Вэньян словно увидел себя со стороны. Как? Что он делает? Только что он совершенно хладнокровно оглушил невинного человека, а сейчас собирается не менее хладнокровно его зарезать. Ужели воспоминания загадочного Ювэя так влияют? Рука дрогнула. Он ли это? Тот самый Вэньян, которого задирали в школе, который в колледже слыл тихоней, а на работе был любимым мальчиком для битья Жонга Карлоса. Вот уж кого было бы неплохо прирезать, так это проклятого начальника!

В этот момент рыжий открыл глаза.

— Ты? — он конечно узнал Вэньяна, тем самым не оставив ему выбора. — Я никому не скажу! — тут же затараторил рыжий, — никогда! Только… только… не убивай. Пожалуйста. Я все забуду!

Рука с ножом задрожала.

«Скажет, скажет, — шептал внутренний голос, — они все сначала молят о пощаде, а потом бегут в полицию. Да он прямо сейчас может передавать сигнал опасности!»

Откуда Вэньян может это знать?

— Дай доступ! — твердо произнес Вэньян.

Рыжий понял его, предоставив разрешение, Вэньян тут же подключился. Сигнал тот не подал, но это ничего не значило.

Рыжий заметил внутреннюю борьбу.

— Когда я увидел тебя за документами, сразу понял, кто подкинул жучок, но я не выдал тебя тогда, не выдам и сейчас… пожалуйста, у меня семья, дети… я что хочешь для тебя сделаю…

— Что хочешь, говоришь? — новый план начал вырисовываться. Если бы вчера он хорошенько подумал, то понял бы — рыжий в качестве подставного не лучший кандидат. Они общались, главный безопасник Чжоу Канг вполне может заподозрить и его — Вэньяна. Если бы только рыжий не был нежелательным свидетелем.

— Да, да, что хочешь! — закивала жертва.

Рука с ножом отвердела.

— Имея в виду, я не один, и у нас длинные руки, понимаешь?

— Да, да, я понимаю!

— Если со мной что случится, мои друзья достанут тебя, тебе тогда не жить, это тоже понятно?

Рыжий снова закивал, он осознал, что сегодня не умрет.

Понял это и Вэньян.

— Живи, пока.

Пока Вэньян добирался домой, он думал, как же дошел до этого. Как всегда в последнее время, мысли перемежались видениями из жизни Ювэя.

* * *

Архипелаг Глапаг — более сотни маленьких островков с одним большим в центре. На большом — гостиница, порт, аэропорт, и клиника, на остальных — частные бунгало со всеми удобствами, включая выпивку, наркотики и доступных сиделок. Гости архипелага были не особо расположены встречаться друг с другом. Персоналу же, если верить хозяевам Глапага, после отбытия каждого гостя, подчищали память, впрочем, они на это сами подписывались и неплохо получали по истечении контракта.

У меня был персональный доктор со странной фамилией — Гопко, думаю, настоящей, так как никто подобный псевдоним себе не придумает.

— Ну-с, как наш гость сегодня? — пациентов они именовали исключительно гостями. И все время, пока находился в клинике, я, что называется, гостил.

— Нормально, — регенерационный гель рассосался, не оставив после себя не то что раны, даже шрама. — Когда можно будет попробовать?

— А вот счас и попробуем, сей же час!

Я вытянул руку, напрягся — ничего не произошло, попробовал еще раз — с тем же результатом.

Доктор с улыбкой наблюдал мои потуги.

— Это ничего, это бывает, — он поднялся, вальяжно прошел в конец комнаты, а затем, резко схватив небольшую круглую подушку с тахты, запусти ей в меня.

Я не успел ничего сообразить, вот летит подушка, а в следующее мгновение она уже насажена на блестящий, обоюдоострый клинок, что растет у меня из руки. А после этого пришла боль. Выходя, клинок взрезал кожу, получилась настоящая рана, к тому же она кровоточила. Индикатор здоровья начал уменьшаться, замигали еще несколько — давление, уровень

гемоглобина, я часто задышал, наниты спешно захватывали влагу, как и микроэлементы из воздуха, чтобы восстановить баланс.

— Отлично, просто отлично, — подлетел ко мне Гопко.

Я подумал, клинок спрятался, боль осталась.

— Скажите, это всегда будет так?

— Что вы, со временем, организм как бы адаптируется, боль уйдет, да и контролировать его появление вы сможете лучше.

— Он всегда будет выскакивать на опасность, без моего ведома?

— А вот это вам решать, голубчик, только вам. Хотите, настроим, как условный рефлекс, чуть что, и ваш ножичек вперед. А хотите, вы сможете сознательно управлять им, никакого своеволия, и только вам, как хозяину, решать показывать клинок, или нет. В конце концов, я не знаю рода вашей э-э-э деятельности, и какой из вариантов поведения оружия для вас предпочтительнее.

Помимо клинка в руке, они ввели мне специальный коктейль из нанитов, теперь я мог нейтрализовать сотни ядов, включая газообразные, синтезируя антидоты прямо в организме, мог видеть в темноте, обладал телескопическим зрением на небольших расстояниях, ну с десяток других функций по мелочи.

После нанитов, я долго болел — организм отказывался принимать чужеродные микросоздания, принимая их за инфекцию. Индикаторы просто сходили с ума, к тому же появилось с десяток новых. И, чтобы нейтрализовать ответ организма на нанитов, мне вводили новых.

Наконец, после двух месяцев «лечения», я был готов.

ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ

— Приветствуем тебя, о ищущий, в царстве единения, царстве божественного Цайхэ, того, кто повелевает цветами и растениями, танцами и весельем. Отрекаешься ли ты от благ цивилизации, техники и бетона, машин и компьютеров?

— Отрекаюсь.

— Принимаешь ли в сердце свое мать-природу, как прародительницу всего сущего, начала-начал и принимаешь ли в себя дары ее?

— Принимаю.

Мне протянули бамбуковый стакан, бледно-голубая опалесцирующая жидкость плескалась почти у краев, на дне его лежало небольшое желтое зернышко. Взглянув на обступивших меня, я выпил, проглотив зерно.

Колония называлась Лузитания, понятия не имею, что означало слово, поклонялись они в ней Богу-демону Цайхэ и проповедовали единение человека с природой, причем в буквальном смысле.

— Господин наш вечно юный Цайхэ был первым, кто восстал против засилья машин и технологий, которое веками пестовали Атомные Боги, — моя провожатая относилась к женскому полу, больше сказать было нельзя, возраст, фигуру, черты лица, все скрывал выбранный ею способ существования.

У меня у самого уже начинали чесаться руки, индикаторы же состояния организма давно, словно сошли с ума.

— Природа дала первые ростки жизни, которые породили людей, неблагодарными пасынками мы слишком долго загрязняли материнскую утробу, а она, любящей матерью терпела. Пришла пора вернуться в жизнелюбивые объятия и отдать накопленные за тысячелетия долги.

— У вас живет брат Пипо, я бы хотел встретиться с ним, — решил я сразу, перейти к делу.

Женщина посмотрела на меня. Голубые глаза окружал кустистый мох, так что они смотрелись, словно небесные озера на зеленой поляне. Такой же мох, только помельче, покрывал остальную часть лица, вместо волос на голове колосились какие-то злаковые, часть цвела, а часть пожелтела, словно пряди седины. Наверное, она все-таки в возрасте.

— Брат Пипо не может никого принять.

— Хорошо, — я почесал руку — во многих местах из-под кожи уже начинали пробиваться первые ростки, зеленые и

колючие — коктейль с зерном в бамбуковом стакане начинал действовать.

* * *

Знакомый вход, знакомый коридор и даже официант, кажется, знакомый. Казалось, Вэньян последний раз переступал порог клуба в прошлой жизни.

— Мистер Вон, мы рады вновь приветствовать вас в нашем заведении! — и встречают его, как старого знакомого. Если бы он не знал всю подоплеку, то подумал бы — действительно рады.

— Я хочу видеть директора, управляющего, одним словом, того, кто у вас здесь главный.

— Что-нибудь не так, мистер Вон? — в голосе вполне искреннее участие. — Вас недостаточно культурно обслужили, какие-нибудь жалобы? Уверяю, мы способны со всем разобраться на месте.

— Я хочу видеть вашего начальника! — и видя почти несчастное лицо парня, поспешно добавил, — нет, все хорошо, это… это по личному.

На секунду взгляд официанта стал отрешенным, видимо, он с кем-то связывался. Когда в глаза вновь вернулась жизнь, он мило улыбнулся.

— Прошу за мной, мистер Вон.

Вэньян никогда не был в этой части клуба, да он, собственно, нигде не был, кроме основного зала и спален.

Пока они шли по длинному слабо освещенному коридору, тело несколько раз фиксировало всплеск незнакомого излучения — его сканировали.

Наконец — двери, официант замер у порога, взгляд его снова потух, затем он осторожно постучал, хотя это было явно лишнее — за ними Вэньяна уже ждали. Двери открылись, Вэньян переступил порог.

Если честно, он ожидал увидеть много дерева, кожаные диваны, полумрак, постеры на стенах и огромный сейф в углу — словом, кабинет хозяина клуба, каким его любят изображать в фильмах. Постеры наличествовали, но это все. Строгая пластиковая мебель, примерно, как у него на работе, светлые стены, на одной — голопанно, изображающее часть леса с поваленными деревьями, картинка была настолько реалистична, что казалось можно войти в него прямо из кабинета.

— Слушаю, — за столом сидел типичный образчик настоящей мужской красоты: бронзовая кожа, высокие скулы, прямой ровный

нос, черные широкие брови и волосы с легкой проседью. Наверняка, большая часть — изменения, но ведь людям с заурядной внешностью от этого не легче. Хотя, может он из бывших, так сказать, сотрудников — поднялся по карьерной лестнице.

Мужчина выжидающе смотрела на Вэньяна, не выказывая и следа любезности официанта.

— У меня к вам, гм, дело, — внезапно Вэньян почувствовал себя весьма неуверенно.

Мужчина слабо кивнул, показывая свою готовность слушать.

— У вас работает одна девушка… Лилин, — он предусмотрительно не стал раскрывать, что знает ее настоящее имя, — я… я бы хотел выкупить ее контракт! — последнее он выпалил скороговоркой, словно боясь передумать, хотя боялся-то он не этого, скорее, что не хватит смелости заявиться в клуб с подобным предложением. Наверняка, это не просто, такую девушку, как Мей не захотят отпускать. Жемчужину их клуба! Но ничего, он готов, он будет настойчив…

— Сто пятьдесят тысяч.

— П-простите, что?

— Вы сказали, хотите выкупить контракт Лилин, полторы сотни — такова на настоящий день стоимость ее контракта, с учетом вложенного, того, что заработала и того, что сможет еще заработать.

Однако… Вэньян ожидал трудностей, возражений, торга, даже угроз и криков, но никак не «полторы сотни».

— И что, если я внесу требуемую сумму, я смогу…

— Как только передадим контракт — она ваша.

Хотя и ста пятидесяти тысяч он тоже не ожидал. Это ж сколько ему придется работать, чтобы собрать? Лучше не считать.

— А нет ли какой-либо возможности… скажем, кредита, рассрочки?

Управляющий, или кто он здесь, не изменился в лице, даже не удивился, лишь взор его потух, как недавно у официанта.

— Завтра, в это же время, придете сюда, — и небрежно кивнул на дверь, давая понять, что разговор окончен.

* * *

здесь ты будешь жить

* * *

— Здесь ты будешь жить, — жилище представляло собой что-то вроде шалаша, только сплетенного из живых растений, некоторые к тому же цвели и вполне приятно пахли. — Кожа твоя еще не напиталась достаточным слоем хлорофилла, несколько первых дней тебе придется принимать пищу, через рот, там, — рука, которая выглядела, как коряга, указала за спину, — есть кухня, брат Миро покормит тебя.

— Хорошо, — я кивнул, занятый больше тем, что творилась у меня перед внутренним взором — часть индикаторов пропала, зато появилась дюжина новых, и среди прочих — степень солнечного излучения и энергетического насыщения. Значит, слухи не врут, они действительно питаются солнцем, хотя, учитывая их внешний вид, ничего удивительного.

— Вечером будет праздник бракосочетания, — продолжила провожатая, — сестра Новинья и брат Эндер перед лицом божественного Цайхэ станут единым целым, приходи.

— Непременно.

Изменница память, видно, никак не могла понять, кто ей ближе, ибо в очередной раз перекинула меня к воспоминаниям Вэньяна.

* * *

Сегодня Вэньян встречался с Мей. И хотя он был безумно рад видеть девушку, все равно большая часть мыслей была занята предстоящей встречей с управляющим клуба.

Тот не отказал, сказал прийти, значит… есть вариант. Но какой? Он не сын миллионера, у него нет богатых родственников, или доступа к власть имущим, у него нет даже достаточно вещей, чтобы продать и получить требуемую сумму. Разве что — органы. Вэньян понятия не имел, сколько могут стоить человеческие органы, и вообще есть ли на них спрос. В теперешнее время ценились импланты и наниты, но у него почти нет первых и стандартный набор вторых.

— Что-то случилось, ты сегодня сам не свой? — обеспокоенно

спросила Мей.

— Неприятности на работе, — он решил пока не говорить девушке о своих действиях, во-первых, ничего еще могло не выйти, а во-вторых, в случае удачного завершения «дела», Вэньян не хотел, чтобы она чувствовала себя обязанной ему. Если, после всего, захочет остаться с ним — он станет самым счастливым человеком на свете. Если нет… лишь бы Мей была счастлива.

— Опять Канг? — из их бесед Мей была в курсе происходящего в офисе.

Чжоу Канг — глава службы безопасности, на этом посту он служил еще до Вэньяна, но в последнее время его словно подменили. Если бы не внешность и более чем серьезная проверка, а к безопасникам требования были повышены, Вэньян подумал бы, что сейчас на месте Канга работает другой человек. Он и раньше-то, положа руку на сердце, не отличался особым либерализмом, но сейчас завел в конторе настоящие армейские порядки, сотрудники разве что не маршировали и не распевали гимны под поднятие флага. Каждый, буквально каждый шаг контролировался, покинул свой отдел — доложи зачем и куда идешь, возвращаешься — покажи, что несешь. Покинуть здание во время рабочего дня — и думать забудь, а в конце им устраивали такой обыск, словно они тестировали не наниты, а бомбы. Канг повсеместно хвастался, что уже поймал нескольких «крыс» — то есть неблагонадежных сотрудников.

— Да, житья от него нет. Вчера, представляешь, потребовал от нас список контактов: близких друзей и родственников. Наш жополиз Жонг Карлос — первым понес, почти побежал. И это мы еще внизу, верхние этажи вообще, наверное, вешаются.

— Не обращай внимания.

— Я и не обращаю.

Наконец, вечером Вэньян переступил порог клуба. Официант, наверное, впервые за все посещения, Вэньян подумал, что парень далеко не официант, как бы то ни было, он сразу повел его в кабинет.

Перед тем, как переступить порог, Вэньян сделал глубокий вдох, словно нырял.

Кабинет был тот же, даже голопанно изображало вчерашний лес, однако за столом, вместо управляющего, сидел худой субъект в черном костюме-тройке под который была надета шелковая малиновая рубашка.

Как и вчерашний хозяин кабинета, этот так же не предложил Вэньяну присесть.

— Э-э, а где мистер… — Вэньян вспомнил, что так и не удосужился узнать, как зовут управляющего клубом.

— Ты Вон Вэньян, двадцать шесть лет, работаешь в «Доминант. Нано. Груп.», живешь в меблированных комнатах у мамаши Су, — он не спрашивал, он констатировал, голос у худого был тихий, почти вкрадчивый, однако от этого голоса по телу бегали мурашки.

Вэньян осторожно кивнул.

— Твой отдел занимается печеночными нанитами.

Вэньян снова осторожно кивнул. Откуда у них информация о том, что делается у него на работе?

— Вот, — по столу, к Вэньяну покатился металлический контейнер, — принесешь, сколько сможешь, но не меньше сотни.

— Э-э, — Вэньян с испугом смотрел на контейнер. Он ожидал любого разговора, но только не такого. К чему его склоняют? — Боюсь это невозможно…

— Значит девушку не получишь, — худой потянулся, чтобы забрать контейнер.

— Постойте, вы не так поняли. Не то, чтобы я не хочу, но это невозможно в принципе. За нами постоянно следят, нас обыскивают, да и каждая сотня нанитов на счету.

— Не хочешь, не надо, разговор окончен.

— Да и зачем они вам! — в отчаянии выкрикнул Вэньян, — это же опытные образцы, они еще даже как следует не работают, да и тесты не все прошли…

— Если принесешь сто пятьдесят нанитов — контракт девушки твой, сразу отдаем, по одному на каждую тысячу.

— Но это… — Вэньян уже начал продумывать варианты. Предложение было очень заманчиво, он понимал, что никак не сможет заработать такие деньги. Но новый безопасник, да и как он сможет их вынести?

— Мне… не надо подумать.

— Да, или нет? Решай сейчас, другого предложения не будет!

— Ну… да, — Вэньян решил, что попробует. Если не получится, не расстреляют же, в конце концов.

Худой катнул контейнер к нему.

— У тебя неделя.

* * *

петь с ветками бамбука и хризантемами

* * *

— Петь с ветками бамбука и хризантемами, — затянул высокий женский голос.

— Мы будем вместе! — хором грянули остальные.

— Ведь как бы люди.

— Только ищут богатства! — они не только пели, а еще и хлопали.

— Встречаем бессмертного Цайхэ.

— Поем и танцуем с ним, под звуки весеннего ветра!

Зрелище, надо сказать, было то еще. Каких только измененных здесь не стояло: покрытые растениями и цветами, пестрые, словно клумба, и с потрескавшейся корой вместо кожи, были и просто зеленокожие, без единого листика.

Побеги на моих собственных руках уже порядочно подросли, на парочке даже начали набухать почки, к тому же кожа, медленно, но уверенно зеленела, а еще чесалась спина. Тянуло отыскать зеркало и рассмотреть, что там пробивается между лопаток.

— Проводи время в песне и веселье, — снова затянул кто-то.

— Как завещал Цайхэ! — подхватили остальные.

— Сколько людей вы встречали на своем пути? Время летит, время летит…

— Исчезают красивые лица, исчезают друзья, но все только начинается!

Надо сказать, атмосфера общего веселья, немного захватила и меня. Генератор, что стоял посреди поляны излучал в ультрафиолетовом диапазоне, как для моего нового состояния, весьма приятном. К нему хотелось тянуться руками, всем телом и впитывать, впитывать энергию.

«Может, бросить все, остаться здесь и жить, как первые люди дарами природы?» — проскочила мысль, самое страшное не то, что она возникла, а то что она обладала некой притягательностью.

Здесь не было убийств, духа соперничества или ревности. Все были равны, живя в шалашах, да, без пользы, но и не принося

вред окружающему.

Неожиданно все оживились, некоторые захлопали, учитывая состояние тел, звук получался как удары о дерево под шелест листвы.

В круг перед генератором вошла парочка виновников сегодняшнего торжества.

* * *

Контейнер жег карман. Вэньян уже несколько дней приносил его на работу и уносил… пустым. Ему казалось все: мистер Чжоу, мистер Жонг, Лао и даже толстый Бэй не сводят с него внимательных глаз, ожидая, когда же он допустит промах и возьмет-таки эти проклятые наниты, чтобы потом… а что потом?

Мей — девушка также не выходила из головы. Если он не решится, она еще много лет будет обслуживать клиентов, а ему останутся еженедельные встречи и сожаление о несделанном.

— Вэньян зайди ко мне! — перед внутренним взором возник образ Жонг Карлоса, да так неожиданно, что Вэньян вздрогнул.

Поспешно поднявшись, он побежал к матовой перегородке.

— Твой последний отчет заинтересовал кое-кого, — Жонг Карлос указал узловатым пальцем на потолок. Ни тебе привычного «мистер Вон», ни вкрадчивых интонаций, и глаза навыкате смотрели с явно читаемой ненавистью. — У них там какие-то вопросы, подымишься, ответишь.

— Хорошо, мистер Жонг, — в любое другое время он бы обрадовался — еще бы, приметили, вызывают наверх, но не сейчас, да и взгляд начальства не предвещал ничего хорошего.

Перед внутренним взором уже возник нужный этаж и кабинет.

Внутренне Вэньян присвистнул — ничего себе — почти поясница, так высоко он еще не забирался.

Переступив порог комнаты безопасников, Вэньян едва не развернулся, чтобы с криком побежать обратно. Сам начальник службы — мистер Чжоу Канг стоял посреди комнаты собственной алорубашечной персоной. Вэньяну показалось — это цвет его крови. И чего Кангу не сидится в своем высоком кабинете?

— Мне… наверх… вот… — Вэньян переслал файл одному из сотрудников, кажется, это был Джоу. Вэньян сейчас он почти ничего не видел — широкая фигура Канга заняла все — и мысли, и пространство обзора. Канг повернулся и уставился своими маленькими глазками на Вэньяна, казалось, он видит его насквозь, хотя, может, так оно и было. Поговаривали, начальник

поставил себе рентгеновское зрение, чтобы видеть все что у подопечных в теле и на теле.

Перед глазами Вэньяна возник временный допуск на верхний уровень.

Пробормотав что-то похожее на благодарность, он пулей вылетел из комнаты.

Ему казалось, даже сквозь стену, взгляд Канга продолжает буравить его.

На негнущихся ногах он поковылял к лифту.

Верхние этажи ничем не отличались от его собственного. Нет, Вэньян не ожидал золотого пола и потолка в алмазах, но все же… это же поясница! Для Вэньяна и сотен подобных ему — почти предел мечтаний.

Разве что рубахи сотрудников иного цвета, на его собственную синюю косились не без удивления, а иногда и с некоторой долей брезгливости.

Наконец, нужные двери, Вэньян подождал, пока система проверит его допуск, после чего, двери открылись. По аналогии с коридором, он ожидал увидеть офис — точную копию собственного, а оказался в настоящей лаборатории. Куча аппаратов с многочисленными датчиками, баки с мутным содержимым, манипуляторы — от небольших, до похожих на подъемные краны, какие-то сферы за полупрозрачными стеклами которых угадывались очертания чего-то угловатого.

И все это жило. Баки булькали, датчики меняли показания, экраны пестрели графиками, или столбцами цифр.

— Вон! — от дальнего стола ему махнул рукой рыжий парень, поверх лимонной рубашки которого была надета непромокаемая накидка.

Пока Вэньян подходил пришлось несколько раз увернуться от механических рук манипуляторов.

— Твой отчет? — перед внутренним взором возникли знакомый документ.

— Мой, — Вэньян кивнул.

— Вот здесь ты пишешь, что…

Дело в том, что Вэньян обнаружил критическую ошибку, даже не в коде нанита, а в его строении. Последние месяцы, они никак не могли понять, почему новая партия, которая по идее должна идеально работать, напрочь отказывалась не только восстанавливать поврежденные клетки печени, но вообще взаимодействовать с органом, как и с нанитами предыдущего поколения. Вэньян догадался, что дело не в программном коде, как думали многие и тестированием которого изводили их и соседние отделы, а в самом строении рецепторов. Чисто

механическая проблема, наниты просто физически не могли соединиться с нужными клетками в требуемом месте. Он предложил поменять местами всего лишь несколько аминокислот в белковой цепочке, а также в качестве катализатора использовать левовращающий изомер. Конечно, к оборудованию он доступ не имел, но на компьютерной имитации все выглядело идеально.

Рыжий задавал уточняющие вопросы по его работе, в том числе и как Вэньян додумался до такого. В другое время, Вэньян был бы счастлив, что столь высоко сидящие люди проявили интерес к нему, но сейчас все его мысли были заняты кражей. Тем более, что нужные наниты стояли здесь же, на столе у рыжего в высокой колбе, судя по размерам сосуда, внутри их плавало не меньше нескольких тысяч.

В этот момент в дальнем конце лаборатории что-то запищало.

— Я сейчас, — рыжий поднялся и отошел.

Вэньян понял — вот он, его шанс! Отлить из колбы? Могут заметить, да и как спуститься с контейнером вниз, наверняка, всех, кто покидал лаборатории проверяли с особой тщательностью. Решение пришло быстро. Вэньян схватил канцелярский нож и проткнул острием мочку большого пальца. Выступила капелька крови. Взяв со стола резинку, обычную офисную, он, несколько раз перекрутив, пережал ей палец у основания, затем, не теряя времени, открыл колбу и опустил палец в нее. Наниты, повинуясь заложенной в них программе, устремились к человеческому телу. Конечно, они могли проникать и через кожу, но на это требовалось больше времени. Когда Вэньян услышал приближающиеся шаги, он поспешно вытянул палец. Сколько нанитов он принял в себя — неизвестно, Вэньян надеялся, что достаточно. Дальше у него было не больше двух часов, кровоток в пальце он, конечно, замедлил, но не настолько, чтобы полностью перекрыть доступ маленьким роботам. Если они расползутся по телу, собрать их уже не будет никакой возможности.

Рыжий задал еще несколько вопросов, Вэньян ответил, наконец, желторубашечник отпустил его, даже пожал руку на прощанье.

Перед тем, как спуститься, он зашел к безопасникам для обратного пропуска. Его обыскали, потом просканировали, к счастью, резинка на пальце не вызвала особого интереса.

Внизу Вэньян сразу прошел в кабинет Жонга Карлоса.

— Мистер Жонг, по личным причинам, могу я взять отгул до конца дня?

Тот разве что не подпрыгнул от радости.

Отлучаться во время рабочего времени в компании крайне не приветствовалось, и каждый такой случай тщательно фиксировался, чтобы вылезти в конце года штрафными баллами. Карлос, наверняка, уже нафантазировал, что Вэньян подсиживает его, а тут — такое везение!

— Иди, — рыбьи глаза лучились почти незамутненным счастьем.

* * *

мужчина выглядел, как ствол дерева

* * *

Мужчина выглядел, как ствол дерева, приземистый, на коротких ногах — колодах. Вместо жил, коричневое тело перевивали толстые зеленые лианы, на которые кое-где распустились тигровые орхидеи.

Стройное тело девушки покрывал сплошной цветущий ковер, от сочетания пестрых окрасок рябило в глазах, лишь голова оставалась почти человеческой, разве что, вместо волос росли листья папоротника, образовывая впереди задорный хохолок.

— О-о, мы собрались здесь, чтобы сочетать узами единения наших брата и сестру!

— Брата и сестру! — подхватило сообщество.

— Продолжат путь они вместе!

— Во имя Цайхэ цветущего!

Откуда-то над поляной появились дроны.

«Они же не терпят техники», — удивленно подумал я.

Дроны были с прозрачными крылышками, наподобие стрекозиных, они махали ими, издавая жужжание.

Парочка опустилась на землю, невдалеке друг от друга, дроны подлетели к мужчине, присосались к орхидеям, затем перелетели на девушку, покружили над ней. Золотая пыльца осыпала ее цветы.

— О-о, Эндер опылил Новинью.

Только я подумал о том, что это слабый заменитель секса, как молодожены перекатились и обнялись, лианы на теле мужчины зашевелились, оплетая девушку, ее цветы тоже потянулись к нему, присасываясь лепестками; воздух наполнился густым, почти нестерпимым ароматом, вскоре, у генератора лежал деревянно-цветочный холм в котором лишь смутно угадывались человеческие тела.

— Они… они так и останутся? — спросил я у девушки, тело которой сплошь покрывали листья разной величины и расцветок.

— Если захотят. Бывает, пары тяготятся друг другом, тогда они расходятся.

Я посмотрел на холм. Интересно, как выглядит у них семейная ссора? Как разрытая клумба? Хотя, я не для этого пришел сюда.

— Брат Пипо, он сейчас здесь?

— Нет, Пипо на опушке, у дуба, укореняется.

— Дуб? — я начал сканировать местность на предмет нужного мне растения, как назло, дубов в округе росло превеликое множество.

— Да вон же он, — девушка указала на огромную крону, что чернела на фоне звездного неба.

* * *

договорились встретиться с худым они с утра

Договорились встретиться с худым они с утра, в клубе. Так как заведение было еще закрыто, Вэньяна провели через черный ход. Худой сидел в кабинете управляющего, и даже костюм на нем был тот же.

— Принес? — спросил он без обиняков.

Вэньян кивнул. Достать наниты из пальца оказалось проще-простого, Вэньян наполнил контейнер изотоническим раствором, добавил туда фермент желчи билирубин, и наниты перешли в контейнер.

— Сначала контракт, — он сам подивился собственной смелости.

Худой смерил его насмешливым взглядом. Конечно, случись что, Вэньяна просто не выпустят отсюда.

— Открой.

Вэньян послушно открыл один канал, по которому худой переслал ему документ. Вэньян бегло осмотрел его: «Мей… удостоверяется… собственность переходит…» Вроде, все верно, недоставало подписей сторон. Вэньян поспешно подкрепил свою, посмотрел на худого.

Тот выразительно протянул руку.

Вэньян подошел и вложил контейнер в нее.

— Итак, ты вынес эти наниты из здания «Доминант. Нано. Груп.»? Опытные печеночные образцы?

— Да, как и договаривались.

Худой вставил контейнер во что-то под столом, на некоторое время замер с отсутствующим взглядом.

— Здесь сто сорок восемь нанитов, — наконец произнес он.

Вэньян так торопился, что забыл даже пересчитать.

— Э-э, я доплачу, недостающие две тысячи, вы говорили, по наниту за тысячу.

Худой на секунду задумался, затем кивнул, перед взором Вэньяна возникли реквизиты счета, он поспешно перекинул на него две тысячи.

Худой снова кивнул.

— А-а, контракт, — с замиранием сердца произнес Вэньян. Они получили от него, что хотели, и даже больше — еще две тысячи, ничто не мешало худому послать Вэньяна подальше.

Видимо, понимая его состояние, худой медлил с ответом.

Наконец, через, как показалось Вэньяну, целую вечность, хотя по хронометру прошло всего-навсего тридцать секунд, худой кивнул в третий раз.

На листе контракта перед Вэньяном возникла переливающаяся голограмма подписи.

Невольно он выдохнул.

Не веря, перечитал еще раз — все верно, Мей полностью переходила в его собственность, с последующим правом выкупа.

— Э-э, спасибо.

Худой махнул рукой, отпуская его.

Вэньян не помнил, как вылетел из кабинета и из клуба, пришел в себя он уже в чайной, где должен был встретиться с девушкой.

Она свободна! Свободна!

И это оказалось не так уж и сложно. Хозяева Мей прогадали, получив, вместо такой девушки кучку неработающих нанитов. Но это уже не его дело.

Он начал представлять, как скажет Мей потрясающую новость, как она обрадуется, обалдеет. Нет, сначала обалдеет, потом обрадуется. Как будет ему благодарна!

— Привет, — Мей опустилась перед ним на стул.

— Э-э, привет.

— Ужасно есть хочется. На кухне что-то поломалось, мой идентификатор не считался, ну да ладно, зато раньше смогла прийти. Давай сегодня не пойдем никуда, закажем еду сюда, обопьемся чаем…

— Мей…

— А? — девушка, видимо уже составляла в вирте меню на обед.

Вэньян откашлялся.

— На кухне не поломалось, просто… просто ты там больше не работаешь.

— Что? — девушка вышла из вирта.

— Вот, — Вэньян переслал ей контракт.

Мей читала, и по мере чтения, лицо ее округлялось.

— Но как?.. — она посмотрела на него, — ты теперь мой хозяин?

— Нет, — он так давно хотел это сделать, еще с первой встречи в чайной, Вэньян послал импульс, и изображение контракта театрально распалось на две половинки, затем еще на две, затем документ исчез.

— Но это… — девушка сидела, открыв рот. — Я даже не знаю, что сказать.

— Скажи «спасибо».

— Откуда у тебя деньги? Ты влез в какую-то авантюру? Лучше не надо, пока не поздно, отмени, ты не знаешь этих людей…

— Успокойся, — Вэньян подсел к девушке, обнял ее, почувствовав, что Мей бьет мелкая дрожь, никакой авантюры, все уже закончено. — Ты — свободна.

Ее продолжало трусить.

— Я ведь даже… всю жизнь, всю сознательную жизнь я мечтала вырваться оттуда, а сейчас… не знаю, что чувствую, все так неожиданно, — она хохотнула, — мне ведь даже некуда пойти.

— Можешь пока остановиться у меня, — с дрожью в голосе предложил Вэньян, — ну, пока не станешь на ноги. У меня есть диван, я буду спать на нем… могу даже уйти к другу…

Мей подняла на него глаза, погладила по щеке — это была единственная близость, единственная ласка, которую она позволяла себе во время их свиданий, но Боги-демоны, как же это было приятно!

— Глупенький…

* * *

— Пипо?

Так как было темно, мое зрение автоматически переключилось на ночное. То, что стояло передо мной больше походило на переплетение веток и стволов в котором с трудом угадывалась человеческая фигура.

— Д-да, — где-то в середине разлепились губы, над ними открылся глаз и уставился на меня.

От ног, от коленей, даже от пояса существа опускались корни, многие уже вросли в землю. Я огляделся — около дюжины подобных растений стояло на поляне, некоторые окончательно утратили сходство с человеком.

Дабы убедиться, я просканировал существо — аура Пипо изменилась, но все еще была узнаваема. Итак, я отыскал того, за кем пришел сюда.

— Ос-ставь м-меня, — снова разлепились губы, — п-прошу. Я ухожу, в-возвращаюсь в л-лоно м-матери п-природы, отдаю д-долг. Ц-цайхэ являлся к-ко м-мне, это м-мой путь, д-дай мне з-закончить его.

Я посмотрел на свои руки, из почек уже начали появляться маленькие листочки. Интересно, сколько понадобится времени для обратной трансформации?

Вопреки опасению, клинок легко вышел из руки, я приблизил его к месту чуть ниже рта, там, где у существа должны быть шея, хотя, вполне возможно, шеи давно нет, и мне придется изрубить его всего… что-то не так, что-то мешало сделать последнее, решающее движение. Странно, я ведь убивал раньше, много, к тому же передо мной и не человек вовсе, а почти дерево.

— П-прошу, — снова родил Пипо.

Ну же! Убийцы, которые не выполняют контракты, долго не живут!

Воспоминания проклятого Вэньяна, наверное, влияют на меня!

Я уходил, на поляне позади существо отдавало свои долги Цайхе, довершало трансформацию, укоренялось, или что там еще.

Впервые, насколько я помнил, я не сделал то, для чего был нанят.

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

— Мне нужны деньги! Я там тебе… перевел, перекинь обратно!

Мей внимательно посмотрела на него, ничего не сказала, через пол минуты сумма на счету Вэньяна стала пятизначной.

— Сегодня вечером тоже не жди, — бросил он, уходя.

— Ты изменился, — в голосе девушки не было упрека, или жалобы, просто констатация факта. — Словно другой человек.

Что она выдумывает! Он, это он, тот же Вэньян, может стал немного мудрее.

— Жизнь не всегда дарит подарки, иногда нужно взять судьбу в свои руки, — последнюю мысль он произнес вслух.

— Тот, прошлый Вэньян нравился мне больше.

«Прошлый Вэньян уже сидел бы в тюрьме!» — подумал, но не произнес он.

* * *

— Уважаемые пассажиры, просим занять свои места, мы снижаемся, — миловидная стюардесса мило улыбалась. Стюарды, стюардессы, даже пилот, они все здесь были миловидные — политика компании. Если Ню-Гуа — богиня рождения, а заодно семейного счастья, сватовства и красоты не наделила тебя соответствующей внешностью, но дала желание работать, иди к специалистам, меняй.

Словно невидимая рука вжала меня в кресло, еще бы — первый класс, никаких ремней, что-что, а путешествовать с комфортом, я мог себе позволить. К тому же у первого класса было еще одно и весьма существенное отличие от остальных. В случае катастрофы, каждое наше место автоматически превращалось в капсулу жизнеобеспечения и катапультировалось из воздушного корабля, и хотя авиакатастрофы случались крайне редко, но береженого, как говорится, и Боги-демоны берегут.

Еще работая на Рябого, я навел справки, осторожно, чтобы ни одна ниточка не могла привести ко мне. Так я узнал про братьев-дикобразов — прозвище дали свои же за характерную внешность, и эта же внешность помогла в поисках. Как мне сказали, они промышляли грабежом банков, но не гнушались и ювелирками, лет десять назад один из братьев пропал, а у второго завелись деньжата. Какое-то время он еще терся в наших местах, а потом

умотал в Зухарию, где тепло и не задают лишних вопросов.

Значит, тогда, в доме родителей, их все-таки было двое, и еще — я знал, куда пропал один. Пришла пора навестить второго.

Подо мной было море и аэропорт прямо на берегу океана, лайнер шел на посадку.

Пока я ждал, когда откроют дверь, индикаторы слегка заалели — повысилось давление, участился пульс, мозг слал беспорядочные нервные импульсы всему телу. Я волновался. Легким усилием воли, я привел все показатели в порядок. Однако, волнение осталось, что-то неуловимое, что не могут отразить цифры.

Дверь открыла сухонькая женщина. Видимо, все деньги она тратила на лицо, и это лицо было вполне ничего — хорошо сохранившейся дамы среднего возраста, однако ее выдавали руки — морщинистые руки старухи. Проследив за моим взглядом, она поспешно и, скорее всего, привычно спрятала их.

— Вы к кому?

— Мистер Чен Ксу дома? — именно под таким именем в этом пансионе жил брат-дикобраз.

— Вы родственник?

— Скорее, знакомый.

Мне нужно было просто узнать, здесь ли он еще, актуален ли адрес, если нет, может, знают, куда переехал.

Вместо ответа женщина развернулась и зашаркала по коридору. Походка у нее тоже была старческая.

Дверь, одна из многих вдоль коридора, женщина подошла к ней. У меня снова запестрели индикаторы, и снова пришлось успокаивать себя. Неужели, за этой дверью — он. Убийца моих родителей! Я не знал, кто конкретно сделал роковой выстрел в отца, или мать, но это вполне могло оказаться существо за пластиковой неприметной дверью.

Мазнув запястьем по считывателю, женщина открыла дверь.

— Вот, — она сделал приглашающий жест.

Я не совсем понимал происходящее, но, тем не менее, покорно двинулся к комнате, вошел.

Обычная обстановка — диван, два кресла, низкий столик с пятнами от пролитого, этажерка с какими-то мелочами, визор. Из окна — вид на океан, учитывая, что дом стоял в спальном районе — голографическая имитация, но вполне себе ничего — волны набегают на берег, листья пальм шевелятся, по пляжу люди бегают, хотя нет, скорее всего — трансляция, с реально существующего пляжа. У окна раздвижные двери. В спальню, на кухню, или еще куда?

— Он был самым лучшим жильцом, — шаркая, женщина

вошла за мной, — всегда такой вежливый, обходительный, здоровался с утра, сразу видно — старое воспитание.

Я недоуменно посмотрел на нее.

— Был?

— И платил вовремя, у других не допросишься, а мистер Чен, каждого пятого числа, как положено — деньги на счету, — кажется, она даже смахнула слезу.

— Был, вы сказали, был. Он что, съехал?

— Да, все мы туда съедим, рано или поздно, на все воля Циньгуана, что вершит судьбами живых и мертвых. Остались кое-какие вещи, не особо ценные, но мало ли, может вы знаете родственников, я бы переслала.

Ноги таки перестали держать, и я опустился в кресло, индикаторы сверкали, соревнуясь в пестроте.

— Как?.. как так?.. как же так?..

— Я сейчас! — женщина поняла мое состояние по-своему, метнулась в двери у окна, вернулась со стаканом воды. — Вот, — протянула мне. — Что ж вы так убиваетесь, хотя… человек-то был хороший.

Я выпил, часть индикаторов потухла.

— К нему кто-нибудь приходил?

— Не замечала, ну женщин иногда водил, это понятно.

— Женщин! — я напрягся. — Какую-то одну?

— Нет, — она неодобрительно поджала губы, — всякий раз разных, из этих, из квартала для туристов, у меня глаз наметан.

И здесь ничего.

— Давно он… — несмотря на выпитую воду, во рту было сухо, — давно он умер?

— Двадцать восемь дней как. По закону, месяц, после смерти постояльца, никого селить нельзя, так что скоро того… вам, кстати, комната не нужна?

Четыре недели, я опоздал всего на четыре недели. Десять лет вынашивать план мести, готовиться и опоздать на месяц. У Бога-демона Циньгуна отменное чувство юмора. И не только из-за смерти Чена; помимо распределения судеб, Циньгуан слыл еще судьей загробного мира, то есть тем, кто определял меру наказания по поступкам, тем самым поступкам, к которым волею судеб подталкивал сам Бог-демон Циньгуан.

Самое противное, даже могилы у дикобраза не было, чтобы плюнуть на нее. При отсутствии особых указаний и, если не возражали родственники, тело разбирали на органы и импланты, что могло пригодиться, остальное утилизировали.

Я не отчаивался, у меня было еще несколько ниточек. Десять лет назад в банде с дикобразом были медведеголовый,

четырехрукий и тот, что убил Диживса, скрипящий при ходьбе.

* * *

вэньян не стал даже сверяться с хронометром

Вэньян не стал даже сверяться с хронометром, сколько времени заняли воспоминания, он и так знал, не больше нескольких секунд. Помотал головой, отгоняя остатки прошлой жизни, затем протянул руку — почтовый дрон опустил небольшой контейнер точно в ладонь. Поспешно сорвал транспортные пломбы, вскрыл — пуговица-жучок, точно такая, которую потерял. И которая, как оказалось, стоила всего шесть тысяч.

Как ни странно, злости к худому не было — он выполнял свою работу, на его месте Вэньян поступил бы так же.

Денег, конечно, было жаль, но это необходимые траты.

Еще раньше он купил плащ, искажающий ауру и спрей-маску — черный рынок исправно работал.

После работы, когда Карлос, по расчетам, уже должен был добраться до дома и даже поужинать, Вэньян набрал его.

— Мистер Жонг.

— Вэньян? Чего тебе? — показалось только лицо начальства, и оно было не слишком довольно.

— Мистер Жонг, это касается поисков шпиона в компании, я, конечно, не уверен, но, кажется, знаю, кто это.

Выражение сменилось на заинтересованное.

— И кто же?

— Это не совсем… я бы хотел встретиться лично.

— Хорошо, завтра, у меня в кабинете.

— Мистер Жонг, завтра может быть уже поздно… этот человек может что-то заподозрить. А вот если завтра, с утра, вы сами пойдете к мистеру Чжоу и все ему расскажете…

Вэньян не договорил, позволяя собеседнику самому домыслить открывающиеся перспективы. Судя по выражению лица Карлоса, тот уже примерял на себя желтую рубашку, а то и розовую.

— Можешь подъехать ко мне домой? — спросил Карлос.

«Попался», — без злорадства, даже без удовлетворения, просто, как констатация факта, подумал Вэньян.

— Конечно, куда? — для плана Вэньяна было очень важно, что Карлос жил один.

Появилась карта с меткой.

Он прикинул.

— Через час буду.

* * *

храм Бога-Демона Бато

Храм Бога-Демона Бато стоял на самой окраине города. Широкая окружная по которой сплошным поток двигались наземные экипажи, а над ними в несколько ярусов летали флайера, проходила в десятке метров. Может, поэтому и разрешили селиться здесь кибер-храмовникам, кто еще захочет жить с таким соседством.

Легенды говорят, что когда-нибудь, кто-нибудь из Богов-демонов накопит достаточно сил, и станет Единым. Серьезные культисты верят, что именно их господин превратится в того, одного. Как там гласит пророчество: «В живых должен остаться только один!»

Большая часть, к которым относился и я, продолжали молиться всем подряд, в зависимости от ситуации и желаемого.

Храм представлял собой здание в форме куба, стены сплошь усеивали всевозможные барельефы, изображавшие шестеренки, платы, непонятные механизмы — древние строили здания для каких-то своих нужд, сейчас они в большинстве своем пустовали, ну или были заняты такими вот храмами.

Квадратная дверь, над ней цифры, насколько я знал, на всех кубах разные. Что они означали? Время постройки здания? Чей-то день рождения? Просто случайный набор? Теорий было множество, впрочем, я ими не особенно интересовался.

На мой стук открыл храмовник в болотного цвета хламиде. Верхняя часть пластикового черепа пожелтела от времени и местами растрескалась, низ головы отсутствовал напрочь. Там, где у людей находилась нижняя челюсть зияла рваная рана с закупоренными трубками и оборванными сервоприводами. Увечье храмовник, видимо, получил достаточно давно, ибо из трубок уже ничего не капало, а на металлических деталях бурел легкий налет ржавчины. Я знал, что Бато поклонялись в основном киборги, но не думал, что вера их запрещала ремонт. Или это парень добровольно принял что-то вроде епитимьи.

— Приветствую тебя путник в священном храме Бато зоркого, того, кто повелевает импульсами и платами, частицами и волнами, плотью синтетической и плотью полусинтетической, кто вдыхает жизнь в наши чипы и заставляет дребезжать микросхемы, — звук доносился откуда-то из середины груди, из-под хламиды. Произнеся заученную речь, киборг протянул в мою сторону одну из рук; вопреки ожиданиям, она была почти человеческая, во всяком случае с пятью пальцами, и даже плоть

кое-где сохранилась, пальцы сжимали считыватель для подаяний.

Я решил пока проигнорировать намек.

— Мне нужен брат Хидэо, — именно под таким именем, как я узнал, ушел в храм убийца Диживса — скрипучий киборг.

Привратник тряхнул рукой, считыватель пару раз призывно мигнул.

— Приветствую тебя путник в священном храме Бато зоркого, того, кто повелевает импульсами и платами, частицами и волнами, плотью синтетической и плотью полусинтетической, кто вдыхает жизнь в наши чипы и заставляет дребезжать микросхемы.

М-да, я мазнул по считывателю запястьем, в окошке, что выскочило перед глазами, ввел сумму, не очень большую.

Храмовник дождался окончания перевода, почтительно склонился и только после этого продолжил:

— Брат Хидэо оставил нас.

— Ушел из храма? — спросил я с надеждой.

Второй рукой, а вот эта была вполне себе кибертизированная, больше всего похожая на восьмипалую птичью лапу, храмовник очертил перед моим лицом круг, затем резко перечеркнул его — очень похоже на ритуальный жест.

— Мы вышли из мертвого, но стали живым, и отдавая долг, уйдем в живое, дабы множить жизнь и души на земле и во вселенной. Тела наши, пропитав землю, дадут ростки новым всходам, став частью ее. Что пришло в мир, по велению Бато зоркого, должно вернуться после смерти, умножая не скорбь, но радость.

— Проклятье! — я понял, что снова опоздал. — Давно он умер?

— Скоро год как.

Медведеголового пару лет назад зарезали в пьяной драке, четырехрукого во время одного из дел застрелила полиция — да, тернист и опасен путь преступившего закон. Это были все, кого я помнил.

Я корил себя за то, что слишком долго тянул с местью. Она требовала выхода, руки, тело жаждали кого-нибудь наказать, только кого?..

Неожиданная идея пришла мне в голову, я залез в вирт проверить. Довольно быстро отыскал нужную статью.

«Культ Бога-демона Бато развился после Войны Корпораций в среде уцелевших боевых киборгов. По преданиям, Бато был одним из… бла, бла, бла, не интересно. А, вот! — Как известно, одной из отличительных черт различных культов Богов-демонов, является обращение с покойниками. Приверженцы Бато в этом смысле довольно оригинальны, закапывая своих умерших в землю, что,

учитывая дороговизну комплектующих и общий дефицит, довольно непрактично. Однако сами культисты считают, что таким образом Бато зоркий получает…»

То, что нужно, я отыскал!

* * *

Через пол часа Вэньян стоял у дома Карлоса. Еще на подходе, он обрызгал лицо спреем, который исказил черты лица и надел маскирующий плащ. Возможно излишняя предосторожность, вряд ли в доме стояли камеры, считывающие ауру, но лучше перестраховаться.

У входа он нажал кнопку, рядом с именем начальника.

— Вэньян, это ты? — спросил голос.

— Да, — глухо ответил Вэньян.

Двери открылись.

Повинуясь маркеру, Вэньян поднялся на шестой этаж, постучал в дверь с нужным номером.

— Ты быстрее, чем обещал… — на пороге стоял Карлос, — эй, вы кто?

Вэньян толкнул его внутрь и закрыл дверь за собой.

— Что вы себе, я сейчас вызову…

Не позволяя тому воплотить угрозу в жизнь, Вэньян вытащил нож и всадил его в грудь Карлоса. Тот умер мгновенно.

* * *

храмовое кладбище располагалось уже за городом

Храмовое кладбище располагалось уже за городом, на противоположной стороне дороги. Для моих целей, как нельзя лучше.

Вскрыть силовой барьер не составило труда, дешевая поделка, предназначенная охранить могилы от небогатых грабителей трупов.

Бетонные плиты с узором из шестеренок, что и на храме, одна возле одной, в верхней части земной шар и имя в нем, ниже: «Живое к живому, мертвое к живому», — труднопостижимая логика, нечто подобное, кажется, пытался сказать храмовник.

Нужная мне плита была в пятом ряду слева. «Брат Хидэо». Я запустил пальцы под нее, поднатужился, наниты простимулировали расщепление гликогена и АТФ в мышцах, легко оторвал от земли. Взял лопату. Как странно, века эволюции, виртуальная реальность, нанотехнологии, а лопата так и осталась неизменна и — самое главное — незаменима. Включил — полотно завибрировало, приложил к земле, наступил, лопата легко вошла в грунт.

Через пол часа, я докопался до трупа киборга, человеческие ткани почти сгнили, обнажив металлическое нутро. Да, это он, все, как я помнил. С трудом перевернул труп, позволил слегка вылезти клинку из руки, и боль от этого была даже приятна. Я врастил его, чтобы покарать обидчиков, а вместо этого потрошу трупы. Вонзил острие в затылочную часть черепа, вскрыл. Модуль памяти, да, он был на месте и, кажется, не поврежден. Следовало аккуратно извлечь его, одно неосторожное движение, и… подумав, я одним махом отсек голову — так будет надежнее.

* * *

Вэньян переступил тело, подошел к письменному столу. Камеры, конечно, писали и нужно было поработать на них. Порылся в ящиках, незаметно подкинув в нижний «жучок», полистал бумаги, забрал внушительную стопку.

Уходя пришлось снова переступать через тело бывшего начальника. Сколько раз до этого, когда тот ни за что распекал его в кабинете, Вэньян мечтал убить Карлоса. Правда, даже в

самых смелых грезах не думал, что воплотит мечты в жизнь. И вот теперь — труп лежит перед ним. Он вслушался в себя, что-то же он должен чувствовать. Жалость? Удовлетворение? Ужас от содеянного, в конце концов! Нет, ничего. Словно не он — Вон Вэньян только что совершил убийство, впервые в жизни. Может воспоминания Ювэя так влияют на него?

Равнодушие — вот что он чувствовал. Он выполнил, что должен, теперь нужно скорее убраться отсюда.

Вэньян захлопнул дверь за собой.

* * *

я иду по коридору, поглаживаю рукоять бластера

Я иду по коридору, поглаживаю рукоять бластера. Вообще-то такой же, даже мощнее, вмонтирован в мою руку, но в последнее время он начал сбоить, причем в самый ответственный момент, так что приходится обходиться переносным. Наспех синхронизированный прицел не поспевает за взглядом и вообще дергается. Решено! Деньжата с этого дела пущу на ремонт!

Шум за углом отвлекает меня от мыслей, ускоряю шаг. Кажется, хлопает одна из дверей.

Следовало быть острожным, жильцы дома, точнее, их охрана оказались с зубами. Подхожу к двери, скрипит правый сустав, его тоже давно нужно подчинить. Деньги, деньги, на все нужны деньги! Среагировав на мои мысли, перед глазами выскакивает окошко счета, и двузначная цифра в нем. В раздражении убираю, я и так знаю, что там, нечего напоминать!

Скрип, похожий на мой, из ребят никто не скрипит, навожу бластер — черный костюм, белая рубашка, галстук в тон, прилизанные волосы — слуга. Но что-то не так, присматриваюсь — гладкая кожа, лицо без выражения и этот скрип, не иначе киборг, как и я.

В следующую секунду в стороны летят клочья одежды, втягивается голова в плечи, оставляя только глаза, киборг опускается, растопырив конечности. В боевой трансформации, он похож на паука. Я слышал о таких, не думал, что доведется увидеть в живую. Во время Войны Корпораций их делали тысячами и тысячами посылали на убой. Этот, гляди ж ты — выжил.

— Уходи старик, свое ты отвоевал.

Самому мне не нужно трансформироваться, я всегда в боевой готовности.

В следующее мгновение, киборг прыгнул.

Проклятый прицел! Он дернулся, и энергетический выстрел, призванный снести противнику голову, ушел в пустоту. А потом наши тела сшиблись. Отбросив бластер, я принял удар атакующего тела, попытался отбросить в сторону, инерция свалила и меня, и мы вместе выбили ближайшую дверь, словно та была из картона. Киборг стремительно отполз, вновь принял стойку для атаки. Я активировал вибронож, благо он еще работал.

В этот момент из-под кровати вылетела тройка людей:

парочка детей и паренек в форме охранника. Последовать за ними я не успевал, боевой киборг снова прыгнул.

Когда разделался с киборгом, услышал взрыв, а потом звук отлетающего флайера. Кто-то сбежал, очень надеялся это не кто-то из хозяев, иначе Росси заплатит лишь половину.

Я отключился, выныривая из воспоминаний Хидэо. Только что, пусть и мельком, я видел себя ребенком. Нахлынули воспоминания, словно это было вчера. Марико тогда была со мной, чтобы через несколько минут погибнуть.

До этого, я просмотрел все, что киборг делал у нас в доме. Родителей убил не он, как и не был свидетелем убийства. Так что, для меня по-прежнему загадка, как они погибли.

Но, зато появилась и ниточка — Росси, который должен был заплатить.

Снова погружаюсь в мозг покойника.

Роскошный кабинет с панорамными окнами с трех сторон, из них открывается вид на землю, и на луну, которая совсем близко. Мы что же, на орбите? Я, это я — Тан Ювэй, и я же будущий брат Хидэо — киборг-убийца, отчего-то в этот раз не происходит полного единения, я смотрю его глазами и, вместе с тем, понимаю, что я, это я, просто в чужой голове.

А вот и Росси — существо, похожее на ангела, какими их любят изображать в книжках, с большими белыми крыльями и даже золотым нимбом над головой. Росси распахивает крылья и летит к нам, при этом он ими даже не машет. Точно, на орбите, в невесомости. В следующее мгновение панорама за окном стремительно меняется, мы плаваем уже возле Сатурна, кольца красиво переливаются в отраженном свете солнца. Понимаю, что я в виртуальной реальности, точнее, это Хидэо был в виртуальной реальности во время встречи с Росси.

— … убить всех, включая детей, — говорит Россия ангельским голосом, даже улыбается.

— Детей-то зачем? — спрашивает Урсус — медведь, мы вдвоем пришли на встречу. Урсус верен себе, в вирте он ровно такой, как и в реальном мире, разве что пасть больше и клыки длиннее.

— А вот это не твоего ума дело! Я — плачу, вы — выполняете, не нравится, найду других.

Я — Хидэо волнуюсь, боюсь упустить задание, мне нужны деньги.

Я — Ювэй снова выныриваю из чужой головы.

Итак — Росси. Выходит, десять лет назад, это было не банальное ограбление. Что не удивительно, учитывая сколько сил было затрачено на штурм поместья. У отца, да и у всего клана

Тан доставало недоброжелателей.

Значит, Росси принимает в вирте, это накладывает определенные трудности. Интересно, он до сих пор там, все-таки десять лет прошло.

Снова подключаюсь к голове Хидэо, выясняю, как они связывались с Росси. По указанному адресу захожу в вирт сам, почти сразу нахожу объявление:

«Росинант Уриил — ссуды под залог виртуального имущества, посреднические операции». Росинант? Что-то знакомое… вирт тут же подбрасывает с сотню ссылок, отмахиваюсь от них.

К Росси так просто идти нельзя, следует подготовиться.

* * *

Через пол часа, без маскирующего плаща и со своим лицом Вэньян подошел к дому Карлоса. Долго жал на кнопку звонка. Так и не дождавшись ответа, ушел, старательно изображая недоумение.

ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ

— Как известно, боги создали наш мир, в некоторых источниках их называют «изначальными», в некоторых «пробогами», сути это, как говорится, не меняет. Нас больше интересуют не, так сказать, имена, а, некоторым образом, следствие.

— Создание мира? — устало уточнил я. Парень болтал всю дорогу без умолку, выбрав объектом своих лекций отчего-то меня. Нет, поначалу было даже интересно, но после двух часов информации, выдаваемой нудно бубнящим голосом, тянуло сбежать отсюда подальше. Но куда сбежишь с флайера?

Ученый пожевал губами, серьезно и явно обдумывая брошенную мной фразу, на которую собственно, не предполагалось ответа.

— Э-э, нет, конечно нет. В нашем случае следствие, это то, что, так называемые, пробоги оставили над миром смотрителя, большинству обывателей он известен, как Хуан-ди, или Золотой дух.

Золотой дух или Бог-царь, по преданиям правил миром в, так называемый, Золотой Век, когда не было ни войн, ни болезней, ни голода, все обращались друг к другу на исключительно «вы», жили долго, мирно и, судя по всему, нудно. И еще тогда процветала магия… если так, нет, не нудно.

— И в правление, или, если вернее, смотрение Хуан-ди процветала магия.

Я посмотрел на ученого, уже не читает ли тот мысли? Если и читал, то сам не сознавал своей силы, парень явно был погружен в себя и собственный рассказ, да и магия, которой якобы владели древние, слишком заезженная тема.

— По преданиям, смотрение Хуан-ди продолжалось две тысячи лет, по истечение этого времени, он должен был назначить себе приемника, нового духа, который наблюдал бы за миром следующие две тысячи лет.

— Значит и до Хуан-ди кто-то существовал.

— Простите, что?

— Если Бог-царь правил всего две тысячи лет, а было это, — я сверился с виртом, — около пяти тысяч лет назад.

— Не точно! — тут же повысил голос ученый, — некоторые исследователи, и ваш покорный слуга в том числе, считают, что уместнее цифра, скажем, восемь тысячелетий, на это указывает в частности!.. — и повышал голос, пока не дошел до крика, видимо,

невольно я задел больное место.

На парня начали оборачиваться остальные. Компания была собрана не то, чтобы пестрая, но своеобразная. Людьми, во всяком случае внешне, были только я, мой собеседник с необычным именем Ульфсак и Юань — молодой парень, представитель заказчика. Остальная пятерка… я даже не представлял для чего могли быть сделаны их изменения. У одного вместо ног темнели небольшие гусеницы, одна рука была словно металлическая клешня, а вторая заканчивалась буром, передвигаться же он предпочитал, согнувшись, держа короткое тело параллельно полу. У второго на круглом худом теле крепилось аж восемь рук, винтообразно, от пояса к шее, ног было три и росли они не снизу, а с боков, как у ящерицы. Третий просто походил на бульдозер, широкие плечи, руки-ковши и маленькая голова. Четвертый чрезвычайно худой и гибкий, казалось, постоянно извивался, причудливо устраивая свое длинное тело в котором, по всей видимости имелось с десяток лишних позвонков. Пятый, ну пятый был почти человек, если не считать спинного плавника и черных ласт под мышками, которые аккуратно оборачивал вокруг себя. У всех пятерых глаза были усилены третьим веком, так что к их морганию нужно было привыкнуть.

Едва сели во флайер, шестерка принялась резаться в карты, кажется, это был холдем.

Обернувшись на крик Ульфсака, Юань махнул мне.

— Присоединяйся!

Я покачал головой, деньги имелись, но отсутствовало желание.

Тот пожал плечами, мол, как знаешь, и вернулся к игре.

* * *

вэньян был счастлив

Вэньян был счастлив.

Неделю, целую неделю Мей жила у него, с ним. Они впервые были близки, после той ночи, когда он последний раз приходил в клуб, как клиент. Без гормонов и одорантов, без посторонней химии, вне роскошных интерьеров, в его тесной квартирке, но это было прекрасно.

Он приходил на ненавистную работу и улыбался, окружающие подшучивали, мол, на чем сидишь, он отшучивался в ответ.

Жонг Карлос кричал на него, а он улыбался в ответ и, что странно, совсем не злился на начальника. Проблемы того казались мелкими и незначительными. Даже вездесущего и ужасного Чжоу Канга, Вэньян уже не боялся так сильно. Он дожидался окончания рабочего дня и летел домой. А дома — она!

Мей оказалась отличной хозяйкой, в первый же день она вымыла и навела порядок в его холостяцком жилище, накупила и расставила всяческих интерьерных штучек, и их квартирка стала довольно таки уютной. Вэньян уже не мог позволить себе, как привык, разбрасывать вещи, придя с работы, но ему это даже нравилось.

И еще одна приятность — у Мей было кое-что отложено на выкуп контракта. Так как деньги не пригодились, она с удовольствием тратила их на Вэньяна и на жилье. Кроме того заявила, что тоже пойдет на работу и записалась в виртуальный университет.

Вэньян был счастлив.

Целую неделю.

А в конце недели появился он — худой субъект в тройке.

Он дожидался Вэньяна на выходе из института. Вэньян сразу заметил, а как заметил — вздрогнул.

Оставалась еще надежда, что худой пришел не к нему, но она быстро растаяла, едва тот поманил Вэньяна пальцем.

У них уже не было никаких дел, Вэньян им был ничего не должен, и тем не менее, он покорно подошел.

— Прогуляемся, — худой двинулся по улице, Вэньян следом. Он заметил, что парочка измененных с механическими руками, похожие на охранников, или на бандитов, также двинулись вслед за ними. — Как девушка?

Вэньян оглянулся — охранники разве что не наступали на пятки.

— Хорошо, — произнес он, стиснув зубы.

— Посмотри, — по каналу, открытому еще в прошлую встречу, худой перекинул ему файл. Видео. Вэньян развернул его — это были записи их первой встречи, когда худой предложил ему вынести наниты, и второй, когда он принес их. Нехитрый диалог: «Итак, ты вынес эти наниты из здания „Доминант. Нано. Груп.“? Опытные печеночные образцы?» «Да, как и договаривались». — Кроме того, на нанитах остаточные следы твоего ДНК, ты что их, на себе тащил что ли?

— Что вам нужно? Мы же в расчете!

— За девушку, да. Сейчас разговор о тебе. Промышленный шпионаж — одно из самых страшных преступлений нашего времени. Этой записи и нанитов с твоим биоматериалом хватит, чтобы отправить тебя в тюрьму. Не стану пугать, ненадолго, по первому разу дадут лет пять, может, шесть, смотря насколько твоя компания будет зла на тебя. Если захотят сделать пример, дадут все десять. Подумай, хочешь ли ты провести следующие десять, или пять лет своей жизни за решеткой? Это не самое приятное место, поверь, я знаю, о чем говорю. И не вопрос, что такая девушка, как Мей дождется тебя.

Если бы не охранники, Вэньян бы кинулся… кого он обманывает, ничего бы он не сделал худому.

— Повторю свой вопрос, что вам нужно?

— К тому же, такой девушке требуется достойная оправа, жизнь, — худой словно не слышал его. — Сможешь ли ты обеспечить ее. Да, сейчас у вас конфетный период, вы счастливы и в шалаше, но долго ли продлится такое? Денег скоро станет не хватать, начнутся придирки, ссоры. Ты станешь уходить из дома, проводить все больше времени с друзьями, она станет плакать, а может и того хуже — отыщет себе утешителя.

— Вы, да вы… оставьте меня в покое!

— Те наниты, что ты вынес, нам нужна документация, полная. Процесс синтеза, спецификации, особенности сборки.

— Это бессмысленно, они все равно не работают!

Худой кивнул.

— Я знаю, но зато не знают ваши конкуренты, и готовы заплатить, ну или знают, но все равно платят, не наше дело, а наше добыть, что просит клиент.

— Даже, если так, я все равно не смогу, мне ее никто не даст, у меня просто нет нужного допуска!

— У кого есть?

— У моего начальника, у вышестоящего руководства, не знаю!

— Вот, — на узкой ладони худого лежал предмет, похожий на

пуговицу.

— Что это?

— Оставишь где-нибудь в кабинете начальства, надеюсь, туда доступ у тебя есть. Нам достаточно суток, потом заберешь и принесешь мне.

— Вы с ума сошли, а, если ваш жучок найдут, а если меня поймают!

— Твои проблемы, кстати, за работу мы заплатим тебе десять тысяч, если выполнишь. Хватит побаловать Мей некоторое время.

— А если… у меня не получится?

— Отправишься в тюрьму. Долго не тяни, срок — до конца месяца, увы, увы, информация в нашем мире быстро устаревает. Номер у тебя мой остался, наберешь, как будет готово.

Мей едва взглянула на его лицо.

— Что-то случилось?

— Неприятности на работе, — соврал он.

— Опять твой Карлос достает?

— Да, он.

* * *

как бы то ни было, на закате своего правления, Хуан-ди видел

— Как бы то ни было, на закате своего правления, Хуан-ди видел, мир меняется.

— А? — снова эти воспоминания. Огляделся по сторонам — я в летящем флайере, ребята режутся в карты, рядом бубнит Ульфсак.

— Ослабевала магия, изменился климат, в противовес этому — существенно развились технологии, — словоохотливый ученый, похоже, не заметил моей отключки. — Как вы, возможно, знаете, в то время миром правили, так называемые, Атомные Боги, также ставленники «изначальных», как и Хуан-ди. Последний решил, что миру уже не нужен Бог-царь, люди, человечество доросло до того уровня, когда само способно управлять своим миром.

Тут не то, что миром, своей памятью управлять не получается.

— Это он поторопился, — говорю, чтобы что-то сказать.

— Если ребенка постоянно держать в колыбели, ограждая от опасностей окружающей действительности, он никогда не вырастит! — фразу Ульфсак выпалил на одном дыхании, не задумываясь и разве что не взвизгнув. Видимо, небрежно брошенное мое возражение относилось к типичным. — И в противовес старым — Атомным Богам, появились Боги-демоны, — продолжил ученый. — По преданиям, первым, если так можно выразиться, симбиотическим единением человека и компьютера, была Ню-Гуа, впоследствии ставшая богиней красоты, сватовства и вообще семейного счастья. Но доставало и неудачных экспериментов, однако каждая ошибка приближала Хуан-ди к цели, и люди приспособились к новому миру, миру без магии и без смотрителя, но миру с новыми возможностями!

— Если Хуан-ди создал Богов-демонов, то куда делся он сам? И куда делись Атомные?

— Э-э, — ученый, судя по нему, уже собирался разразиться ответной тирадой, даже глаза заблестели. Видимо, он ждал этого вопроса.

— Сказки! — неожиданно бросил через плечо Юань, оказывается, парень слушал ученого все это время.

— Сказки? Это правдивая история нашего мира! — Ульфсак опять едва не взвизгнул.

— Сказки, — настаивал Юань, — а правда, или нет, сейчас уже никто не скажет.

Меня же больше занимал ящик на котором сидел молодой представитель заказчика. Невысокий, вытянутый, больше всего он напоминал… гроб. Первым делом я просканировал его, лучи через стенки проникали слабо, но по контурам угадывалось что-то вроде тела, похожего на человеческое, во всяком случае — антропоморфное. Признаков жизни не наблюдалось.

Зачем они везут с собой покойника? Или он жив?

Ну и, конечно, занимало само задание.

* * *

В очередной визит к начальству Вэньян дрожащими пальцами уронил пуговицу — «жучок» и носком туфли пхнул ее под стол.

Когда он вышел, его всего трусило.

Вэньян едва доработал до конца дня, ему казалось, Жонг Карлос нашел пуговицу, обо всем догадался, и в этот момент как раз докладывает начальнику службы безопасности. Вэньян вздрагивал всякий раз, как открывалась дверь, и кто-то входил в их отдел.

Дома, несмотря на присутствие Мей, он тоже не находил себе покоя. Любой шорох за входной дверью чудился ему шагами полицейских, которые пришли за ним.

Это, наверное, были одни из самых длинных суток в жизни Вэньяна.

И на следующий день, Карлос, который обычно по три раза за смену вызывал его к себе «на ковер», чего-то затих.

«Нашел! Подозревает!»

Когда в конце рабочего дня образ начальника возник перед внутренним взором, Вэньян почти обрадовался. Почти бегом он отправился в кабинет, захватив ворох бумаг.

Он не слышал, что говорил Карлос, а в середине гневной речи начальства рассыпал бумаги и, извинившись, опустился на пол, собрать. Как и ожидалось, Карлос не снизошел до помощи подчиненному.

Только со второго раза дрожащие пальцы обхватили пуговицу, он зажал ее в потном кулаке.

— Вы там заснули, что ли? — раздался сверху недовольный голос Карлоса.

— Да, да, то есть, нет, простите… — Вэньян поднялся, проклятый «жучок» жег ладонь.

Теперь самая малость — вынести.

— Мистер Вон, что это вы так смотрите? Или считаете, я не прав?

— Нет, что вы, мистер Жонг, я сегодня же все переделаю.

— Вот именно, переделайте! Свободны!

И снова он вздрагивал всякий раз, как открывалась дверь.

Долго думал, куда спрятать, не глотать же в самом деле, хотя он бы и глотнул, но в таком случае не был уверен, что пуговица не испортится в желудке, наконец просто опустил в карман. Проходя через сканирующую рамку в конце работы, ожидал сигнала тревоги…

Худой со своими парнями ждал его в условленном месте.

— Вот, — Вэньян протянул ему пуговицу, — я сделал, что вы просили, все, мы в расчете!

— Еще нет, — худой протянул ему конверт, — твои десять тысяч, заработал. Перевод могут отследить, так что наличные.

Вэньяну было наплевать на деньги.

— Это последний раз, вы слышите — последний!

— А вот это не тебе решать.

* * *

кажется, на некоторое время я опять потерял связь с реальностью

Кажется, на некоторое время я опять потерял связь с реальностью. Так и привыкнуть недолго, или с ума сойти. Вспомнилось, как получил это задание.

«Каким Богам-демонам поклоняетесь?» — таков был первый, он же единственный вопрос, который интересовал заказчика.

Так как вариантов ответа имелось слишком много, и угадать, какой из них устроит, казалось довольно затруднительно, я выбрал правду.

«Никаким».

Хотя, это была полуправда, перед некоторыми контрактами, повинуясь то ли импульсу, то ли привычке и воспитанию, я ставил наносвечи М.Бэйну — Богу-демону наемных убийц. У всех есть Боги-демоны, почему же его не может быть у нас?

Правда, конечно, не всегда благо, но в этот раз, я угадал. Через время пришел ответ:

«Мы навели справки, вы, действительно, не принадлежите никакому Богу. Вы нам подходите». Дальше шла цифра гонорара, как раз достаточная. Не непомерно большая, чтобы насторожить, и не слишком маленькая, чтобы возмущенно отказаться.

«Что я должен делать?»

Как правило, после этого пересылались данные на клиента. Но не в этот раз.

«Отправиться с нашей группой, дальнейшие инструкции по прибытии на место».

«Я так не работаю», — был мой ответ.

«Нам нужен специалист вашего профиля, человек, который профессионально, без лишних вопросов сможет выполнить указание нанимателя. Возможно, придется принимать скорые решения. Невозможность предоставить данные клиента связана с временным неведением, относительно личности клиента».

Веселые ребята — сами не знают, кого хотят убрать. Но становилось интересно.

«Дети и женщины не могут становиться клиентами», — такое вот условие, а то мало ли.

«Мы в курсе».

«Я согласен».

* * *

— Сказали, я им подхожу, представляешь! Конечно, сначала испытательный срок, но зато потом — твоя и моя зарплата, мы сможем переехать, позволить себе квартиру получше, сможем даже откладывать. Ты слушаешь меня?

— А? Да, прости, это замечательно.

Мей нашла работу, причем, довольно неплохую — помощница управляющей в какой-то фирме, и платили столько же, сколько и Вэньяну. По идее, он должен быть счастлив — жизнь налаживалась. Рядом — любимая девушка, быт изменялся в лучшую сторону, росли доходы, будущее… почти безоблачное. Вчера его снова вызывал к себе рыжий желторубашечник из лаборатории, не то, чтобы советовался, но уточнял кое-какие детали, заодно и намекнул, что ему нужен рядом такой человек, как Вэньян. Пока, конечно, радоваться рано, перевод наверх в их фирме — целая процедура, но все же.

Когда вернулся, Карлос, стоя в дверях своего «кабинета» сверлил его ненавистным взглядом. Потом вызвал, распекал дольше обычного. Против обыкновения, это почти не задевало Вэньяна, как не радовали перспективы возможного повышения, ибо в голове стоял призрак худого.

Он не звонил первую неделю, вторую, пошла третья, Вэньян потихоньку успокоился, думал, о нем забыли, пока в конце третьей…

— Говорят, ты там у себя в конторе стал большим человеком?

«Откуда они знают, что делается у нас на фирме?»

— Вас ввели в заблуждение.

— Вот, — на ладони лежала старая знакомая — пуговица — «жучок», — подбросишь в поясницу, куда там ты ходишь, а через неделю заберешь.

— Я… боюсь, я не смогу. Меня вызывают наверх не так часто, по большому счету, это и было-то всего три раза.

— Значит, когда вызовут. Если все пройдет нормально, получишь еще десять штук.

— А если… если меня поймают?

— Твои проблемы. Держи, — он с силой вложил пуговицу в ладонь Вэньяна, — и не пропадай.

Вэньян понял — они от него не отстанут, никогда.

«Может, с работы уволиться?»

— Надумаешь уволиться, — тощий словно прочитал его мысли, — пеняй на себя, запись с твоим признанием отправится в полицию и в службу безопасности вашей конторы. Посмотрим, кто первым до тебя доберется.

* * *

мы стояли у горы

Мы стояли у горы. Относительно невысокая, сплошь заросшая зелеными елями, похожая на большой холм.

— Туда, — один из измененных указал буром куда-то в середину леса и первым покатил в указанном направлении на своих гусеницах.

Парочка напарников за ним тянула ящик-гроб, на остальных, в том числе и на меня с ученым, навьючили всевозможное оборудование. Поначалу я хотел отказаться, но, увидев, что и Юань тянет, наравне со всеми, решил поучаствовать.

Подъем был не из легких и занял около часа. Наконец, наша компания остановилась на пороге небольшой пещеры, что чернела в теле горы.

— Это я, некоторым образом, обнаружил ее! — несмотря на усталость, поспешил похвастаться Ульфсак.

— Ну и что там? — я постарался, чтобы мой голос звучал равнодушно. Свалив оборудование, я присел отдохнуть. Пятерка же измененных, руководимая Юанем, занялась некими приготовлениями.

— Как! Вы не знаете! — привычка ученого, чуть что переходить на крик начинала раздражать.

Я покачал головой.

— В таком случае, немного, так сказать, экскурса в историю. Слышали ли вы что-нибудь о культе Тегуая?

Я тут же влез в вирт и озвучил ответ на запрос.

— Имел место два века назад, за короткое время получил распространение в местности Сан-рель, характеризовался массовыми ритуальными самоубийствами последователей, просуществовал около десяти лет.

Я не сказал вслух, но подумал — ровно столько, пока последний приверженец не укокошил себя.

Ульфсак помахал рукой, словно отметая мои слова.

— Все это так, на поверхности. Я же вывел некоторую, э-э, закономерность, если хотите — тождество. Примерно раз в двести лет, всякий раз в различных местах мира возникает некий культ. Например, четыреста лет назад, это был культ Пустоглазого Ли, шестьсот лет — Ниньяна Великого, восемьсот…

— И приверженцы этих культов тоже любят лишать себя жизни? — прервал я ученого, пока тот не дошел до Всемирного Потопа.

— Ну, некоторым образом, да, но это не основное, а

основное, это то, что все эти, если так можно выразиться, божества, ибо для приверженцев культа Тегуай и прочие были именно божествами, всегда, заметьте, всегда выступали противниками Бога-демона Аньхоя.

— Покровителя врачей, фармацевтов и химиков?

— Его самого. Всяческий раз, приверженцы Тегуая, а для удобства будем называть его так, активно вербовали последователей в рядах поклонников Аньхоя, существенно, как вы понимаете, прорежая эти самые ряды.

— И что? — ученый выдавал информацию, словно сообщал величайшее открытие, однако пока я не уловил сути его восторгов.

— Что вы знаете о, так сказать, природе Богов-демонов?

Только теософских вопросов мне не хватало.

— Ничего! — буркнул я.

— Ну так вот, позвольте…

— Пошли! — прервал наш разговор Юань, указывая на зев пещеры.

Часть оборудования наша измененная пятерка навесила на себя, окончательно утратив сходство с людьми.

— Вы знаете, кто они? — решил я напрямую спросить у ученого, кивнув на ребят.

— Конечно — черные археологи, проще говоря — грабители могил.

* * *

случай представился через два дня

Случай представился через два дня, после разговора с худым.

Вэньяна снова позвал к себе рыжий.

Против обыкновения, он выглядел немного, расстроенным что ли.

— Я подал ходатайство о вашем переводе в мой отдел.

— Спасибо, — в любое другое время он бы прыгал от радости, но не сейчас. Проклятая пуговица жгла ладонь, нужно было не просто оставить ее, а сделать это так, чтобы он потом смог ее забрать.

— Мне, гм, отказали, кто-то в голени очень не желает твоего повышения.

И Вэньян знал, кто это.

«Случилось бы с Карлосом чего-нибудь, что ли. Флайер, например, раздавил».

Лучшим местом ему виделась щель, между полом и одним из агрегатов, однако, если закатится, как потом достать? Да еще сделать это незаметно.

— Но ты не расстраивайся, через время я подам повторно, а пока буду давать задания так.

— Хорошо.

Щель не подходила, тогда — покрытие на полу, вон, возле ножки стола кусок отслоился, засунуть под него и дело с концом.

— Премию, к сожалению, тоже не могу выписать, это прерогатива непосредственного начальника.

— Я понимаю, можно мне воды?

— Воды?

— Ну да, пить хочется.

— Ладно, — желторубашечник пошел к кулеру в углу лаборатории.

Вэньян быстро наклонился и спрятал пуговицу, едва успел выпрямиться.

— Держи.

Вэньян залпом выпил стакан, в горле, действительно, пересохло.

— Спасибо еще раз, я пойду?

— Да, иди.

— Называется «борсч», ну как, вкусно?

Последнее приобретение Мей — кухонный комбайн. В него загружались ингредиенты, вводилась программа, а дальше по идее выходило блюдо — шедевр поваренного искусства. Шедевр

выходил далеко не всегда, но Мей старалась.

— Очень.

— Ты даже не доел!

— Прости, что-то аппетита нет.

Она села к нему на колени, поцеловала.

— Все хорошо?

Ему повезло, ему очень повезло! Циньгуан — Бог-демон судьбы — единственный, чьи храмы не строились, но имя которого постоянно было на слуху, непонятно за какие заслуги подарил Вэньяну такую девушку, как Мей.

А вот повезло ли ей с ним? Что он может дать? Чем обеспечить? Сейчас так вообще ходит под угрозой тюрьмы. И самое противное, что выхода-то нет.

* * *

Изменения ребят получили свои объяснения. Если на пути попадался узкий лаз, в дело вступал восьмирукий, словно ввинчиваясь и расширяя его, особо крупные валуны и завалы расчищал человек-бульдозер, а разведывал дорогу гибкий, правда посылая первоначально кучу дронов и прочей техники.

— Черное копательство довольно опасная профессия, — по пути просвещал меня Ульфсак, — древние захоронения зачастую изобилуют всяческими ловушками и прочими, э-э, опасностями.

Словно иллюстрируя его слова, гибкий, вернувшись из очередной разведки, сделал знак, чтобы мы одели дыхательные маски и, взяв какой-то прибор, снова скрылся впереди. Вскоре он вернулся и сказал, что маски можно снять. Мы двинулись дальше.

— Возвращаясь к природе Богов-демонов, — ученый не мог молчать долго. — И ваше и мое тело насыщают наниты, однако, задумывались ли вы, что случилось бы, насыться нанитами, даже не каждая клеточка, а каждая органелла каждой клетки вашего организма?

Так как он ждал ответа, я сказал:

— Не задумывался.

— Ага! — обрадовался Ульфсак, словно услышал нечто веселое. — Как мы уже упоминали, согласно легендам, Боги-демоны некогда были людьми, людьми, первыми подвергшимися изменениям, а начал их изменять тот самый, легендарный Хуанди.

— По легендам он тоже изначально был человеком, — успел вставить я, но ученый предпочел пропустить это мимо ушей.

— Возвращаясь к моему, так сказать, вопросу, если бы все

ваше тело буквально пронизывали наниты, вы бы могли, опять же в теории, разделить его на части, даже встроить эти самые части в иные тела, ну или скажем неодушевленные предметы, а потом, в случае надобности, собрать обратно.

— И что?

— Как это что! Бог-демон Лэйгун живет в облаках, что покрывают наше небо, Богиня Цайхэ в цветах и молодых побегах, хотя некоторые относят Цайхэ к мужчинам, Луван — в воде, Яньвань — в недрах, они живут и повелевают всем этим, ибо это, не в метафизическом, а в прямом смысле — их тела. Однако, везде быть невозможно, следовательно, нужно больше нанитов, кроме того, уже существующие могут приходить в негодность, а учитывая объемы в миллиарды, ежедневно приходят в негодность миллионы, значит нанитов нужно еще больше, даже на простое поддержание жизнедеятельности.

— Верующие, — догадался я.

— Совершенно верно! — возликовал Ульфсак снова переходя на крик, да такой, что казалось, задрожали стены пещеры.

— Слушай, доктор, если не заткнешься, я сам заткну тебя! — кажется, это были первые слова, которые я услышал от парня с плавниками, в компании гробокопателей он был за главного.

Ульфсак не заткнулся, но продолжил тише.

— Боги-демоны нуждаются в верующих буквально для жизни, не станет верующих, вскоре не станет и их. Божественная, я бы сказал, ирония, обладать сверхмогуществом, но зависеть от ничтожных, с точки зрения всемогущего бога, существах.

— Я что-то не совсем понял, как наниты верующих попадают к богу?

В этот момент, с плавниками поднял руку.

— Тише!

Все замолчали, и стал слышен какой-то гул, он приближался.

— Все назад! — крикнул с плавниками и первым выполнил свою команду.

Успели мы в последний момент, а утолщение пещеры, где мы стояли мгновениями раньше, с грохотом засыпало камнями.

— Ничего себе! Я на это не подписывался, — кажется, я говорил вслух.

Пыль поднялась такая, что пришлось снова надеть маски.

Все — проход закрыт, дальше хода нет, я думал мы повернем обратно, но не тут-то было. Вперед вышел человек-бульдозер и принялся отбрасывать камни. Остальные даже не пытались помочь ему, я тоже не горел желанием.

К нам приблизился Юань.

— Говорят работы часа на три, можете пока отдохнуть и

перекусить, — и первым опустился на пол, закрыл глаза, кажется, собираясь поспать.

Вот как, а если нас засыплет внутри? На всякий, проверил вирт — связь была, если что, сможем вызвать помощь и, я надеялся, нас спасут. Я тоже опустился у каменной стены, собираясь и себе перекимарить пару часов, однако соседство неугомонного Ульфсака разрушило мои планы.

— Вот, — палец ученого указывал на завал, — иллюстрация того, как наниты верующих попадают к богам.

— Через камни?

— Через смерть! Верующие в Фэнбо оставляют своих покойников на вершинах гор, где постоянно дующие ветра иссушают их организм, и наниты попадают к Богу-демону. Приверженцы Бато закапывают умерших в земле, но основная, если так можно выразиться, практика, хоронить при храмах, на, так называемой, святой земле. Это закреплено в религии, считается особенно удачей быть погребенным там, и умершие получают жизнь вечную в теле бога.

— Но ведь это уже не он, не тот человек, что умер!

— И бог не то существо, что жило когда-то, по ту сторону в любом случае иная форма бытия.

— Получается, ваш Тегуай отчего-то подрывает веру в Аньхоя? Это что, личная неприязнь, и почему раз в двести лет, — еще я подумал, что свечи с некоторым количеством нанитов, которые мы сжигаем, получается — не дань традиции, а реальная подпитка богу.

— Видимо настолько хватает Тегуаю, или как его зовут на самом деле, нанитов, чтобы продержаться без поступления новых. Потом, или смерть, или — новый культ. Я думаю, его возвращения, это попытки, повторяющиеся попытки свалить Аньхоя, пока неудачные.

— И не удастся! — подал голос Юань, парень, оказывается не спал.

— Вот как, вы верите в Аньхоя? — почуяв новую жертву для своих проповедей, накинулся на парня Ульфсак.

Тот оставил его вопрос без внимания.

Тогда ученый вновь повернулся ко мне. Вдохновенный примером Юаня, я закрыл поспешно глаза и громка засопел, слегка похрапывая.

— Но… как же… — судя по голосу, Ульфсак пребывал в отчаянии.

* * *

в следующий раз удалось попасть

В следующий раз удалось попасть в поясницу через неделю.

Дождавшись, пока рыжий отлучится в другой конец лаборатории, Вэньян полез под стол, запустил пальцы в пространство под отслоившимся покрытием, и… ничего не нашел. Вэньяна прошиб холодный пот. Он дернул, отвернул оторванный край — пусто. Да там и затеряться-то было негде.

— Что-то потеряли?

— А? да, то есть, нет, не важно, — Вэньян поднялся, внимательно посмотрел на рыжего. Может он забрал? Не похоже, ни подозрительности, ни насмешки, как всегда спокойный, немного рассеянный взгляд.

Тогда куда делся жучок?

— У вас часто убирают?

— Раз в неделю — роботы-уборщики, внизу разве не так?

— Так, да, все так.

Наиболее вероятное объяснение — засосал, вместе с пылью, робот-пылесос. А, если нет, если кто-то нашел?

Он в тот же день позвонил худому.

— Я… ваш жучок, он пропал…

Худой поднял редкие брови.

— То есть, как это?

— Не знаю, я его оставил, честно оставил, в лаборатории, а, когда пришел забирать — его не было. Я думаю — уборщики, но к счастью, у нас убирают не люди, а роботы, так что…

— Двадцать тысяч.

— Простите, что?

— Оборудование, которое ты потерял, упустил, не нашел, стоит двадцать тысяч, и я хочу получить либо их, либо свой прибор обратно.

— Но, это же… вы же сами мне его дали…

— И сказал, чтобы ты принес. Ты принес?

Вэньян понял, как себя чувствует загнанный в угол зверь.

— Вы же знаете, у меня нет таких денег.

— Отработай.

— Как??

— Документацию, что должен был скачать прибор, принеси ее. Как и договаривались, я заплачу тебе десять штук, таким образом, половину долга ты уже отработаешь, а за вторую поговорим позже.

— Если меня поймают, то посадят.

— А, если не принесешь, посажу я.

Они обложили его, со всех сторон, не оставили выбора.

— Хорошо, я… я постараюсь.

* * *

Через три часа, как и обещали, гробокопатели позвали нас дальше.

Следующей ловушкой былая пропасть. Черный пол, усыпанный каменной крошкой, не отличался от сотен метров пройденного, и мои сканеры ничего не обнаружили, зато гибкий, который шел впереди, остановил нас. Он опустился на колени и подполз к краю, осторожно попробовал пальцем, и пол прогнулся. Это было что-то вроде сетки, или мембраны. Ребята соорудили мостки, по которым мы перебрались на противоположную сторону. Где-то на середине проснулся мой сканер и показал глубину в сорок метров. Не бездонная, но разбиться насмерть хватит.

Наконец, кажется, наша компания добралась к цели путешествия, и понимал я, зачем понадобился, не более, чем в начале. Пятерка гробокопателей растянула по периметру пещеры, в которую мы вышли, светящуюся ленту, и мы увидели… саркофаги. В отличие от ящика, который тянули с собой, это были самые настоящие саркофаги, каменные, с массивными крышками, они аккуратно стояли по периметру, одинакового размера, без украшений, я насчитал два десятка.

— Мистер Ювэй, ваш знаменитый клинок у вас с собой? — Юань сбросил рюкзак на каменный пол.

Я молча поднял руку и позволил вылезти металлическому кончину.

— Отлично, в таком случае, начнем, пожалуй, м-м-м, отсюда, — он направился к ближайшему саркофагу. Гробокопатели двинулись за ним, я тоже.

Облокотившись на крышку, Юань внимательно, даже оценивающе посмотрел на меня.

— Настало время работы для вас, мистер Ювэй.

Я кивнул, показывая, что готов, хотя и мало что понимал.

— Мы будем открывать эти замечательные штуки, — продолжил Юань, — вы же в свою очередь будете рубить головы тому, что лежит внутри, как можно скорее.

— Что-о-о!!

— Не волнуйтесь, женщин и детей не будет.

Кивнув гробокопателям, Юань уперся руками в каменную

крышку и начал сдвигать, бульдозер и восьмирукий поспешили ему на помощь.

Когда крышка была сдвинута, я опасливо заглянул внутрь. Там лежал мумифицированный труп в лохмотьях, эдакий скелет, обтянутый серой кожей.

— Э-э, рубить? — на всякий случай уточнил я.

— И как можно скорее! В следующем гробу не затягивайте.

Странно, перед тем, как сделать решающий удар, рука дрогнула, словно раньше мне не приходилось убивать. Хотя что ж тут убивать, это и так покойник! И я убивал раньше, точно помнил. Взять хотя бы время работы на Рябого, или случившиеся в Та-Мани… и тут же вспомнился проваленный контракт в колонии любителей природы и божественного Цайхэ.

Следующая крышка с грохотом упала на пол пещеры, взмах меча, и голова второй мумии отделена от тела, второй раз легче.

Следующая.

Следующая.

Да что ж, Боги-демоны, здесь происходит?!

Это был восьмой, или десятый саркофаг. Крышка откинута, я привычно наклонился, чтобы выполнить свою работу, и… что-то не так, тело было высохшее, и истлевшая одежда также висела лохмотьями, но покойник выглядел как-то иначе, более живым что ли.

— Руби! — крикнул внезапно разволновавшийся Юань, а в следующую секунду покойник… открыл глаза. Холодный пот прошил меня, но я живо взял себя в руки и даже замахнулся для удара, как нечто, похожее на сгусток света, очень яркий, отделился от покойника и ушел в скалу.

— Идиот! — выругался Юань. И уже обращаясь к гробокопателям, — быстро, открывайте остальные, а ты руби, — кивнул мне, — да, и этого разморозьте, — он пнул ногой длинный ящик, что мы притащили с собой.

В следующую секунду Юань упал, словно сраженный невидимым лучом, или потерявший сознание. Но перед этим я увидел похожий свет, который вышел из тела молодого человека и растворился в скале.

* * *

надоела работа? Заел быт?

«Надоела работа? Заел быт? Хочется бросить все и сбежать?

Сделай это!

Сбеги!

Ты достоин большего и, возможно, лучшая судьба ждет тебя.

Приди в компанию „Поменяй свою судьбу“ и стань другим человеком!»

Странно, в столовой, как и во всем офисе стоял блокировщик рекламы, а это пробилась даже сквозь него. Наверное, ребята немало заплатили. Вот уж от чего бы он не отказался — изменить судьбу. Нет, Мей он бы оставил, а вот все остальное…

С утра начальство развило бурную деятельность, уже несколько раз Жонг Карлос покидал свой кабинет, куда-то убегая, а возвращался красный и взъерошенный. Было и хорошее — Вэньяна он не трогал.

Видно, Вэньян рано обрадовался, когда они вернулись с обеда, Карлос начал по одному вызывать сотрудников к себе. Выходили они оттуда, похожие на Карлоса — пурпурные и лохматые.

— Чего там? — спросил Вэньян у Лао, который как раз вернулся на свое место.

Тот махнул рукой.

— Не спрашивай!

Перед внутренним взором Вэньяна возникло лицо Карлоса.

— Мистер Вон, зайдите ко мне.

Портрет основателя компании Су Мишенга злорадно щурился на Вэньяна.

С опаской и замиранием сердца Вэньян переступил порог.

За столом Карлоса сидел Чжоу Канг — начальник службы безопасности собственной широкоплечей персоной.

— Вон, — маленькие глазки словно пробуравили Вэньяна, он вспомнил о рентгеновском зрении, может правда?

— Мистер Чжоу, — Вэньян поклонился.

— Вон, ты знаешь, что это такое, — толстый палец постучал по пластиковому пакетику на столе.

Вэньян опустил взгляд и похолодел.

Перед Чжоу лежала жучок-пуговица — точная копия той, что он так и не отыскал в лаборатории, а, учитывая присутствие Чжоу здесь, возможно, та самая.

— Ну так что?

— Э-э, нет, мистер Чжоу. Очень похоже на какую-то фишку, —

Вэньян не без удивления заметил, что голос его совсем не дрожит.

— Это жучок, Вэньян! Причем, довольно современный и недешевый! Он считывает информацию со всех носителей в радиусе нескольких метров и записывает, в себя. По счастью, здесь нет передатчика, да и не получилось бы у него пробиться сквозь наши стены, так что, чтобы скачать, что он там насобирал, жучок нужно забрать. Видел у кого-нибудь такой?

— Никак нет, господин Чжоу!

— Какая-то крыса подложила его, — Чжоу взял пакетик двумя пальцами, словно боялся заразиться. Судя по информации внутри, тот, кто подложил, очень интересуется печеночными нанитами. Это же тема вашего отдела, так?

— Да, но ей много людей занимается… я так думаю.

— Мои люди нашли его в мусоре. Пока не знаю в каком отделе всосал пылесос, но я узнаю. Как и то, кто крыса!

Вэньян похолодел.

— Не сомневаюсь, мистер Чжоу.

— Я перерою это здание от ступней до макушки, рано или поздно, но я найду крысу, а когда найду, он проклянет тот день, когда согласился предать компанию! Повторю еще раз, ты что-нибудь знаешь об этом, Вон?

— Нет, мистер Чжоу!

— Что ж, свободен, пока…

Вэньян уже проклинал тот день, когда согласился… но этот день подарил свободу Мей! Он должен что-то сделать! Но что он может? Сбежать? А как же Мей? Вот, если бы, действительно, можно было, как в рекламе, изменить свою судьбу.

Циньгуан — Бог-демон судьбы, если бы ты откликнулся на молитвы!

* * *

похоже, гробокопателей совсем не интересовала подоплека дела

Похоже, гробокопателей совсем не интересовала подоплека дела, ну или они знали больше, чем я, и больше, чем Ульфсак, ибо наш словоохотливый ученый, с начала действа, с того самого времени, как мы открыли первый саркофаг и отсекли голову, пребывал будто в прострации. Ну хоть болтать перестал без умолку.

Бульдозер с восьмируким споро принялись открывать оставшиеся саркофаги, а я не менее споро рубить головы, хотя и не без некоторого внутреннего сопротивления.

Я все время поглядывал по сторонам. Мне казалось, на стенах, потолке, даже полу пещеры время от времени возникают сполохи, словно сталкивались два заряда. Я посмотрел на остальных — видят ли они то же? По лицам гробокопателей было трудно что-либо понять, Ульфсак, кажется, не видел вообще ничего.

Я попытался просветить стены — даже для моего, измененного зрения они оказались непроницаемы.

Под руководством старшего, парочка человек-бур — тощий, произведя некие манипуляции, открыли ящик, который мы принесли. Внутри лежал… человек, средних лет, худое изможденное лицо, на вид совершенно обычный, человек не дышал. Труп? Зачем мы тянули сюда труп? Местных мало?

К тому времени, как труп извлекли, мы уже закончили с мумиями.

Я подошел к покойнику, желая получше рассмотреть его, ну или понять, что в нем такого, и в этот момент, он сделал вдох и открыл глаза. Парень был не мертв!

Позади что-то зашуршало, я обернулся — с пола поднимался Юань. Взглянув на ожившего покойника он довольно оскалился.

— Попался!

Тело передо мной дышало, моргало, но не шевелилось.

— И не пытайся, — продолжил Юань, и в голосе слышались нотки торжества, хотя самого явно трусило, — это тело специально изменено, ты не сможешь ни двинуться, ни убежать.

— Аньх… — разлепились губы лежащего.

— Прощай, Тег, — Юань кивнул мне.

Я помотал головой, не понимая.

— Руби, — он показал глазами на шею несчастного.

Я медлил, одно дело отсекать головы мумиям, которые двести лет, как мертвы, и совсем другое беспомощному человеку.

— Ну же!

И я отрубил.

* * *

«Тебе кажется, ты достоин большего? Проживаешь не свою жизнь? Возможно, так и есть.

Приди в компанию „Поменяй свою судьбу“ и стань другим человеком!»

И снова эта реклама. Почти созвучна его мыслям, только он считает, что достоин не большего, а меньшего.

После обеда, его позвал к себе рыжий. Вэньян знал, что так будет, он сам отправил запрос на встречу, минуя Карлоса — плевать.

Он решился, даже сам не понял, когда и как. Встал сегодня утром — и решение ждало его в голове. Основное — обеспечить Мей. Если все пойдет по плану, на первое время девушка не будет нуждаться в деньгах, даже совсем не будет, а потом… Вэньян гнал от себя мысли о «потом». Если опять же все пойдет по плану, для него этого «потом» не случится, но зато обеспечит Мей. Любовь, это не только брать, но и отдавать, иногда отдавать нужно больше, иногда нужно даже отпустить того, кого любишь, чтобы он был счастлив.

Рыжий, как всегда сидел в своей лаборатории.

— Что-то срочное? Все всполошились, ищут шпиона, нас уже несколько раз вызывали на допрос, отчего-то Чжоу — мистер-бдительность и подозрительность решил, что именно в нашем отделе завелась, как он говорит «крыса».

— Вот, — Вэньян положил перед рыжим то, что уже давно собирался. Еще полтора месяца назад он догадался, как можно изменить структуру двигательной молекулы, благодаря которой наноробот перемещался, но которая была настолько огромна, что он с трудом проникала сквозь мембрану клетки. В двадцати случаев из ста наниты просто застревали, мало того, что пропадая впустую, так еще и закупоривая возможные пути проникновения собратьев. Его наниты двигались не за счет химической реакции, а за счет тепла, как белок, который изменяет конфигурацию под воздействием температуры.

— Интересно, — посмотрев его разработки, кивнул рыжий, но ваша двигательная структура — билет в один конец. Отработав, она уже не сможет вернуть наноробота обратно, да вообще хоть

куда его перенести, он будет вынужден остаться внутри.

— Да, но в большей части случаев, нам нужно только это. Вы не хуже меня знаете, что маленькие умные микросоздания, которые переходят от клетки к клетке, врачуя их — сказки для обывателей. Восемьдесят процентов нанитов растворяется лизосоматическими ферментами уже в первой клетке, именно поэтому, мы запускаем еще и еще, а потом новых нанитов, которые выводят остатки старых. Вы можете сейчас сделать несколько, посмотреть, что называется, в действии, а то, с этими безопасниками непонятно, когда в следующий раз разрешат подняться.

Рыжий покривился, но, тем не менее, кивнул.

— Давай попробуем, — он исчез в глубине лаборатории.

Не теряя времени, Вэньян тут же вывел на его рабочем месте всю информацию, какая была, и запустил режим листания, не отрывая взгляда от экрана. Любые электронные носители информации, во избежание утечки, в компании были запрещены, в компьютерах даже отсутствовали порты и передатчики для них. Информация внутри здания перемещалась либо на бумаге, либо через безопасников. Вэньян не старался запомнить, что мелькало перед глазами, он только выделил отдельный кластер в долговременной памяти и перенаправил зрительный поток туда. Пролистав первую папку документов, он принялся за вторую.

— Что… что это ты делаешь? — раздался из-за спины голос рыжего.

Вэньян не стал выключать, а дождался, когда компьютер долистает.

— Так, ищу, есть еще кое-какая идейка, — поверил ли ему рыжий, он не знал, а не поверив, не побежит ли сразу к безопасникам, тоже не знал, по большому счету, ему продержаться только до конца рабочего дня. — Ну так что там у вас, получилось синтезировать?

День доработал относительно спокойно, разве что раз сходил к Карлосу, но сейчас, когда решился, это мало волновало Вэньяна.

Худой ждал его, после работы в условленном месте.

Вэньян осмотрелся, увидел лавочку, первым направился к ней.

— Присядем.

Худой двинулся следом.

— Итак, ты сказал, у тебя есть товар? — охранники не стали садиться, а замерли по краям, словно живые статуи.

— Полная документация на печеночные и еще много чего, все посмотреть не успел, но, думаю, вы, или кто стоит за вами,

разберетесь.

Худой кивнул.

— Десять, — продолжил Вэньян.

— Что десять?

— Я хочу, чтобы вы простили мне долг и заплатили сверху десять тысяч, — странно, но, как и на работе, он чувствовал себя абсолютно спокойно.

Худой скривился и вопросительно поднял бровь.

— Я примерно представляю, сколько может стоить подобная документация, — поспешил с объяснениями Вэньян, — простить потерю «жучка» и десять тысяч, это не такая большая сумма.

— Я могу забрать их прямо сейчас, у тебя и ничего не платить, — спокойно произнес худой.

— Не сможете, документы здесь, — Вэньян постучал пальцем себе по лбу, — я сотру их в доли секунды, вы и моргнуть не успеете. Дальше можете пытать, да хоть убить, память это не восстановит.

— Однако, — худой с прищуром, даже как-то по-новому посмотрел на Вэньяна, — если ты ведешь какую-то свою игру…

— Я понимаю с кем имею дело, — он приложил ладони к сердцу.

— Хорошо.

Через секунду Вэньяну пришло сообщение — его счет пополнился на десять тысяч. Он тут же перекинул их на Мей, присовокупив и десять тысяч, заработанные ранее. Вместе с ее сбережениями, сумма получилась вполне ничего.

— Итак? — худой продолжал щуриться в сторону Вэньяна.

Тот поспешно перекину им файлик из зрительной памяти — пусть разбираются, что он там успел рассмотреть.

— На всякий, если надумаете сейчас обратно забрать свои деньги, их у меня уже нет.

Худой, судя по отсутствующему взгляду, занялся изучением полученного. Вэньян поднялся, охранники обступили его, но худой сделал знак рукой, и они отошли.

С трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, Вэньян двинулся по улице.

* * *

Мы летели обратно, Юань, замотанный в термоодеяло, лежал на одном из спальных мест, парня бил озноб, хотя он выглядел уже лучше, чем, когда мы вышли из пещеры.

Ульфсак сидел рядом, не отводя немигающего взгляда от

стены, гробокопатели, кажется, спали.

— Я расскажу вам легенду, — несмотря на состояние, голос у Юаня был ровный, хотя и тихий, — про двух друзей.

Ульфсак оторвал взгляд от стены, проявляя интерес.

— Давным-давно, на заре времен жили два друга, и были они, как братья. В один из дней, друзья решили накопить столько нанитов, чтобы стать равными Атомным Богам, которые правили в то время. И накопили, и вместе, рука об руку, плечом к плечу прошли этот путь. И вот осталось последнее испытание, последняя трансформация, друзья должны были покинуть свои тела, чтобы через восемь дней вернуться новыми существами, и было это на горе Даньшань. И они покинули, но один из них вернулся раньше, и во время восьмидневной трансформации он понял, что, пройдя одинаковый путь, они с другом стали слишком похожи. Энергия, наниты, что пронизывали их тела, были одними и теми же нанитами. Когда-нибудь, не сейчас, может, через сто, может, через тысячу лет, но они неизбежно схлестнуться, ибо двоим одинаковым божествам нет места в мире. Тогда он сжег тело друга, чтобы тот навечно остался духом без плоти. И ушел. Но не учел одного, обретя могущество, друг получил способность вселяться в другие тела, если они не были заняты душами. Неподалеку лежало тело умершего от голода хромого нищего, и друг занял его. С той поры он бродит по свету, переселяясь из одного тела в другое, но никак не может накопить достаточно силы, чтобы свергнуть бывшего друга, который стал богом. Такая вот история.

— Однако, возможно, вы что-то путаете, подобной легенды я не слышал, а легенды, заметьте, моя специальность, — подал голос Ульфсак. — Схожие мотивы, как-то: соперничество друзей и братьев, предательство, обретение могущества, конечно, встречаются, но, боюсь, тот, кто рассказал вам эту историю, выдав ее за древнюю, мягко говоря, ввёл вас в заблуждение. Скорее всего эта, так называемая, легенда какой-нибудь новодел из относительно свежих…

— Он назвал тебя Аньх, — произнес я.

— Да, — лежащий посмотрел на меня, — назвал.

— Очень похоже на имя Бога-демона Аньхоя.

Парень не сводил взгляда с меня, и мне показалось, он не то, чтобы видит меня насквозь, хотя и это тоже, он словно оценивает. Впервые в жизни я почувствовал себя букашкой, над которой стоит кто-то огромный с большой ладонью и решает прихлопнуть ее, или позволить ползти дальше.

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

Новость о смерти Карлоса облетела здание на следующий день, вполне естественно затмив собой волнения о поиске «крысы». Что Карлос и был этим самым шпионом вслух не говорилось, но как-то само собой подразумевалось. Как и мало кто сомневался в причастности к тому, что случилось с Карлосом, начальника службы безопасности Чжоу Канга. Вэньяну это было только на руку, пусть Канг побегает в полицию. Рыжий правда вполне мог догадаться об истинном положении вещей, но смерть Карлоса, Вэньян надеялся, достаточно напугала его.

Ближе к концу рабочего дня, его набрал худой.

— Нужно встретиться, после работы на нашем месте, — и отключился, не дожидаясь согласия Вэньяна. Этот худой начинал раздражать.

Вэньян набрал Мей.

— Сегодня я тоже задержусь.

— Хорошо, — ни вопросов «почему», ни упреков.

Женщина должна знать свое место!

— Слыхал, на должность Карлоса сказали возьмут кого-то из отдела, — к нему подсел Лао. — Вроде бы даже устроят голосование. Ты, если что, за кого будешь?

Как же это все мелко, эта возня с надеждой вылезти из ног здания, эти цвета рубашек, показной энтузиазм и не менее показное братание.

— За себя!

От такого заявления глаза Лао округлились.

— За себя ж нельзя!

— Тогда вообще не буду! У тебя все?

— Ну, э-э, да.

— Мне работать нужно!

* * *

Это был один из самых грязных районов Варосса. Бетонное здание с остатками былого шика, на серой стене выступали барельефом два лица, вполне человеческие, у одного бетонной тканью были завязаны глаза, у второго отсутствовала нижняя часть лица, отбитая временем. Двери тоже не производили впечатления. На всякий, я подергал — заперто.

Набрал тут же номер Тахла, он не ответил, но дверь

открылась, я вошел.

Еще во время моей работы на триаду, по поручению босса приходилось несколько раз обращаться к Тахлу, у нас даже установились отношения весьма похожие на дружеские. Тахл был хакер, не то, чтобы топовый, но не из последних. Узнав имя посредника нападения на дом родителей, я сразу набрал Тахла. Скрываться не стал, во-первых, с незнакомыми он не встречался, во-вторых, дружба-дружбой, но Тахл был мне должен.

С тихим щелчком дверь позади меня стала на место, она, как и стены здания, как и крыша, изнутри была бронирована металокерамическим сплавом. Из пушки, конечно, такую штуку прошибить можно, но понадобится много пушек и долго стрелять.

По едва освещенному коридору прошел до следующей двери. Покрутился перед ней. Здесь Тахл идентифицировал гостей перед тем, как окончательно пустить их внутрь. Перед глазами возникло лицо Тахла — он взломал меня, пока я шел по коридору. Да, хакеры — самые страшные люди нашего времени.

— Неплохо над тобой поработали, правда ты переплатил, обратился бы ко мне, устроил в полтора раза дешевле.

— Ты будешь открывать, или нет?

Дверь открылась.

За десять лет Росси изменил своему вкусу, теперь его приемная, это респектабельный кабинет с дорогими дубовыми панелями, ковром, в котором утопаешь едва ли не по щиколотку и видом из пентхауса на мегаполис. Я присмотрелся, надеясь заметить знакомые очертания — нет, не узнать.

— Мистер, э-э… — сам Росси выглядит, как восьмирукое существо с синей кожей, голый по пояс он сидит в позе лотоса в центре ковра. Письменного стола нет, впрочем, он вирте и не нужен. Интересно, какой Росси на самом деле? Ничего, узнаю.

— Мистер Икс, — называюсь я, сам выгляжу, как модель: высокий, с широкой грудью голубоглазый блондин. Пусть пока воспринимает меня, как типа с кучей комплексов.

— Мистер Икс, — кивает синекожий и чешет одной из рук под мышкой. Ничего удивительно, здесь у всех клички, Росси ведь тоже далеко не так зовут. — Итак, чем могу помочь, мистер Икс?

В играх, фильмах, книгах компьютерных гениев изображают, как неопрятных субъектов, которые «забили» на внешность, всецело посвящая себя вирту. Надо сказать — они правы, глядя на Тахла, так точно.

Он был худ, неимоверно, с длинными волосами, забывшими такие достижения цивилизации, как шампунь и расческа. Какие-то лохмотья на грязном теле некогда носили гордое имя «одежда», и это «некогда» было достаточно давно.

— Присаживайся, я сейчас.

Я осмотрелся в поисках чего-нибудь, что можно было бы хоть как-то приспособить для сидения. Как и в последний раз, как и во все предыдущие разы, ничего подходящего не нашлось. Не садиться же в самом деле на портативную атомную печку.

Тахл висел посередине комнаты в неком подобии кокона. По трубкам, прямо в вену, подавался питательный раствор, по другим трубкам отводились продукты жизнедеятельности, к тому же периодически кокон сокращался — во избежание атрофии массажировались мышцы.

— Сколько ты уже не выходил?

Взгляд у Тахла был словно стеклянный, значит, сейчас он в вирте, впрочем, должен меня слышать.

— Чего я там забыл?

— Женщину хотя бы, или ты по мальчикам?

— Я могу выбрать любую из тысяч женщин, и быть с ней, мозг даже не заметит разницы. Или самому стать одной из них.

— Но ты-то будешь знать правду, что все это не по-настоящему.

— С чего ты решил, что все то, что сообщают тебе твои чувства, как-то: зрение, слух и осязание, есть настоящий мир. Может, ты тоже сидишь в таком же коконе, разница между мной и тобой только в том, что я знаю, где я, а ты нет, — взгляд его наконец-то приобрел осмысленность, Тахл вышел из вирта, впрочем, на сто процентов он из него никогда не уходил. — Зачем пожаловал?

— За тобой должок, — напомнил я.

— Знаю, зачем пожаловал?

— Есть один тип, посредник, принимает только в вирте, мне нужен его реальный адрес, сможешь?

Я только подумал о Росси, а Тахл уже копался в моем мозгу, словно в собственном шкафу.

— Посмотрим, так IP, уровень, подсистема, нет.

— Что нет? — не понял я.

— Не смогу, во всяком случае с теми данными, что имеешь. Там многоуровневое шифрование, через ложные адреса, словом, ты не поймешь, но нет.

Вот те раз, а я так рассчитывал… что же теперь делать?

И, конечно, мои чувства были для Тахла открытой книгой.

— Не кисни, есть выход, нужно, чтобы кто-то проник к нему внутрь, в систему. Изнутри, думаю, я смогу вычислить, да, почти наверняка.

— Осталось проникнуть.

— Чего проще, запишись к нему на прием.

— Я бы хотел нанять людей для одного, как бы это… весьма щекотливого дела, позади меня материализуется кресло, и я опускаюсь в него.

— Насколько щекотливого? — то ли я уменьшился, то ли Росси увеличился, но наши глаза оказываются на одном уровне. Неужели на кого-то эти психологические штучки еще действуют?

— Нужно немного преступить закон, — это вирт, здесь можно говорить свободно, никто нас не подслушает, во всяком случае, в теории, как и никто не сможет ничего предъявить — две аватары обсуждают свои аватарские дела.

— На! — сбоку от меня что-то зашуршало, агрегат непонятного назначения, который я считал стоял здесь для мебели и из пристрастия хозяина к беспорядку, внезапно ожил, в металлический лоток упал стеклянный шприц. Похож на тот, которым первый раз нанитировали меня, только грязный. — Вколи себе.

Я с подозрением осмотрел иглу с пятнами ржавчины.

— Что это?

— Шприц.

— Сам вижу, что в нем?

— Мои малышки, через час они встроятся в твое подсознание, так что, когда ты будешь в вирте, они окажутся там с тобой.

— А это… не опасно? — и сам шприц был в чем-то вязком и буром, похожим на грязь.

— Убивают не грязь, а микробы, — словно прочитав мои мысли, сказал Тахл, — то, что держишь в руках — стерильно, впрочем, поторопись, он уже обсеменяется всякой гадостью.

Я поспешно, пока не передумал, всадил иглу в бедро, нажал на поршень. Было больно, так что пришлось даже слегка притушить нервные импульсы.

— А нельзя было, чтобы твои малышки попали в мой организм каким-нибудь иным способом, скажем, с таблеткой.

— Можно, но шприцом веселее.

— Красное пятно появилось перед глазами, это нормально? — спросил я обеспокоенно.

— Значит, действует, сейчас оно оформится в точку. Будешь у своего маклера, следи за ней, как только она станет зеленой — дело сделано.

Росси двигается, он опускает нижние руки на колени, верхние поднимает, словно собирается сдаться, остальные сгибает между.

— Преступить закон слишком размытое понятие, нельзя ли конкретнее?

— Если совсем конкретно, мне нужно, чтобы ваши люди

пробрались в дом и убили членов одной семьи: муж, жена, двое детей.

Руки Росси снова перемещаются, средняя пара соединяется ладонями в молитвенном жесте перед грудью.

— Дети маленькие?

— Это так важно?

— Если вы желаете их гибели, да. Для такого дела требуются исполнители определенного, э-э-э, рода. Далеко не каждый способен умертвить ребенка.

— Тринадцать и семнадцать.

Он кивает.

— Охрана?

— Сигнализация, собаки, дроны и два десятка телохранителей, — точка перед моими глазами, с которой я не сводил взгляда в продолжении всего разговора, внезапно зеленеет. Есть! Я не сдерживаюсь и добавляю, — если не ошибаюсь, вы уже брали подобный заказ около десяти лет назад?

Росси недвижим, жаль что по лицам аватар нельзя читать мысли.

— Кто ты?

Теперь мне скрывать нечего.

— Ребенок, тот, которому тринадцать.

В следующий момент у меня перед глазами все гаснет — Росси отключился.

* * *

худой с охранниками ждал его

Худой с охранниками ждал его, где договаривались, и даже уселся на лавочку.

Вэньян стал перед ним, расставив ноги.

— Чего звали?

— Те документы, что ты принес последний раз, они не стоят памяти, которую занимают.

Он, конечно же врал, Вэньян так ясно видел это, словно научился читать людей, как открытую книгу.

— Так что, с учетом «жучка» и уже заплаченного, ты нам теперь должен…

Договорить худой не успел, вернее ему не дал Вэньян. Без замаха, но резко, Вэньян ударил его кулаком в середину лица. Под костяшками пальцев хрустнула переносица.

Первым сориентировался охранник, что стоял справа, он кинулся на Вэньяна, но тот был готов к этому, ребро ладони встретилось с кадыком охранника, в последний момент Вэньян однако сдержал удар, чтобы не убить. Охранник начал заваливаться, хрипя; Вэньян обхватил его, одновременно засовывая руку за полу плаща. Как и ожидал, нащупал ребристую рукоятку игломета, выхватив, снял оружие с предохранителя и сунул под нос второму охраннику. Все заняло не более нескольких секунд. Конечно, ожидай они нападения, исход схватки был бы иным.

Худой, согнувшись, умывался кровавыми соплями.

— Ты… убью… да ты знаешь на кого ты!..

Вэньян не долго думая добавил тому рукояткой оружия, к чести худого, тот замолчал.

— Давай свой сюда, — Вэньян дулом указал на оттопыренный край одежды охранника. — Двумя пальцами и аккуратно.

Тот в точности выполнил, что ему сказали.

— На кого работаете? — второй игломет Вэньян засунул себе за пояс.

— На Рябого Ду, — спокойно ответил охранник.

— Что ж, веди к боссу.

Охранник кивнул на напарника и худого.

— А они?

— Берем с собой.

* * *

Живые дома, не то чтобы экзотика, но вещь не особо распространенная. И только здесь, в Равеноре из этих домов состоял целый город, ну как город — поселок.

Я шел по улице, хотя и улицей-то назвать это было сложно — виляющая вытоптанная тропинка. Каких только «строений» здесь не понафантазировали. Дома в форме дерева, гриба, дома-шары и дома-кубы, вдалеке виднелась даже одна пирамида, множество башен разной величины и пузатости с неизменно роскошной кроной наверху. Целые дворцы и скромные дома-арки, дома в форме цветов. Конечно, растительные мотивы преобладали, ибо все, что меня окружало, было не построено, но выращено, как растят дерево. С современными технологиями, ты мог заказать себе семя практически любого дома, посадить его, поливать, наблюдая, как росток превращается в жилище твоей мечты. Благо, на это не требовалось много времени, что-то около года. Но и когда дом вырос, за ним тоже нужно было ухаживать, удобрять почву, бороться с вредителями. Помешанные на единении человека с природой охотно шли на это. Нечего и говорить, что в Равеноре было минимум всяческой электроники и прочих технологий сложнее велосипеда. Хотя, за городом я рассмотрел приличный флайеропарк.

Для моих целей, как нельзя лучше.

Нужное мне жилище стояло на Цветочной — кто бы сомневался — улице и было в форме яблока. Обычного, с красным боком, разрезанного на дольки, две из которых лежали рядом, как я понял — какие-то хозяйственные постройки. На желтоватой «мякоти» несколько окон и балкончик.

Я не стал стучать и даже искать дверь. Прямо по мякоти, которая и на ощупь была точь-в-точь яблоко и даже пахла яблоком, я с трудом удержался, чтобы не лизнуть, взобрался к ближайшему открытому окну. По счастью, силового поля не было, хотя и оно не остановило бы меня, перевалился через край, ввалился внутрь.

Это оказалась спальня — огромная кровать под балдахином, ковер с ворсом — а вот это уже знакомо, второй знакомец — статуэтка, изображающая восьмирукое синекожее существо стоит на комоде.

Осторожно ступаю, ковер глушит шаги. Активирую тепловое зрение. Боги-Демоны! Дом-то и правда живой, пестрота красок едва не слепит, приглушиваю спектр, самое яркое световое пятно в соседней комнате, иду туда.

Он сидит в высоком кресле-качалке, спиной ко мне у камина, последний конечно голограмма, иначе бы на его фоне я ни за что не рассмотрел бы человека.

Подхожу, становлюсь перед ним.

В кресле сидит и вяжет, кажется носок, сухонькая старушка, она поднимает на меня глаза и вздрагивает.

— Вы?.. вы кто?.. как вы здесь?..

Неужели ошибся? Тахл? Я? Или хозяина просто нет дома?

— Росси? — спрашиваю я.

— Простите, кто?

Тот, кто проводит много времени в вирте, расслабляется, забывает контролировать реальные эмоции. За мгновение до того, как она спросила, я видел, как дернулось лицо.

Я попал, куда надо!

Старушка привязана к креслу, тому самому — качалке, а чего, использую, подручные материалы.

— Что вам нужно? Если деньги, сейф здесь, за камином, я скажу код.

— Не сомневаюсь, Росси, ты скажешь, сейчас ты мне все расскажешь.

— Вы ошиблись, я не знаю никакого Росси!

Иду в спальню, приношу статуэтку синекожего.

— Зато мы знаем.

Наниты правды вводить не стал, наверняка, у нее от них защита, да и боль применять смысла нет, ее тоже можно блокировать. Остаются старые, добрые угрозы.

— Если еще раз скажешь, что ты не Росси, я тебя убью, если на мои вопросы будешь юлить или отпираться, тоже. Мне нужна информация, только информация, но не настолько, чтобы удержаться от убийства. Ты ничего не теряешь, просто назовешь мне имя заказчика, и все, я уйду, даже денег твоих не трону.

Упоминание о деньгах слегка успокоило ее. Есть люди, которые все меряют ими.

— Мы поняли друг друга?

— Старушка кивнула.

— Итак, возвращаемся к разговору в вирте, десять лет назад ты наняла людей проникнуть в дом Тана Ливея, каково было задание?

— Вы знаете, десять лет немалый срок, всего не…

Я позволил лезвию показаться из руки, всего на половину.

— Проникнуть в дом, забрать кое-какие бумаги и уничтожить всю семью, — поспешно выпалила она.

— Какие бумаги?

— Не знаю.

Лезвие высунулось еще на чуть-чуть.

— Правда не знаю! Мы просто забрали все, что лежало в сейфе, письменном столе и отдали заказчику. Чем меньше

знаешь, тем лучше.

— Хорошо, разберемся, а вот теперь главный вопрос и, надеюсь, понимаешь, от ответа зависит твоя жизнь, — внутренне я напрягся. — Кто заказчик?

Старушка опустила глаза, пожевала губами.

— Не знаю, — произнесла чуть слышно.

— Что?!

— Заказчики редко открываются. Мы каждый раз встречались в вирте, он выглядел, как нопэрапон, то есть человек без лица, вообще без лица, туловище, а на голове — шар.

Она была напугана, я считывал ее показания, и, похоже, говорила правду, хотя бы потому, что вполне логично заказчику, для сохранения своего инкогнито, встречаться в вирте.

— Что-нибудь еще, какие-то особенности поведения, речи, обороты, непонятные слова?

— Нет.

— Когда это было, встреча одна, или несколько?

— Раз, за месяц до нападения, — на секунду она запнулась, а потом сказала мне число, год и время дня.

Отчаяние начало охватывать меня, как тогда, в комнате умершего дикобраза. Собственно, на что я надеялся, что Росси мне тут же выдаст имя и адрес.

— Документы, которые взяли наемники, они же вполне реальны, как ты передала их?

— Камера хранения, обычная, на вокзале, оставила там. Не я, конечно, ребята оставили.

— Вокзал, номер ячейки, время?

— Она сказала и это.

Ну, хоть что-то.

Я понимал, она сказала все, что знала, здесь мне больше «ловить» нечего.

Понимала это и она.

— У меня дети, внуки… — произнесла жалобно.

А я вспомнил отца, мать, Марико, слова сестры, ее взгляд в последний момент.

Я сделал шаг, приблизил острие к левой стороне груди, там, где — я видел на теплограмме — билось сердце, и позволил лезвию выйти на всю длину.

Я видел, как холодный клинок вошел в горячий сгусток, и как он перестал пульсировать, кровь залила легкие.

Это было первое убийство, первая месть за родителей. Я думал испытаю наслаждение, или станет легче, хоть что-то, чем-то оно будет отличаться от других убийств, совершенных мной до этого! Нет. Все так же. Возможно, будет иначе, когда доберусь до

заказчика.

* * *

пока летели, Вэньян думал, как же дошел до этого

Пока летели, Вэньян думал, как же дошел до этого.

Если бы месяц назад ему сказали, что он — Вон Вэньян ударит человека, справится с двумя телохранителями и будет настаивать на встрече с главарем местной мафии, он, не то, чтобы не поверил… как можно поверить в то, чего просто не может быть, например, что солнце упадет на землю, что горы начнут летать, а рыбы разговаривать.

Как, после чего, когда он стал таким? Что-то изменилось внутри, словно поселился другой человек и человек этот временами брал контроль над Вэньяном. Но кто этот незнакомец? Ювэй, жизнь которого проходит перед глазами, стоит потерять контроль. Да, Ювэй вполне возможно поступил бы именно так. Но в том-то и дело, что он не Ювэй, он помнил себя, как Вэньяна, наряду с прошлым Ювэя помнил и свое. Циньгуан — Бог-демон судьбы играет злые шутки.

Когда же это началось? Когда пришли видения из жизни Ювэя. Кажется, тогда он откуда-то возвращался…

* * *

Я снова у Тахла, перекинул ему данные о камере хранения и жду результата.

Вот странно — хозяйка живого дома предпочитает вести дела в вирте, а хакер, для которого вирт — дом родной, встречается с клиентами лицом к лицу. Хотя, может все это ненастоящее, я слышал, уже есть такие технологии, которые могут перенести тебя в виртуальность, а ты даже не заметишь. Может, когда я, да кто угодно переступает порог комнаты, он и переносится, с Тахла станется.

Подхожу, тычу пальцем в Тахла, проверяя на подлинность.

— Ты чего? — на мгновение его глаза приобретают осмысленное выражение.

— Так, ничего, просто подумалось…

— Вот и думай, а меня нечего отвлекать, я между прочим, для тебя работаю! — взгляд снова уходит в себя — он в вирте.

— Откуда такое имя — Тахл? — долго молчать я не мог, со мной всегда так, когда волнуюсь.

— От мамы с папой.

Надо же, а я думал — кличка.

— И что оно означает?

— По семейным преданиям, так звали одного предка, слушай, заткнись, а!

Я заткнулся.

Наконец, Тахл «выныривает».

— Ну, задал ты мне, все-таки десять лет прошло, как-никак.

— Не томи, получилось?

— Обижаешь, — он перекидывает мне видео, жадно открываю.

Вижу длинный ряд стандартных камер хранения, и сейчас стоят на вокзалах точно такие же, хоть в чем-то стабильность.

К одной, с нужным мне номером подходит человек, открывает. До рези в глазах вглядываюсь в лицо, хотя его и изменить можно. Обычная внешность: среднего роста, среднего возраста, полноватый, лысоватый, с бородой. Краем глаза замечаю, большинство прохаживающихся также бородаты. Мода такая была, что ли? А я и не помню.

Вытягивает пакет, засовывает под мышку и уходит.

— Это… это все?

— А чего тебе еще, фамилию и адрес.

— Неплохо бы.

— Владислав Ружицкий, Храмовая двенадцать, квартира шестьдесят два, впрочем, вряд ли поможет. Спустя два дня его труп всплыл на дамбе. Официальная причина смерти: напился, упал, утонул.

И здесь ничего!

Но должно же быть хоть что-то!

— Я тебе перекинул время встречи с Росси, сможешь узнать, откуда входил в вирт клиент?

— Уже говорил, сложная система шифрования, в случае с тобой, я был внутри, а здесь, десять лет назад, нет.

— А есть такие, что смогут, за деньги, очень большие деньги.

— Государственная служба внутренней разведки.

— Чего?

— Все входы, запросы и IP адреса отслеживаются внутренниками, но, предвосхищая твой вопрос, здесь я тебе не помощник. Деньги, конечно, могут заставить людей нарушить пару инструкций, особенно большие деньги, да только проблема отыскать этих людей, выйти на них и, чтобы они с тобой разговаривали, а, после всего, не сдали своим же.

— Может обратиться к Рябому Ду?

— Если бы дело касалось копов, то да, а перед ГСВР триады

стараются поменьше отсвечивать, внутренникам закон не писан.

— Но хоть какой-то выход, хоть на кого у тебя есть? — что-то в последнее время я слишком часто впадаю в отчаяние.

— Знаешь, как называют членов больших Семей?

— Как? — конечно я понимал, что он давно откопал, почему меня так интересует это дело.

— Неприкасаемые.

— И?

— Обратись к кому-нибудь из родственников.

* * *

дом, милый дом

Дом, милый дом. Я не переступал его порога с того самого, памятного дня.

Конечно, следов трагедии не осталось, и все эти годы слуги поддерживали особняк в идеальном состоянии, Вустер постарался.

Я вошел, и опять индикаторы, словно сошли с ума: давление, адреналин, сердцебиение. У порога двое слуг, судя по идеальным лицам — искусственные киборги. Вообще-то они бесполые, если это не модель для сексуальных утех, однако внешности, особенно киборгам-слугам часто придают гендерные черты.

Вот и эти — «женщина» средних лет и импозантный «мужчина», чем-то похож на Диживса, и снова пестрота индикаторов.

— Добро пожаловать домой, мистер Тан.

Киваю в ответ, по лестнице поднимаюсь на второй этаж в кабинет отца, теперь получается — мой кабинет. Сажусь за стол, открываю ящики — пусто. Десять лет назад постарались грабители, или слуги все убрали к приезду нового господина.

Подхожу к портрету основателя рода Тана Дуна, за ним прячется стенной сейф. Отодвигаю портрет, вижу открытую дверцу, придумывай новый код и закрывай — все для нового хозяина.

Возвращаюсь к столу, вывожу терминал связи, набираю самый первый и самый важный номер — Тана Канга, сделай я это из любого другого места, меня просто не свяжут.

— Слушаю, мистер Ювэй, — молодой голос, наверняка секретарь, изображение так и не появилось, но они меня видели, как и понимали, кто звонит.

— Я бы хотел встретиться с мистером Таном, с Кангом Таном, — уточняю.

— Одну минуту.

Прошло чуть больше минуты.

— Мистер Тан может вас принять через два дня в шестнадцать часов, вас устраивает?

Вопрос, конечно, риторический, главное, чтобы дедушку Тана устраивало.

— Конечно.

— Что-то еще?

— Нет.

— Всего доброго, — связь прервалась.

* * *

Штаб-квартира семьи Тан.

Сто лет назад, после Войны Корпораций всего пять Семей смогли остаться «на плаву», удержав в своих руках девяносто процентов мировой экономики, и одна из них — Таны, моя семья.

По негласному рейтингу, в пятерке Таны пребывали на пятом месте, хотя в последнее время, они, то есть мы, вроде бы, подвинули Волдербергов и поднялись до вожделенного четвертого. Если так пойдет дальше, еще каких-нибудь лет десять — двадцать, и до третьего рукой подать. Большинству населения земли не понять проблем богатых.

Начиналось здание глубоко под землей, а заканчивалось под облаками — скоро пол века, как оно носило звание самого высокого в мире. И, насколько я знал, представляло прекрасный повод для шуток членам остальных Семей. Мол, компенсируем рейтинг.

Внизу меня обыскали, потом перед лифтом, потом в коридоре и, наконец, последний раз просканировали в приемной.

По легенде, Тан Канг восседал на вершине башни, чуть ли не в шпиле. На самом деле, в лифте сработали компенсаторы, так что невозможно было понять, куда мы движемся. С одинаковой вероятностью я мог находиться и под землей, и вообще на другом конце города.

Сине-золотая дверь — родовые цвета — открылась, я вошел в кабинет.

Я уже был здесь, однажды, отец приводил показать молодого наследника. Тот визит я помнил плохо, так что не мог сказать, изменилось ли что-то за полтора десятка лет.

За столом, старинным, деревянным, кажется, одна из семейных реликвий, восседал… я ожидал увидеть старика Канга, вместо него, откинувшись в кресле, сидел симпатичный юноша, почти мой ровесник, юноша скрестил пальцы под подбородком и внимательно рассматривал меня.

— Ты вырос с нашей последней встречи, — наконец, произнес он.

А я понял, кто передо мной. Низко поклонился.

— Мистер Канг.

Он ответил знакомым мне, едва заметным кивком.

— Вы тоже изменились, — не смог сдержаться я, — гадая, как он добился этого — результат омолаживающих манипуляций и наноразработок — я слышал, что-то подобное нащупали в последнее время, или просто — косметическое изменение внешности. А может, и генетические изменения, хотя, после

правления гигантов, они под запретом.

— Почему раньше не приходил? — и голос молодой, точно — генетика, Танам закон не писан.

— Дела.

— Сейчас, значит, дела закончились?

— Мне нужна ваша помощь.

Канг кивнул, он не сомневался, ни за чем иным к сильным мира сего не приходят.

— Ты член семьи, все, что смогу.

— Я знаю, у нас есть контакты с внутренниками, мне нужен кто-то, достаточно высокопоставленный, чтобы имел доступ к информации десятилетней давности, и который станет сотрудничать. Оплатить я готов.

Тан снова кивнул, он конечно же понял, зачем мне такой человек.

— Не думай, что мы не искали убийц твоих родителей, очень сильно искали, но даже мы… — он развел руки, словно показывая беспомощность.

— Вы поможете?

— Да, конечно, как уже сказал, ты — наша семья, и они были — наша семья. Почему ты думаешь, у тебя получится?

— У меня есть свои зацепки.

— Что же, ищи, — Тан мазнул в воздухе пальцем, — обратишься к одному из секретарей, к любому, я уже распорядился.

— Благодарю, — я поклонился, собираясь уходить.

— Ювэй!

— Да, мистер Канг.

— Как все закончится, возвращайся, мы будем ждать тебя.

— Непременно, мистер Канг.

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

К Рябому Ду Вэньяна конечно не допустили.

Охранник привез его к, так называемому, офису, где Вэньян сдал пострадавших, а также отдал оружие.

— Пока мы ехали, ты связался с боссом? — спросил он уцелевшего охранника.

— С помощником.

— Описал ситуацию?

— Да.

— И что он?

— Готов выслушать тебя.

— Сейчас?

Вместо ответа, охранник протянул ему шлем вирта.

* * *

Меня разбудил собственный измененный организм. К привычному набору параметров перед глазами добавилось несколько новых, которые сигнализировали, что спальня стремительно заполняется газом, и этот газ был ядовит, смертельно. С каждым вдохом наниты трудились нейтрализуя его.

Я снизил жизненные показатели до минимума, если кто-то следил за мной, он бы увидел, как моя аура тухнет, в большинстве случаев, это означало смерть.

Прошло пол часа, поступление газа прекратилось, я не шевелился. Прошло еще пол часа, наконец, дверь спальни открылась, кто-то вошел.

Осторожные шаги приблизились, чужое дыхание согрело щеку.

Я открыл глаза, и тут же нанес удар в кадык, с точно рассчитанной силой, убивать нападавшего я не хотел, вторая рука отвела кисть с занесенным виброножом. Я поднялся, заломил руку, вырвал нож, еще добавил в солнечное сплетение, несостоявшийся убийца хрипел на полу.

Интересно, где слуги, и парень пришел один, или с сообщником?

Быстро связав ночного визитера, я взял игломет — память о работе на Рябого, не тратя времени на одевание, вышел в коридор.

Слуг я нашел на первом этаже, у обоих было перерезаны шейные кабеля, что вели от источника питания к мозгу. Я так и не успел привыкнуть к ним.

Больше в доме никого не было.

Снова поднялся в спальню. Парень уже пришел в себя, я поднял его, положил на кровать. Сходил в кабинет, принес свой маленький набор для дознания.

Для начала решил попробовать, так называемую, «сыворотку правды», антисывороточные наниты достаточно дороги, если киллер не из элитных, могло и получиться. Ввел парню, если подействует, через десять минут он все расскажет, захлебываясь собственным красноречием.

Парень задергался, ртом пошла пена, я кинулся к нему, но было уже поздно — он умер. М-да, некоторые наниматели требовали от киллеров, чтобы, идя на задание, они ставили блокаду против дознавания, чтобы даже мельчайший след не мог привести к заказчику. И киллера ставили, что поделаешь — профессиональный риск.

Я опустился на пол, итак, что мы имеем? А имеем три трупа у себя в доме. Кто прислал убийцу? Рябой Ду, но зачем, да и как он узнал, что я, это я и я здесь? Таинственный наниматель, заплативший десять лет назад за убийство моих родителей? Тоже зачем? Узнал, что я иду по следу.

Перед глазами заморгал сигнал входящего звонка, мысленно дал команду принять.

— Мистер Ювэй? — изображение не появилось.

— Слушаю, — на запрос имени и номера звонящего — ожидаемо ничего.

— Нам нужно встретиться, мистер Ювэй, возможно вам угрожает опасность.

Я не сдержался.

— Да что вы говорите!

* * *

— Ничего себе обстановочка, — Вэньян огляделся. Стоял он посреди какого-то заброшенного здания, очень похожего на старый храм Атомных Богов, как их любят изображать в фильмах. Высокий сводчатый потолок, потрескавшиеся стены, куски бетона и штукатурки на полу и заваленная статуя Атомного Бога перед ним, кажется, это был Уран.

— Знаете, мистер Вон, атомная религия в своем роде уникальная вещь.

— Почему?

Возле статуи, в кожаном офисном кресле с откидной спинкой сидел, нога на ногу, мужчина средних лет. На мужчине был отличный костюм, красивое лицо и черные волосы с проседью. Большой выпуклый лоб слегка портил почти идеальную внешность.

— За века Атомные Боги давно должны были, да что там, просто обязаны узурпировать власть. Вместо же этого, что мы имеем: Богов-демонов, шатания в умах и повсеместное упоминание их всуе.

— Возможно, боги выше этого.

Мужчина пожал плечами.

— Одна из теорий гласит, они настолько высоко, что дела смертных им кажутся незначительными, не стоящими даже малейших усилий. Вторая теория утверждает, что наш мир постоянно находится под угрозой уничтожения, и все силы и время Атомных уходят на спасение его и нас — недостойных.

— Уничтожения от кого, или от чего?

Мужчина поднялся, кресло исчезло.

— Здесь количество теорий переваливает за сотню. Итак, мистер Вон, вы нанесли некоторые повреждения нашим людям, что называется, при исполнении, вы должны нам денег и вы имеете наглость просить об аудиенции у мистера Ду. Я ничего не упустил?

— Нет.

— Надеюсь понимаете, мистер Вон, организации, подобные нашей, помимо экономической составляющей зиждутся, так сказать, на силе, на страхе, который вызывает эта сила, а также на принципе наказанности, то есть любой проступок, совершенный в отношении нас и расцененный, как неуважительный, подлежит наказанию. Поступки, совершенные вами, мистер Вон, можно трактовать, как неуважительные.

— Человек, которому я сломал нос — идиот, мало того — опасный идиот, ибо выполняет работу для которой не предназначен. Не знаю, может он чей-либо протеже, или родственник.

Мужчина поднял бровь.

— Поясните, мистер Вон.

— Ну например, последнее время он шантажировал меня — мелкую сошку, вместо того, чтобы, используя мою вхожесть в компанию, заполучить, так сказать, рыбу покрупнее, ну и тем самым принести большую пользу и прибыль семье. Я так понимаю, вы заинтересованы в прибыли?

Мужчина усмехнулся.

— А вам не занимать самообладания.

— Я готов выполнять работу парня, которому сломал нос, во-первых, без охраны, что какая-никакая, а экономия, а во-вторых, более эффективно. Уже сейчас я могу предложить вам желторубашечника в «Доминант. нано. груп.», если понимаете, о чем я говорю, — собеседник молчал, что было, наверное, хорошим знаком. — Не прошу верить на слово, дайте испытательный срок, тестовое, так сказать, задание и, если я пройду его, я хочу должность худого в вашей организации.

— Должность кого?

— Ну, худого, того, кому я нос сломал.

Человек подумал.

— У вас неделя.

* * *

это был человек

Это был человек, внешне ничем не примечательный, хотя это вполне могла быть и не его внешность. Разве что немного подволакивал ногу при ходьбе. Ни о каком физическом недостатке с современной медициной речи быть не могло, значит — имплант. Интересно, что там у него? Нога — прыгалка, пулемет?

— Пройдемся, мистер Ювэй.

Я расширил восприятие — в десяти метрах надо мной кружило штук пять дронов.

— Ваши? — я указал глазами наверх.

— Безопасность не бывает чрезмерной, к тому же сейчас нас не подслушают, как и не увидят.

А еще, в случае чего, дронам можно дать команду, и мистера Ювэя не станет. Ничего, у меня тоже припасено пару фокусов.

Мы шли по парковой аллее, в части, свободной от утренних бегунов и любителей собак.

— Вы говорили об опасности? — видимо, в моем голосе таки проступили нотки иронии, и собеседник их уловил.

— Десять лет назад, мистер Ювэй, я расследовал убийство ваших близких.

— Что-о-о! — я даже остановился, вот уж неожиданность.

— Тогда все были потрясены, и Семья поручила мне это дело.

— Вы тоже Тан? — догадался я. — Выходит, мы родственники.

— Дальние, — не стал скрываться он. — Но не об этом сейчас. Десять лет назад, влияние вашего отца в Семье начало существенно расти. Как вы знаете, бизнес-империя Танов поделена между более мелкими семьями, в принципе, в любой большой пятерке так, и каждая вносит вклад в дело общего процветания. Ваш отец, помимо прочего, курировал цветные металлы, а именно медь и алюминий. До недавнего времени, того недавнего времени, это не то, чтобы не приносило особого дохода, но длительное время на рынке наблюдалась некоторая стабильность, без существенных скачков в ту, или иную сторону.

Я слушал, не перебивая.

— Однако, десять лет назад кое что изменилось. Алунитные месторождения Семьи Боржи оказались истощены, в результате произошло перераспределение рынка, и семьи, те семьи внутри большой Семьи, что отвечали за данную область, начали приносить существенно больший доход в общий, так сказать,

котел. Как вы знаете, а, если не знаете, то скажу, влияние внутри Семьи напрямую зависит от дохода, который приносит тот, или иной член. Например, сегодняшний глава Танов, мистер Канг сосредоточил в своих руках около трети самых прибыльных отраслей, как результат — он глава уже более полувека.

— Моего отца убили конкуренты?

— Не совсем, мистер Ювэй, не совсем, хотя можно выразиться и так. Дело в том, если бы тенденция сохранилась, со временем, а, если верить нашим, гм, осведомителям, бокситные руды семьи Лян также на грани истощения, так вот, со временем, влияние вашего отца в Семье могло бы существенно вырасти, настолько существенно, что, скажем, через десять лет, то есть — сейчас, он смог бы вполне претендовать на место главы. Естественно при поддержке некоторых друзей.

Увидев лавочку, я направился к ней, присел.

— Вы хотите сказать, моего отца, мою мать и сестру…

— Я хочу сказать, что приказ уничтожить ваших близких исходил от теперешнего главы, мистера Канга.

Вот так просто — появляется кто-то сродни волшебнику на голубом флайере, и преподносит имя убийцы родителей на блюдечке с каемочкой под цвет летательного аппарата. Слишком просто.

Хотя, одна часть меня ликовала, я слишком долго искал его, и — вот он, главный виновник! А вот вторая… вторая сомневалась, мне вполне могли впихивать ладно скроенную сказочку.

— И все это вы поняли только сейчас? — выражение моего лица не изменилось, даже давление почти не скакнуло, если считывают мои параметры, пусть видят.

— Все это я понял еще десять лет назад, однако, благоразумно не стал выносить на общее обозрение свои выводы. Формально мистер Канг ничего не выиграл, ну почти ничего. Империя вашего отца была поделена между остальными членами Семьи, да, алюминиевый бизнес отошел старшему сыну мистера Канга, но в этом не было ничего необычного, любой отец будет стараться для своего сына. Однако, мистер Канг выиграл нечто большее, чем деньги, а именно — спокойствие, уверенность в завтрашнем году, и на много лет вперед.

— Почему вы это все мне рассказываете?

Он присел рядом, ногу, которую подволакивал, не согнул, но вытянул, точно — пулемет.

— Я представляю группу, э-э, родственников, которые несколько озабочены слишком долгим руководством мистера Тана Канга, а в свете последних событий, его, так сказать,

омоложения, проблема приобретает затяжной характер.

— Вы хотите, чтобы я его убил? — спросил я напрямую, хотя и так было ясно.

— А вы разве не хотите отомстить за родителей и сестру, за изувеченное детство? Если не ошибаюсь, именно за этим вы и приходили к мистеру Кангу. Что ж, ваше расследование закончено, теперь вы знаете имя виновника.

Если подумать, история имела некоторый смысл, хотя бы потому, что в первую же ночь, после встречи с Кангом, меня пытались убить, и убили бы, не потраться я на усовершенствования.

— Почему ваша группа родственников сама не уберет Канга?

Он помассировал ногу, может и правда — болезнь.

— Ну, во-первых, это не так просто…

— А мне, значит, раз плюнуть.

— Убийство главы Семьи, одного из пяти самых могущественных людей планеты, это, как бы… такое не может остаться безнаказанным, иначе Семья потеряет лицо. Обвинить кого-то внутри Семьи весьма чревато, люди, которых, как уже говорил, я представляю, легко могут попасть под удар, у них, знаете ли, также достает недоброжелателей. Обвинить кого-то из другой Семьи… во-первых, нужны железные доказательства, а во-вторых, неизбежна конфронтация, в результате которой не факт, что Таны выйдут победителями.

— А убийство моего отца, значит, можно было спустить!

— Но я же здесь.

— Вы здесь потому что это выгодно вам, ну или тем, кто стоит за вами, справедливость тут не при чем!

Неприятно было себя чувствовать пешкой в чужой игре, особенно той, которой можно пожертвовать, даже если интересы пешки и игрока совпадали. В случае моей неудачи, они ничего не теряли, а же рисковал многим, да что там — всем! Хотя, разве не к этому я стремился последние годы.

— Не стану скрывать, нами двигают сугубо практичные интересы, однако мы все-таки пришли к вам.

— И чем же я — одиночка могу помочь людям, за которыми стоят миллиарды?

Перед тем, как ответить, человек посмотрел по сторонам, словно убеждаясь, что нас не подслушивают, хотя для этого совсем не обязательно было осматриваться.

— Древнее право на поединок.

— Что?

— Закон достаточно стар и его уже давно, так сказать, не реализовывали, однако это не отменяет его действенность и

правомочность. Любой из высокопоставленных членов семьи Тан может бросить вызов нынешнему главе, если действия последнего нанесли оскорбление не совместимое с дальнейшей жизнью, или, если докажет, что решения того шли в разрез с интересами Семьи.

— Я не высокопоставленный член семьи.

— Де-факто нет, но им был ваш отец, таким образом, вы, как единственный сын, наследуете его положение, конечно, до той поры, пока не изъявите желание влиться в семейный бизнес, тогда вас могут назначить на иной пост, отличный от наследуемого, но, пока этого не произошло, вы, де-юре, находитесь на одну ступень ниже мистера Канга.

— Иными словами, я не имею никакой реальной власти, кроме права вызвать на поединок главу Семьи?

— Это так.

— Очень удобно для вас, не находите?

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что мне нужны очень веские доказательства вины мистера Канга.

Он кивнул.

— Они у вас будут, не сомневайтесь. Сразу должен предупредить, в случае удачного завершения, гм, дела, вы будете наказаны, а именно — с позором изгнаны. Но вы ведь все равно не собирались делать карьеру в семейном бизнесе. Ваше состояние, естественно, останется при вас, кроме того, вы будете освобождены от любых обвинений и преследований.

— А в случае неудачного, горевать никто не будет.

Он пожал плечами, мол, вы же понимаете.

— Я хочу видеть ваши доказательства.

* * *

Вэньян дождался рыжего после работы на стоянке флайеротакси, тот был один, что доказывало — Бог-демон Циньгуан все еще на стороне Вэньяна.

Вэньян приобнял рыжего, как старого знакомого.

— Прокатимся?

* * *

Я думал, что меня убьют в лифте, во всяком случае, попытаются. Если что, можно будет обставить как неудачное

покушение на самого Тана Канга, а я, значит, оказался не в то время, не в том месте. Я так думал и был готов к этому, хотя всего не предусмотришь.

Нет, двери раскрылись, я ступил в приемную. То ли Канг был слишком самонадеян, то ли не подозревал о причине моего визита.

Знакомые двухцветные двери, за ними кабинет.

Он сидел на том же месте, что и в первый раз. Убийца моих родителей и сестры, после полученных мной доказательств, отпали всяческие сомнения. Таинственный доброжелатель, помимо прочего, по моей просьбе, свел меня с сотрудником ГСВР. Не доверяя никому, получив доступ, я сам отыскал, кто тогда выходил на связь с Росси — это оказался глава тогдашней охраны Канга. Я уже думал, что мой список для мести пополнился еще одним именем, однако, через год, после убийства родителей, глава охраны погиб — бластер, надежнейшее оружие взорвалась у него в руках. Понимал ли он, чем для него выльется визит к Росси? Наверное, да. Семья получила более чем щедрую компенсацию.

Итак, я смотрел на человека, организовавшего и оплатившего убийство моей семьи. Попытался вызвать в себе ненависть. Нет, за эти дни я уже свыкся с мыслью вины Канга.

— Ювэй, как продвигается твое расследование? — было странно слышать это от молодого, незнакомого человека, перед глазами я все еще видел старика на дне рождения Марико.

— Завершилось.

— Вот как, — он прекрасно владел собой, что не удивительно, учитывая пост и время, которое он его занимал, — ты узнал, кто убил твоих родителей.

— Кто заказал убийство моих родителей, — сделал я ударение на втором слове, — и оплатил.

Канг кивнул, больше, кажется, он ничего не сделал, но за моей спиной материализовалась парочка охранников, кроме того, я уверен в этом, сейчас на меня были направлены дула нескольких орудий.

— И кто же это?

Убить меня сейчас он не мог, во всяком случае, пока я не спровоцирую охрану, а я не собирался этого делать. Все, что происходило в кабинете главы Семьи фиксировалось и могло быть использовано против него, нет, не в суде, на совете. Как и фиксировались и передавались в надежное хранилище все мои действия.

— Тан Канг, — произнес я спокойно, — я — Тан Ювэй обвиняю вас в преступлениях против Семьи, в убийстве Тана

Ливея, жены его Тан Линды и дочери их Тан Марико, по праву положения, как сын и наследник Тана Ливея, я требую суда поединком.

Здесь следовало поклониться оппоненту, но я не смог заставить себя это сделать.

К чести Канга, он не стал отпираться.

— Время и место?

— Через неделю, в это же время, на месте вашего преступления, перед моим домом.

— Ввиду разности в возрасте, — все верно, формально он был в несколько раз старше меня, — я прибегаю к праву выставить вместо себя бойца, и пусть Бог-демон судьбы Циньгуан рассудит нас!

Я знал, что он может так поступить, но до последнего надеялся сразиться лично.

— Пусть Циньгуан рассудит нас! — эхом повторил я.

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

— Ты — идиот! — Рябой Ду родился на островах Хайнань и в детстве переболел желтой лихорадкой. Из всего населения островов тогда выжило около трех процентов, и среди счастливчиков — Ду. — Тебе нужно было всего-навсего припугнуть, припугнуть парня, а не калечить! — лихорадка оставила отметины на лице Ду, со временем оспины убрали, а прозвище осталось.

— Он отказывался… в грубой форме.

— Это в какой? Послал тебя на три буквы? Лучше бы ты пошел!

Вэньян понимал, что виноват и оправдывался скорее потому, что он него этого ждали, чем в желании обелить себя. А раз виноват — должен понести наказание, закон, непреложный, как и слово Рябого Ду. Вот только наказание может быть разным.

— Босс, уговаривать, запугивать, работа не для меня.

— Что? — и без того не широкие глаза Ду, превратились в щелочки. — Поправь, если ошибаюсь. Не ты ли полгода назад сам пришел ко мне, умоляя об этой работе, на которой, кстати, у меня уже был человек, и вполне себе опытный.

Вэньян, конечно, не умолял, но спорить с Рябым — себе дороже.

— Поручите мне стоящее, настоящее дело.

— Чтобы ты его тоже завалил.

Вэньян молчал, виновато опустив голову. Надо сказать, он давно уже просился у Ду на другую должность, даже поставил себе кое-какие улучшения, а тут и повод подоспел.

— Гиганты, — произнес Ду.

— Что, босс?

— Гиганты, последние два месяца платят меньше положенного, говорят, дела идут не очень. Нужно чтобы ты сходил к ним и показал, кто здесь хозяин. Все, вали с глаз, пока я добрый.

Вэньян с поклоном удалился.

* * *

Я стоял перед домом, на лужайке, позади — мои секунданты — младший партнер независимой юридической фирмы «Дэнчунг» и какой-то парень с ним — нанять их посоветовал все тот же

неожиданный доброжелатель. Еще было двое новых киберслуг, их я купил взамен тех, что вывел из строя мой несостоявшийся убийца, и врач, со своими усовершенствованиями, больше похожий на киборга, чем парочка слуг. Больше никого, хотя сейчас, я знал, на пятачок перед домом устремлены объективы всех камер, всех дронов в округе, и не только семьи Тан, такую вещь, как вызов на поединок главы Семьи не утаишь, а шпионов доставало везде.

Наконец, точно в назначенное время, невдалеке опустился флайер, длинный, как сигара и дорогой, как остров. Двери открылись, сначала вышли охранники, затем на траву спрыгнул Канг, за ним вылез парень. Невысокий, плотный, лицо все в морщинах, словно вырезано из коры, в руках сверток.

Подошли, Канг представил своих секундантов.

Я с любопытством рассматривал парня, не сомневаясь, что это и есть боец. На вид ему можно было дать и двадцать, и сорок, и даже шестьдесят лет. Лицо не выражало ничего. Какой же сюрприз приготовил мой противник? Конечно, Канг мог выставить, вместо себя и кибера, какого-нибудь модификанта из армейских и даже мирового чемпиона, но кодекс предполагал примерно равных противников, именно основываясь на нем, глава Семьи смог избежать поединка лично.

— Защищать интересы мистера Тана Канга будет мистер Ли Дэмин, — громко возвестил партнер из «Дэнчунга».

Имя ничего не говорило мне.

Дэмин развернул сверток, внутри лежал меч-цзянь — традиционное оружие для суда поединком, без ножен. Простая рукоять, обмотанная кожей, навершие без украшений — далеко не церемониальная игрушка, хотя, вполне может быть недешёвая.

Один из секундантов принял меч, поднес его мне, в это время мой секундант отнес мой меч противнику.

Я посмотрел ближе, и даже снял теплограмму, вроде, без сюрпризов.

— Мистер Тан Ювэй, вы принимаете бойца мистера Тана Канга? — спросил один из распорядителей.

Я кивнул. Наконец-то, после старухи Росси, я смогу хоть кого-то убить!

Мы кружили друг перед другом. В принципе, поединок на мечах ведется ради одного, но хорошего удара. Захватить врасплох, обмануть наниты и рефлексы противника, поразить жизненно важный орган.

Дэмин сделал выпад, не сильный, проверка противника и, чтобы не открыться самому. Я легко ушел, и тут же ринулся в контратаку, два рубящих, которые он легко отбил и колющий в

живот, на который Дэмин просто сделал шаг назад.

Учитель Доси в школе Хакуун исповедовал стиль, так называемого «мощного меча», это, когда ты наносишь четкие, решительные удары, чаще одиночные, чем сериями, хотя и не без финтов.

Мой оппонент фехтовал в манере «мягкого меча», держал он его чуть расслаблено, много двигая им и двигаясь сам, что затрудняло слежение за клинком.

И снова мы сошлись, выпад, я принимаю его клинок на свой, опускаю, одновременно проворачивая и отводя лезвие в сторону, делаю шаг и тут же рубящим в бедро. Он успевает убрать ногу, и лезвие проходит по касательной, лишь слегка взрезав кожу. На месте пореза выступает полоска крови, и тут же исчезает, втягиваясь обратно. А парень не так прост, впрочем, это ожидаемо.

Мы оба раздеты до пояса и в шортах. Я контролирую дыхание, уровень кислорода в крови и аденозинтрифосфата в мышцах, у Дэмина тело покрыто потом.

Мы снова сходимся, на этот раз атакую я, сильный удар справа, очень сильный, он принимает на клинок, но пошатнулся, но тут же его клинок скользит по моему, в конце движения, он бы поразил меня в грудь, я делаю шаг вперед, и лезвие уходит в сторону, он толкает меня плечом, мы снова расходимся.

Что за…

Боги-демоны! Уровень глюкозы в крови зашкаливает, кислорода мизер, давление триста на семьдесят, но чувствую я себя нормально.

Я на секунду замешкался, и Дэмин тут же воспользовался этим, он снова наносит колющий, и блестящее острие таки достигает меня, в районе сердца, еще бы каких-нибудь два сантиметра, и поединок был бы закончен, я трусливо отбегаю, мотаю головой, индикатор здоровья почти на нуле. Да что же это, Боги-демоны, со мной!

Дэмин снова атакует, его меч струится — слева, справа, два колющих, снова слева. Забываю про индикаторы, всецело поглощенный отражением атаки.

За всю жизнь, я настолько привык полагаться на них, так что сейчас, когда они словно сошли с ума, чувствую себя голым, незащищенным. Как люди жили в древности?

Но что со мной? Это произошло, сразу, после того, как Дэмин толкнул меня. Пот! Ну конечно, с современными технологиями человек может не потеть, а, раз он потеет, значит ему нужно. Что же за гадость проникла в мой организм? Хорошо, не яд, за поединком следят и, отрави он меня, или я его, сразу бы

заметили, а так — у меня легкая дезориентация.

Снова едва успеваю отбить атаку Дэмина, наверняка, штука быстроразлагающаяся, чтобы, после моей смерти, не осталось и следа, да опытному бойцу и не нужно много времени.

Дэмин слишком увлекся, он видел, что я «поплыл», нужно было скорее закончить поединок, слишком размахнулся для решающего удара, этот удар должен был снести мне, если не голову, то точно стать последним, он и стал последним. Для него. Я ткнул острием в незащищенный бок. Мой клинок вошел как-то легко, удачно попав между ребер, я сделал шаг вперед, уходя от удара и увеличивая рану. Затем выдернул клинок, отбежал.

Дэмин стоял, опираясь на свой меч и прижимая руку к боку из которого алыми пузырями выходила кровь.

К нему уже бежал доктор.

— Поединок окончен! — торжественно возвестил один из секундантов, кажется, мой. — Победу одержал мистер Тан Ювэй!

Шатаясь, с индикаторами продолжалась такая же чехарда, я подошел к Кангу. Посмотрел в глаза, кажется, он побледнел.

— Это тебе за отца, за мать, за Марико! — я широко замахнулся мечом, Канг инстинктивно хотел уклониться, поднял руку, добился лишь того, что сила моего удара уменьшилась и, вместо того, чтобы отрубить голову, меч застрял в шее, Канг упал, хрипя и хватаясь за горло. Запоздало дернулись телохранители, все-таки — привычка.

Через пол минуты Канг затих.

Родные, я отомстил за вас.

* * *

поезд выехал из туннеля

Поезд выехал из туннеля, и ребятня, которая составляла основную часть пассажиров, тут же прилипла к окнам.

— Гиганты, а какие они? — вихрастый мальчуган возраста первого нанитирования засунул маленький пальчик в нос, поворошил там, после чего вытер о стекло.

— Огромные! — ответил самый старший в их компании, как на взгляд Вэньяна все они были ровесниками, но этот презрительно именовал остальных «малявки».

— А правда, что они людей едят? — спросил наиболее упитанный мальчуган, видимо, для него вопрос был животрепещущим.

— Дурак ты! Они друг дружку жрут!

Вэньян тоже слышал, что в обычаях гигантов якобы поедать умерших родичей. Сам он не верил в эти слухи, а в вирт лезть было лень.

Тут один из детей, отвлекая его от мыслей, крикнул:

— Гляди, гляди — Коссары!

— Ух ты!

— Вот это да!

Вэньян и себе взглянул в окно — за деревьями, расставив ноги и подняв руку с мячом, готовясь его бросить, стоял гигант пяти, а то и шести метров ростом. Одежда его, сотканная из нитей белого металла, и широкий стальной пояс так и сверкали на солнце. В первую секунду бросилась в глаза только эта сверкающая живая статуя, потом Вэньян заметил поодаль второго великана — тот, вернее та, готовилась поймать мяч.

Коссары — брат и сестра, Грей и Ассоль — самые знаменитые гиганты, ну может не считая их отца старого Фолчера. Того самого Фолчера, с которым у Вэньяна должен состояться серьезный разговор.

Грей кинул в небо огромный мяч, скрепленный сверкающими, как и одежда, обручами. Ребятня визжала и колотила в стекла, мяч был величиной едва ли не с бочку, Ассоль легко приняла его.

— Гляди, гляди, поймала! — посему-то это нехитрое действие особенно обрадовало юных зрителей.

Когда девушка снова показалась из-за деревьев, Вэньян внимательнее присмотрелся к ней. Жидкие светлые волосы, нос великоват, губы тонкие, если подходить с человеческими мерками, а гиганты все-таки были людьми, не красавица. Но, она была гигантом, да еще из династии Коссаров, одно это, вернее,

два эти, добавляли с десяток очков к красоте. Слава и вожделение других мужчин делают женщину в наших глазах не менее, а то и более привлекательной, нежели иные природные дарования.

Вскоре из-за деревьев показались первые строения деревни гигантов — двухэтажные дома, величиной с собор, окруженные соответствующей высоты деревьями и — в сравнении с ними — низенькими заборчиками, хотя последние были выше человеческого роста. Широкие улицы, по одной из которых, на огромном велосипеде колесил гигант, он приветствовал поезд звонком на руле, и ребятня, радостно визжа, замахала ему в ответ, поезд же издал короткий гудок.

Показуха! Вэньян вздохнул, представив себе, каково это — двум взрослым людям стоять целый день на солнцепеке, перекидываясь мячиком. Или этому — выезжать из-за угла к каждому поезду, позвякивая. Хотя… он вспомнил свою работу в «Доминант. нано. груп.», все эти цвета рубашек, грызню в компании, бывают работы и похуже. А здесь все-таки — свежий воздух!

Поезд подкатил к вокзалу — огромному, как все вокруг. Диспетчер, или кто он здесь — мужчина средних лет, четырёх метров ростом при форме с фуражкой, приветствовал их улыбкой и взмахом руки.

Толпа туристов, а вместе с ними и Вэньян вывалила на перрон.

Не мудрствуя, Вэньян сразу подошел к парню в фуражке.

— Я от Рябого Ду, проводи меня к Фолчеру.

Улыбка с лица тут же сползла — да, Рябого Ду здесь знали, а его посланца ждали.

Грузно развернувшись, гигант махнул Вэньяну, приглашая следовать за ним.

* * *

Я шел по городу, мимо меня двигались люди и не люди, я никого не замечал.

Сумасшествие индикаторов потихоньку возвращалось к норме.

Мама, папа, Марико, я отомстил за вас. Что я чувствовал? Пустоту. Словно вырвали что-то внутри, что-то важное, чем жил, дышал, и незачем теперь жить.

Налетел на какого-то дылду в лохмотьях.

— Смотри куда прешь! — кожа на лице его наполовину слезла и свисала клочьями, к тому же имела серый цвет.

Вспоминаю, читал в вирте, сейчас мода на внешность зомби. На что только люди не идут, ради… собственно, ради чего? Красоты? Это вряд ли. Стиль? Сомнительно. Ради того, чтобы быть не таким, как все — тоже нет. Вон, несколько зомби стоят кружком, беседуют, в толпе то и дело мелькают серые лица. Тогда, ради чего? И почему меня сейчас занимают эти мысли?

Я думал, когда отомщу, станет легче, все изменится что ли. Легче не стало, и тяжелее не стало — все, как всегда. Может, себе тоже серую морду и этаким пижоном по улице?

Опустился на скамью, позади тут же появилась мягкая спинка, принимая контуры моего тела. Поговорить с кем-нибудь, разделить радость! С кем.

Высветился индикатор входящего сообщения, разрешаю принять, чувствуя непонятное волнение. Определенно, мне нужно общение и общество.

Это от Танов — родственничков. Меня извещали, что я изгнан из Семьи, мое имя будет стерто из родовых файлов и предано забвению, также я не в праве претендовать на семейную усыпальницу, но зато могу навещать близких.

Быстро они.

Перебираю контакты, куча людей, а позвонить некому.

Решившись, вызываю флайеротакси, когда машина прилетает, усаживаюсь на сиденье пассажира.

— В Варосс.

* * *

Мода на зомби-внешность, да, была такая пару лет назад… или больше… или меньше, собственно у Вэньяна никогда не имелось особого желания, а главное — денег следить за веяниями и увлечениями различных франтов и фриков.

Селение гигантов расположилось в широкой долине, окруженной поросшими лесом горами, похожими на холмы. С большой землей она соединялась железной дорогой, покидать место резервации гигантам не то чтобы было запрещено, но не приветствовалось, да и что они могли делать в мире приспособленным для невысоких людей.

Хотя Вэньян и изучал материалы, перед поездкой, все равно он вращал головой, словно любопытствующий турист.

Вот громадное плоское здание с колоннами — первое, что построил Коссар, когда прибыл сюда, а вон та улочка ведет к рынку, где великаны предлагают им — лилипутам купить изделия гигантских рук. В тени деревьев, привалившись к забору,

вытянув длинные ноги на пол улицы, сидел седобородый старик в соломенной шляпе, размером с хороший зонт, из-под которой торчали лохмы спутанных волос, гиганты отчего-то считали, что вся их сила — в волосах, поэтому, что мужчины, что женщины отращивали солидные гривы. Хмурый взгляд буравил Вэньяна все время, пока они не свернули за угол. Сколько же лет может быть старику? Не меньше двухсот точно, если так, он еще помнит недолгое время господства гигантов. Неудивительно, что дедуля недолюбливает низкорослико в, как презрительно именовали нормальных людей гиганты.

Вскоре они свернули к Таун-холлу — самому высокому зданию в деревне, именно там заседал Фолчер, вместе с советом.

* * *

лица на сером бетоне

Лица на сером бетоне — с завязанными глазами и верхняя половина.

Стучу.

— Тахл, открой!

Дверь открывается, быстро прохожу коридор и вторые двери.

Тахл, как всегда, в своем коконе.

— Видишь тумбочку у двери? — спрашивает, вместо приветствия.

— Вижу.

— Внутри бренди, самое дорогое, что можно купить за деньги, угощайся.

Открываю — так и есть.

— А ты?

— Посмотри на меня, чувак, я могу вызвать в своем теле любые ощущения, от щекотки до оргазма, пей, мне еще нужно с ребятами пообщаться.

Откупориваю бутыль, нюхаю, вроде ничего, так как в поле видимости отсутствует хоть что-то похожее на стакан, не говоря уже о бокале, прикладываюсь к горлышку. Делаю глоток, второй, почти не чувствую ни вкуса, ни градуса, как вода. Подделка, что ли?

Тахл на своем месте чего-то улыбается, потом хихикает.

Со злостью смотрю — ему-то чего так весело.

Снова прикладываюсь, точно — подделка. Комната немного шатается, опускаюсь на атомную печку, плевать! Теперь мне на все плевать! Никто меня не любит! Никто не уважает!

— Эй, эй, парень, не так быстро, — глаза Тахла снова осмысленные и он смотрит на меня.

— Тебе-то что, мотай отсюда, веселись дальше!

— Ну, во-первых, мотать не буду — это мой дом, а во-вторых, я не веселился.

— Видел я! — говорю со злостью и снова прикладываюсь к горлышку.

— Хакеры-одиночки давно в прошлом, если вообще когда-нибудь были, мы работаем в группах, обмениваемся информацией, данными, вместе решаем задачи. Например, сейчас я… не важно. Ты, так понимаю, заявился душу излить, так изливай.

— Пошел ты!..

— Тебе нужно найти занятие, по интересам, ну или жениться,

детей завести, собаку в конце концов.

С подозрением всматриваюсь в лицо, вроде, говорит серьезно.

— Ничего мне не нужно, и никто не нужен!

— Есть одно дельце, гляди, — без запроса и разрешения с моей стороны возникает файлик.

Тут же открывается, и информация поступает прямо в мой мозг: девушка накопила денег на новую почку, купила, когда шла домой, на нее напали и ограбили.

— И что? Я тебе за пять минут в вирте сотню таких историй наберу.

— А то, почка была для матери, ты — миллионер и тебе не понять проблем малоимущих. У официалов покупать дорого, взяла с рук. Парень, что продал и тот, кто ограбил ее — одно и то же лицо. Он так зарабатывает, выставляет орган ниже рыночной стоимости, мол бабушка умерла, не пригодилось, а потом грабит клиентов.

— Пусть в полицию идет, — бутылка опустошена наполовину, поднимаю, смотрю на свет через вторую.

— Полиция не очень спешит расследовать дела бедняков, а уличные кражи вообще, считай, висяк. Девушка же не знает, что продал и ограбил ее один человек.

— А ты, значит, знаешь? — бренди отливает золотом — красиво, еще бы синий, и будут мои родовые цвета.

— Он уже не в первый раз проделывает такое.

— Я здесь при чем?

— Накажи парня, забери почку, отдай девушке.

— Сам и наказывай, — я снова прикладываюсь к горлышку. — Тоже мне, ночного рыцаря нашел.

— Тебе что, трудно, помоги человеку, глядишь, полегчает.

— Пошел ты!

— Ты сюда пришел хлестать мое бренди и посылать меня?

Смущаюсь, а собственно, зачем я пришел?

— Держи данные и адрес, где обычно зависает этот тип.

* * *

Фолчер заседал в огромном зале. Несомненно, он был самым знаменитым гигантом. Пять метров ростом, широкие плечи, мужественное лицо с высокими скулами, слегка вьющиеся длинные волосы с проседью, заплетенные в толстую косу, по человеческим, да по любым меркам — весьма привлекателен. Кроме того, он был лидером, аура уверенности вокруг него ощущалась почти физически.

По периметру зала сидели другие гиганты — члены совета. Вэньян, выйдя на середину помещения, почувствовал себя блохой, которую могут прихлопнуть, не задумываясь. Но, все что видел и слышал он, видел и слышал Рябой Ду, ну или мог просмотреть, когда вздумается, ибо записи органов чувств Вэньяна тут же архивировались в вирте. «Если погибну — за меня отомстят», — слабое, но утешение.

Итак, его ждали, ибо совет собрался в полном составе, ну почти полном — пара кресел все же пустовало.

— Мистер Ду недоволен последними поступлениями! — Вэньян инстинктивно заговорил громко, едва не переходя на крик. Гиганты мало того, что жили на земле, принадлежащей триаде, так еще по какому-то древнему договору должны были платить бандитам что-то вроде дани. За что, почему, Вэньяна не посвящали в тонкости.

— Вы же прибыли на поезде, — произнес Фолчер, вот уж кому не нужно было повышать голос, густой бас заполнил помещение, — сами видели, наполовину пуст. Туристов все меньше, да и то — в основном дети, сувениры не покупают, на представления не ходят.

— Мистера Ду это не интересует.

Фолчер покраснел, Вэньян подумал, что он прямо сейчас бросится на него, и хотя он готовился и к такому повороту событий, на мгновение сделалось страшно. А ну как эти великаны накинутся всей гурьбой! Имя Рябого — слабая защита, особенно, когда носитель имени далеко за горами.

— Если не заметили, мы — гиганты, если отдадим Ду, что он требует, наши люди попросту станут голодать!

— Я не уйду, пока не получу долг! — в принципе, это Ду проинструктировал Вэньяна, как вести себя.

— Я сказал свое слово.

— Я тоже!

Настал решающий момент, гиганты были очень чувствительны к собственному авторитету, а сейчас какой-то низкорослик посмел спорить с их лидером, и лидер должен был ответить.

Фолчер поднялся во весь свой огромный рост и, слегка наклонив голову, презрительно плюнул на пол, перед Вэньяном.

Зал, затаив дыхание, ждал продолжения.

И снова Ду оказался прав — случилось, как он и предсказывал.

Внутренне дрожа, Вэньян слегка склонился и тоже плюнул, стараясь попасть в то же место.

Десяток глоток разом выдохнуло.

Только что Вэньян принял вызов Фолчера на поединок.

— Вечером, в восемь, здесь, в зале, — процедил Фолчер.

— Я буду! — важно кивнул Вэньян, он надеялся, что важно, ибо внутри все дрожало.

* * *

ночной клуб

Ночной клуб. Несколько лет назад почти все заведения подобного рода переместились в вирт. Как любая мода, прошла и эта, сейчас опять в тренде собираться вживую.

Сразу у входа мне ставят временную печать, наниты от нее входят в кровь, рождая новое меню. План, свободные столики, напитки, плейлист, легкие наркотики, из разрешенных. Еще мне предлагают выбрать цветовую гамму — от кислотных цветов до черно-белых и яркость освещения. Оставляю, как есть, лишь сделав слегка светлее, все-таки в клубе темновато. От музыки отмахиваюсь, и тишина наваливается на меня. В этой тишине люди и модники-зомби дергаются в такт своих ритмов, выпивают, общаются.

Подумал и взял напиток у «девушки» — киборга с нарочно выставленными напоказ механическими деталями, даже вместо глаз — линзы. Вспоминаю, одно время было модно подделываться под киборгов, и молодежь сплошь вставляла себе механические импланты.

Сканирую зал — вот и нужный мне парень. Одна половина лица его человеческая, вторая являет собой маску-баута, в масочной части на месте глаза переливается алым огромный рубин. Иду к нему. Рядом сидит на диване… Боги-демоны, чуть не выронил стакан, охранник, или еще кто — голый мускулистый торс и медвежья голова на нем. Если бы не знал, что Урсус давно умер, подумал бы покойник встал из могилы. Хотя, так даже лучше!

Не без пособничества Тахла, я связался с парнем-маской под видом очередного покупателя.

Допиваю остатки коктейля, подхожу, медведеголовый принимает чуть менее расслабленную позу.

— Мы с вами договаривались, насчет почки.

Медведеголовый расслабляется, мой клиент кивает, кладет на стол небольшую коробочку с голограммой на крышке.

— Десять тысяч, — для меня странно звучит его голос — единственный в абсолютной тишине. — Еще с гарантии не сошла, все пломбы на месте.

Беру коробку, рассматриваю, не без удивления замечаю — произведено компанией «Тан-медикал INC.», кручу, собственно даже не знаю на что нужно обращать внимание.

Киваю, засовываю коробку в карман, разворачиваюсь, чтобы уйти.

Первоначальный план был рассчитаться с ними, а наказать потом, когда они нападут на меня. Плевал я на все планы.

— Ты куда, а деньги!

Подымается рубиноглазый, за ним медведеголовый, оба заметно выше меня.

О-о, как же я надеялся, что они так скажут. Медведеголовый лезет куда-то за пояс, вытягивает вибронож, играет им у меня перед носом. Делаю мах рукой, легко, словно отгоняю муху, и кисть медведеголового, вместе с ножом, падает к нашим ногам. Мгновение он удивленно смотрит на обрубок руки, а затем с ревом кидается на меня и натыкается на клинок. Я с удовольствием позволяю лезвию вылезти еще, и окровавленный кончик показывается из спины медведеголового. Как же мне хорошо в эту минуту! Я словно опять мщу за Марико, за родителей, Урсус, я не убил тебя, но зато я убью того, кто очень похож.

Парень в полумаске оказался не промах, он разворачивается, чтобы сбежать, и даже делает пару шагов. Нагоняю его, валю на пол, переворачиваю, человеческий глаз светился страхом, да что там — ужасом, по рубиновому понять невозможно. Интересно, сколько стоит такая штука?

Пальцами цепляюсь за рубин и начинаю тянуть на себя. Парень орет, то ли от боли, то ли от страха, то ли от всего вместе. Вырываю, что называется, с мясом, в руках у меня камень и идущие к нему сервоприводы и провода. С удовольствием плюю в глазницу, поднимаюсь и иду к выходу.

Танцующим до того, что происходит рядом с ними нет никакого дела.

Охране клуба, наверное, есть дело, но они благоразумно не связываются.

Без приключений покидаю клуб.

* * *

Весь день Вэньян просидел в отведенной ему комнате, ожидая поединка. Его уже мало заботили красоты и достопримечательности долины гигантов. Итак, все пошло по одному из сценариев, озвученных Рябым, правда, по худшему сценарию.

Он вспомнил слова Ду, когда Вэньян высказал некоторые опасения: «Ну ты же просил настоящую работу!»

В который раз Вэньян осмотрел свой арсенал улучшений: рефлекторные приемы ножевого и рукопашного боя,

двадцатикратное ускорение рефлексов на пять минут, потом получасовой откат до заторможенного состояния, мышечная сила — десять минут, откат час — общая слабость, прыжок на несколько метров — одноразовое, однократный подъем до тонны груза с небольшим откатом, ну и по мелочи — ночное зрение, программа анализа стиля боя противника с последующим предугадыванием его действий и передачей контрмер на мышцы, оглушающий крик — как во Вэньяну не очень, но зато почти без отката, расширения спектра зрения и слуха.

Еще Рябой дал Вэньяну небольшой кинжал.

«Будешь драться им, — сказал босс, — тебе-то и нужно всего раз поцарапать гиганта, но не вздумай сам порезаться».

Вэньян осмотрел лезвие, его покрывала тонкая изумрудная пленка. Он очень надеялся, что яд, или что там в ней, действует достаточно быстро.

* * *

— Что ты там устроил?

Я сижу у Тахла, на старой знакомой — атомной печке, и мне хорошо. Я чувствую себя снова живым и почти счастливым.

— На, — кидаю на пол глаз-рубин.

— Мне зачем? Да и тебе тоже?

— Девушке отдай, вместе с почкой, пусть продаст, купит вторую, или чего там она еще хочет.

— Хотя бы от крови помой, и в коробку положи, курьера я уже вызвал. Записку писать будешь?

— Какую записку?

— Ну там, с наилучшими пожеланиями, доброжелатель.

— Сам пиши.

— Мне, между прочим, некогда, пока ты сюда летел, я на всякий подчищал записи в клубе. Хотя, думаю, наш клиент в полицию обращаться не станет. В следующий раз постарайся не светить лицом, маску одевай какую-нибудь, что ли. Или, как вариант, плана придерживайся.

— Хорошо, — ловлю себя на том, что глупо улыбаюсь, — еще такие же дела есть?

* * *

Зал совета, или как он здесь назывался, гудел, с оглядкой на тон голосов гигантов, как растревоженный коровник. Хотя Вэньян

не был уверен, что коровники, если их растревожить, гудят.

Гигантов набилось внутрь не меньше полусотни. Среди этих огромных тел, Вэньян чувствовал себя годовалым ребенком, непонятно зачем забредшим на собрание взрослых.

В передних рядах стояли Коссары — Грей и Ассоль, девушку за плечи обнимал рыжий молодой гигант, небрежно заплетенные в косу волосы торчали во все стороны непокорными вихрами.

Вэньяна пропустили в центр помещения, где уже стоял Фолчер, раздетый по пояс, внушительная, даже для гигантов мускулатура переливалась под бронзовой кожей.

Вэньян унял дрожь в коленках, но не силой воли, а пресечением импульсов.

«Зачем я здесь? Чего мне не хватало? Дом, Мей, нормальные доходы…»

Первые гиганты появились три века назад. Тогда люди только освоили генетические изменения, и вовсю баловались ими. Через пятьдесят лет великаны захватили власть на планете, оставив остальным людям роль низшей расы. Господство рослых продолжалось ровно пол века, не так уж и мало, если разобраться. Плебеи взяли числом, многих великанов убили, выживших же загнали в резервации, приняв закон, ограничивающий высоту измененного роста до двух с половиной метров. Гигантов подвергли обработке, и новое поколение детей в девяноста процентах случаев рождалось стерильным. Хотя средняя продолжительность жизни гиганта была около двухсот лет, эта резервация, насколько знал Вэньян, осталась последней.

Вэньян решил не раздеваться, незачем смешить противника своим хилым телом.

— Какое оружие выбираете? — спросил распорядитель боя.

Вэньян показал нож, распорядитель кивнул. Для уравнивания шансов противников предполагалось, что Фолчер будет сражаться голыми руками.

— Вы готовы? — спросил распорядитель у Коссара старшего.

Тот кивнул.

— Вы готовы? — спросил он у Вэньяна.

«Нет!» — хотел крикнуть тот, но понял, что кивает.

— Начали!

И повисла тишина. До этого галдящие великаны разом смолкли. Ни криков подбадривания, ни оскорбления противника, просто нереальная, звенящая тишь.

Вытянув руки, Фолчер пошел на Вэньяна.

Опомнившись, тот запустил анализ боя и усиленные рефлексы.

От первого взмаха огромной руки, он ушел, от второго тоже,

даже больше, подсев, он успел полоснуть Фолчера по предплечью.

«Теперь скорее бы подействовало!» — успел подумать он, как Фолчер схватил его за руку, ту самую, с кинжалом, и принялся выкручивать.

«Сейчас оторвет!»

Но гигант пошатнулся, схватка слегка ослабла. Тогда Вэньян со всей силы ударил гиганта под коленную чашечку. Тот взвыл, одна нога подкосилась, лицо оказалось почти на уровне Вэньяна. Он нанес по нему два удара в челюсть сначала с одной, потом с другой стороны, костяшки пальцев с непривычки заныли, к тому же во второй удар, Вэньян вложил все силы, в том числе и «нано», что были.

Он сам не ожидал, но гигант рухнул к его ногам.

Тишина в зале продолжала висеть, тогда Вэньян подошел к гиганту и срезал прядь темных с проседью волос. Вот здесь по залу пронесся вздох ужаса. Вэньян не мог поступить иначе, указания Рябого на этот счет были четкими и недвусмысленными. Ассоль, отвернувшись, уткнулась в плечо рыжего на щеках которого играли огромные желваки. Отрезать волосы — высшая степень оскорбления у гигантов, такое смывалось только кровью, причем, не обидчика, а своей собственной.

Схватка была окончена, а потерявший волосы, должен быть умерщвлен.

* * *

перелезаю через забор

Перелезаю через забор. Ну как перелезаю, посылаю импульсы, ноги сгибаются, сухожилия, как струны и буквально перелетаю через него. Ни дать, ни взять — супергерой из фильмов, только черного плаща недостает. Приземляюсь на лужайку, перекатываюсь, гася силу удара о землю.

Обостренный слух среди ночных шумов выделяет хриплое дыхание и бег мягких лап. Собаки! С двух сторон, еще едва слышное жужжание в вышине — охранные дроны в количестве не менее пяти устремляются ко мне.

Красное перекрестье перед глазами быстро находит первый, совмещается, пневморужье выплевывает стрелу, ночным зрением вижу, как она пронзает дрон. Поискрив, тот начинает медленно опускаться.

Одновременно мои железы усиленно вырабатывают собачьи гормоны. Сейчас я пахну, словно сучка в течку. Вовремя — мокрый нос утыкается в ладонь.

Я стою в больничной палате. Она лежит передо мной в коконе жизнеобеспечения. Невольно усмехаюсь прошлым собственным мыслям. Идя сюда, помимо воли, воображение рисовало прекрасную незнакомку чуть ли не в хрустальном гробу, а я что-то вроде отважного принца. Спасаю, значит.

И спасенная, очнувшись, падает в объятия спасителя. И жили они долго и счастливо.

Девушка оказалась худая, с тяжелой нижней челюстью и жидкими пепельными волосами, глаза близко посажены, нос острый, подбородок торчит, словом, далеко не красавица. Да, красавиц спасать легко, а ты попробуй таких вот.

Вызываю файл, присланный Тахлом. Ишван Пак — избалованный сынок богатеньких родителей, на скоростном флайере влетел в скорую, которая везла в больницу вот эту самую девушку. Водитель и фельдшер сразу насмерть, а пациентка, как ни странно, осталась жива, правда вот в такой вот камере жизнеобеспечения. Пока наниты делают свое дело, Тахл говорит шанс, что она придет в себя, пятьдесят на пятьдесят.

Как выяснилось, Ишван во время аварии находился в вирте, где занимался виртуальной любовью с Распустившимся Лотосом — сотрудником элитного салона интимных услуг.

— Как он умудрился врезаться? — спросил я тогда у Тахла. — Есть же всякие программы-предохранители, автопилот, в конце концов.

— Он все отключил, это такая новая мода у золотой молодежи, гонять по трассам со снятыми системами безопасности. Нервы щекочут. Этот еще, как видишь, решил и потрахаться.

Флайерокатасрофы случались не часто, каждый случай пристально рассматривался, а тут еще такое — две жертвы.

— Ишван — единственный сын Александра Пака — главы компании «СпортПак», ты, кстати, носишь их кроссовки, — продолжал просвещать меня Тахл. — Еще не неприкасаемые, но близко. Папаша подсуетился, виноватым сделали водителя скорой, мол заснул за рулем.

— Заснул? Ты серьезно?

— Есть запись мозговых ритмов водителя, официально не подкопаешься.

Стремительно перевожу прицел на следующий дрон, стреляю — есть.

Вот ведь странная штука, начни я пулять из бластера, дроны мигом идентифицирую меня в качестве угрозы, а так — воспринимается как выход из строя по естественным причинам. Это Тахл подсказал.

Пока стрелял, одна из собак пыталась пристроиться к моей штанине. Хорошо, вторая на нее рыкнула и за обладание моей брючиной между псами завязалась небольшая собачья перепалка.

Разделавшись с дронами, бегу к дому, ушастые поклонники, виляя хвостами, за мной.

Роскошный особняк, чем-то похож на мой.

Как странно, сложись все иначе, не погибни мои родители, я вполне мог оказаться на месте парня.

Окно спальни Ишвана — второй этаж, пятое от балкона над входом. Одеваю специальные перчатки, присасываюсь к стене, подтягиваюсь, упираюсь подошвами ботинок, которые тоже не скользят. В школе Хакуун мы таки трюки проделывали на первом году.

Собаки весело машут хвостами мне в след.

Вот и окно, стекла бронированные, но люди переоценивают надежность защиты. Прикладываю резонатор, он чуть заметно вибрирует в руке, секунда и стекло осыпается мелкими осколками, вместе с ними вваливаюсь в комнату. Тут же бросаюсь к кровати, я немного пошумел, так что парень вполне может поднять тревогу. Конечно, любые сигналы от него я глушу — опять же Тахл расстарался, но вот просто крикнуть ему никто не запрещает.

Напрасно переживал. Парень спит, как младенец.

Дотрагиваюсь до плеча — ноль реакции.

Трясу уже со всей силы.

— А? Что? — заспанные глаза. — Ты кто?

Не смог сдержаться.

— Твоя совесть!

Надо отдать ему должное, он довольно быстро сориентировался. Смотрит на окно, потом на меня, садится в кровати.

— И чего ты хочешь?

Вопрос застает врасплох. А ведь, действительно, чего я хочу? Зачем забрался сюда? Справедливости? Возмездия? Вспоминаю девушку, м-да, ради некрасивых трудно совершать поступки. Хоть бы у водителя скорой остались малолетние дети, что ли.

Парень окончательно пришел в себя, рука вольготно тянется к сигарете на тумбочке, делает затяжку, комнату наполняет знакомый сладковатый запах легкого наркотика. Мой организм тут же нейтрализует воздействие.

— Ты убил двух людей, третья при смерти!

— И что?

Верно, в его системе ценностей, это «и что?».

— Все утрясено, перед законом я чист, как безгрешная Ню-Гуа, — он расслаблен, он послал охране сигнал тревоги и уверен, что они уже со всех ног несутся сюда. — Так чего ты хочешь? Денег? — приходит он по-своему к вполне логичному выводу, — денег не дам!

— Почему?

— Да кто они такие!

— Они люди, как ты и я.

— Как ты, может, но не как я.

Замечаю, рука с сигаретой немного дрогнула. По его расчетам, охрана давно должна была ворваться в спальню и скрутить наглеца. Возможно, все это время он представлял, что сделает со мной.

— Что-то не так? — спрашиваю ласково, словно мать у испуганного ребенка, поднимаю руку, позволяю клинку немного вылезти из нее. Нет, все-таки демонски удобная штука, особенно в такие вот моменты, и прикладная, и психологическая.

— Эй, эй, ты чего? Насчет денег, это я так, если надо, папаша заплатит…

— Имя?

— Чего?

— Назови имена тех, кого ты убил.

— Ну это, мужик и две бабы…

— Спасибо, — вонзаю клинок ему в сердце, на теплограмме вижу, как кровь с толчками выливается из него.

— Ты чего? — успевает сказать он, сигарета падает и гаснет. Удобная штука — можно безопасно курить в постели.

Покидаю дом тем же путем, каким пришел.

* * *

Огромные двери в три человеческих роста, гигант, что охранял, распахнул их перед Вэньяном, хотя, как охранял, стоял рядом, Фолчеру все равно некуда бежать, да и не станет гордый бывший предводитель гигантов делать этого.

Вэньян осторожно переступил порог. Когда ему сказали, что поверженный противник желает его видеть, первым делом он заподозрил подвох, и даже попытался связаться с Рябым. С боссом его, конечно, не соединили, а Большелобый Сию — правая рука, тот самый, кто интервьюировал его в вирте при первой встрече, сказал: «Сходи, поговори».

И Вэньян пошел, потной рукой сжимая в кармане рукоять отравленного ножа и до дрожи боясь порезаться.

Фолчер Коссар сидел у окна на огромном стуле и смотрел на луну.

Вэньян поискал, где бы присесть, в комнате, конечно, ничего из мебели для него не имелось, так что он так и остался переминаться с ноги на ногу, словно проситель у высокого начальства.

— Я помню твоего босса сопливым мальчишкой, тогда он только появился в городе и был на подхвате у Ушастого Сяодуна, а Сяодун курировал нас — гигантов.

В древние времена такие, как он, считались бы богами, им бы поклонялись, на них бы молились, приносили дары. В теперешнее время они делали сувениры и выступали на потеху малолетней сопливой публике.

— Сколько вам лет? — спросил Вэньян.

— Двести пять, — Фолчер не отрывал взгляда от окна, — весной исполнилось бы двести пять.

Перед Вэньяном сидело существо, которое жило еще во время Войны Корпораций!

— А время, когда гиганты… ну, были главными, вы помните.

Фолчер грустно улыбнулся.

— Смутно, я был еще мал. Мой отец занимал видный пост в министерстве развития, его, вместе с остальными, одним из первых… мне можно сказать повезло, я выжил.

Вэньян снова попереступал с ноги на ногу, подумал, качнулся с пятки на носок. Что он здесь делает?

— Передай Рябому от меня спасибо. Ну и тебя тоже благодарю.

— А? Что? — Вэньян подумал — он ослышался. — За что?

Гигант перевел взгляд на него.

— А-а, ты не знаешь, — и снова повернулся к окну. — Я ведь из второго поколения, нас еще не подвергли стерилизации, так что я мог и могу иметь детей. Моя Ассоль, они с Алексом так любят друг — друга, когда в конце обряда, они вкусят мою плоть, мои наниты приживутся у них, тогда у влюбленных появится шанс завести собственного ребенка.

— Обряд? Вкусят? — получается, слухи не врут.

— Да, мы поедаем тех, кто при смерти, или потерявших честь, вроде меня. Это единственный выход, только со смертью наши наниты покидают тело носителя, и только через пищеварительный тракт попадают в нового.

— Но ведь это… варварство, — Вэньян был потрясен, — можно же что-то сделать, в конце концов есть технологии, все можно изменить, перепрограммировать.

— Можно, — кивнул Фолчер, — только для нас никто этого делать не станет, да и дорого, нет у нас таких денег. Твой Рябой, я сам просил его прислать кого-нибудь. Если бы я предложил умертвить себя, Ассоль ни за что бы не согласилась, а так… Хотя, не знаю, нужно ли приводить детей в этот мир. Мир, который не очень приспособлен для гигантов. С другой стороны, жить без детей тоже нельзя, иначе, зачем жить. Жаль только внуков не понянчу.

Вэньян не знал, что сказать. Пожелать удачи. В чем? В смерти. Чтобы внуки выросли здоровыми и счастливыми? Будет ли у гигантов когда-нибудь это счастье, к тому же, почти наверняка, внуки станут последним поколением.

Он стоял и молчал, Фолчер смотрел в окно, словно забыв о Вэньяне, хотя, может так и было. Может он вспоминал события своей более чем двухвековой жизни.

Вэньян тихо развернулся и вышел.

* * *

ты чего?!

— Ты чего?! — кричит на меня Тахл, и слова его перекликаются со словами убиенного ранее Ишвана. — Маньяк хренов. Его нужно было просто проучить, может, денег стрясти, но не убивать!

— Кровь за кровь, — отвечаю я.

— Знаешь что, а иди-ка ты… подальше отсюда, все, забудь мой адрес, больше я тебе не поставщик трупов. Нашел, блин, этого, как его… сутенера!

— Сутенер поставляет клиентов проституткам.

— Ты понял меня! Если так нравится убивать, иди в наемные убийцы, там за это еще и деньги платят!

Я подумал.

— Спасибо.

* * *

Вернувшись домой, Вэньян сорвался, в общем-то на невинный вопрос Мей, где был несколько дней.

Он бил посуду и швырял вещи, уже не в первый раз.

— Тебе что, денег мало! — кричал на девушку. — На шмотки твои не хватает! На, возьми еще! — он кинул ей в лицо горсть кредиток.

Мей спокойно поднялась с дивана, сидя на котором пережидала истерику Вэньяна.

— Ты изменился, Вэнь, очень изменился. Нам лучше пожить отдельно.

От мысли, что Мей может оставить его, Вэньяна прошиб холодный пот. Он кинулся к ней, упал на колени, обнял ноги Мей.

— Прости! Прости! Не уходи! Я что хочешь для тебя! Только не уходи!

И снова все было, как тогда, первый раз — у него дома. И казалось, что отныне так будет всегда.

ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ

— Будешь? — кипарисовые резные створки открылись, явив миру, ну и мне, нескромный бар. Чего там только не стояло: бутылки, кувшины, банки, даже одна амфора — в таких торговый дом семьи Волдерберг продавал самые дорогие свои вина.

Я отрицательно покачал головой.

— А я буду, — хозяин апартаментов и мой потенциальный заказчик нацедил пол бокала из амфоры и вернул ее на специальную подставку, чтобы не упала — нижняя часть сосуда была заострена.

Он явно нервничал, суетился, много и попусту говорил, никак не решаясь перейти к делу.

Вот и вино, он выпил одним залпом, явно не почувствовав ни вкуса, ни градуса, после чего вновь забегал по комнате.

— Как только я узнал, что есть… парень из Семьи, который занимается этим, я сразу решил пригласить тебя. Мне нужен кто-то из своих, ну, ты же понимаешь…

Я понимал, отчего-то вспомнилось мое первое дело, первое, когда я «ушел» от Тахла.

* * *

Вместе с остальными свежими игроками я очнулся в Доме Новичков.

Изнутри здание походило на барак — одна большая комната все убранство которой составляло несколько рядов двухъярусных кроватей.

Здесь можно было бесплатно переночевать, но большинство игроков предпочитало не задерживаться в Доме.

Я осмотрел соседей — справа внизу рыжебородый здоровяк, в вырезе широкой рубахи выглядывает край тельняшки — моряк, значит. Над рыжебородым стелил постель невысокий полукровка — эльфийские острые уши сочетались в нем с вполне человеческой приземистой фигурой, к тому же кожа была цвета смолы — не иначе мамаша согрешила с темным эльфом. Впрочем, чего же я гадаю, вызвал консоль, запустил скрипт — так и есть — Зальдус Тимбольт — дроу-полукровка, класс — торговец, игрок, уровень — 1. А моряк — Силк Ханиган — человек, класс — воин, игрок, уровень — 1, ниже шел длинный перечень навыков, у Силка большинство на нуле, разве кроме ловкости и силы,

прибавку к которым давали при выборе соответствующего класса.

Посмотрел у себя, точнее, как видят меня другие игроки — Ювэй Ювэй, класс — воин, игрок, уровень — 1. Вот как, значит с Ханиганом коллеги.

— И что, правда золотая?

— Самое что ни наесть золото, а еще изумруды, рубины, бриллианты всяческие, ну и сто процентная неуязвимость к магии, это, если ты не захочешь продать, — разговаривала парочка на нарах напротив, один был человеком, правда выбрал карьеру мага, а второй двергом — невысокий, с огромным носом и ушами выше макушки, несмотря на отталкивающую внешность, двегов выбирали многие, так как, помимо повышенной возможности создавать всякого рода механические штуковины, они обладали врожденным даром красноречия, что, помимо прочего, позволяло выторговывать более выгодные цены, да и получать скрытые задания.

— И сколько ж такое добро стоит? — спросил человек.

— Тысяч сто, не меньше, говорят, в прошлом году, один из выстоявших загнал гроздь заезжему купцу за сто пятьдесят, тот еще и артефактов ему всяческих отсыпал!

— Осталось самую малость — выстоять, — встрял в разговор Силк Ханиган.

— Всего десять минут, и гроздь в кармане.

— За десять минут Дракон тебя десять раз разделает.

Дверг пожал плечами.

— Некоторые выстаивали.

— Я слышал, в последнее время это никому не удавалось, — я подошел к говорившим, собственно, по этой причине я — здесь.

— Ну… да, но все равно, от желающих отбоя нет.

— И что, правда этот Дракон такой страшный, — кинул со своего места полукровка, забравшись на верхнюю часть нар, он стягивал с себя сапоги.

Дверг ухмыльнулся, зубы у него оказались мелкие и острые, словно острия пик.

— Очень.

Все мы — сестры,
Кротость — наша добродетель,
Целомудренность — наша красота,
Внешнее — лишь покрывало,
Внутреннее — суть.

Я отступил, пропуская процессию Смиренных Сестер.

Женщины были полностью оголены, лица же скрывали

плотные вуали. Не орден, а рай для эксбициониста, хотя особого смысла я в этом не видел, тела-то все равно не свои.

Мимо авеню масок, я прошел на храмовую улицу, вот и знакомый дом — бетонная стена и два серых лица на ней. У одного завязаны глаза, у второго — рот, как я и предполагал. И дверь почти такая же. На всякий случай подергал — открыто. Надо же! Переступил порог, ко мне тут же устремился некто в сером балахоне с капюшоном, накинутом на голову.

— Ты желаешь присоединиться к нашему ордену? — донеслось из темноты капюшона, я взглянул на него — типичный НИП-привратник, если разговорить, можно даже получить задание, не из сложных, как раз для моего уровня.

— Брат Тахл, у вас живет такой? — а чего, раз есть дом, может остался и его обитатель, что с того, что мир виртуальный.

— Среди братии нет никого с именем Тахл. Из молельни ордена у нас пропала статуя святого Эльрика, не желаешь…

— Нет!

Что ж, попробовать стоило, ибо виртуальный город вокруг меня, был Вароссом, точнее Вароссом далекого прошлого, времен Бога-царя Хуан-ди, тщательно реконструированным по древним документам и хроникам, так во всяком случае уверяли создатели.

Я взглянул на небо — дымка Божественной Пелены отсвечивала голубым в лучах полуденного солнца. Считалось, в те времена земля представляла собой снежную пустыню, а такие вот пелены, созданные Атомными Богами, защищали города, в которых бурлила жизнь. Так это, нет, кто теперь проверит.

— Попалась, принцесса! Давай посмотрим, что ты там прячешь под юбкой от честных граждан.

— Пусти!

— Чего ломаешься, ты же сама виляла задом, а теперь корчишь из себя недотрогу!

Я заглянул за угол, откуда доносились голоса. Трое теней копошились в темноте переулка.

— Пусти, или…

— Или что?

— Помочь? — в глазах добавилось яркости, и я рассмотрел двоих измененных с крысиными головами на человеческих телах. Один (крысооборотень, класс — вор, игрок, уровень — 27) прижимал к стене симпатичную девушку (человек, класс — жрец, игрок, уровень — 5). Второй увлеченно шарил у нее в котомке.

Они кинули взгляд на меня, оценили мой уровень.

— Шел бы ты отсюда, нуб.

Да, в их глазах я не выглядел серьёзным противником, как и в глазах жертвы — защитником. У меня, конечно, имелись кое-

какие козыри в рукаве, но сейчас было не место и не время демонстрировать это.

— На соседней улице, я видел отряд стражников, он как раз идет в эту сторону. Интересно, если я сейчас закричу, сколько времени им понадобиться, чтобы добежать до угла?

Крысооборотни переглянулись.

— Пепито, пусти ее, уходим! А с тобой, нуб, мы еще поквитаемся!

Опустившись на четвереньки, парочка припустила по переулку, из аккуратно вырезанных дырок в штанах торчали розовые худые хвосты.

Девушка кинулась к котомке, порылась в ней, раздосадованная опустилась прямо на мостовую.

— Много взяли? — я рассматривал спасенную. Невысокая, но под бесформенным балахоном проглядывает ладная фигурка, впрочем, здесь все женщины щеголяют отменными фигурами, а мужики накаченными торсами.

— Почти все. Атомные Боги, кто тебя просил вмешиваться!

Признаться, я оторопел, вот это финт, вместо благодарности.

— Я тоже видела стражников, еще немного, и они бы повязали этих супчиков, а там — прямая дорога на рудники, хотя многие выбирают арену.

Избавляя меня от ответа, прозвучал первый удар гонга, призывающий зрителей. Кивнув незнакомке, я двинулся туда. Город я еще не исходил, поэтому видимым оставался только кусок карты, но все равно большинство прохожих, словно загипнотизированные, начали двигаться в одном направлении, к арене. Хотя, насчет гипноза недалеко от истины, у многих НИПов ежедневное посещение арены прописано в сценарии персонажа.

* * *

моего сегодняшнего потенциального нанимателя звали

Моего сегодняшнего потенциального нанимателя звали Тан Джеминг, и был он из Семьи Тан, как некогда и я. Ни в прошлой жизни, ни в нынешней мы с ним не пересекались, да в принципе и не могли — мой отец занимал один из ведущих постов, входил в совет, отец Джеминга руководил несколькими фабриками по производству шелка. Сын пошел по его стопам, сейчас занимая должность заведующего тутовыми садами. Это было пока все, что я понимал. Зачем ему убийца, да еще из бывших своих, надеялся, когда-нибудь все-таки узнаю.

— Он сбежал, — Джеминг, наконец, опустился на диван — белый, слоновья кожа, вставки из перламутра. Слонами тоже заведовала Семья Тан, специальные фермы, ближе к экватору, занимали огромные территории. В дело шло все — мясо, кости, бивни, шкура, особенно ценились слоны-альбиносы. — Мой клон, — виновато свесив голову, продолжил Джеминг.

— Клон? — вот тут пришла пора удивляться.

— Только не делай вид, что не понимаешь! Ну же, когда рождается кто-то из Семей большой пятерки, с него сразу делают клона. На случай аварии, болезни и всего такого. Это ж мешок с органами, готовыми к трансплантации. Ходят слухи, даже некоторое родители, потеряв ребенка в достаточно раннем возрасте, оживляют и воспитывают клона. Ну, это конечно, жуть какая-то, — Джеминг посмотрел на меня. — Погоди, ты что, не в курсе?

Я отрицательно покачал головой. Выходит, у меня был клон — существо во всем, в том числе и в генетическом коде, схожее со мной… и у Марико…

— А, ну да, ты же рано ушел, — Джеминг покивал чему-то своему.

— Прости, что?

— Детям не говорят о клонах — оберегают психику, да и некоторые канючить начнут: хочу братика! Хотя основное, конечно, разболтать могут. Закон о клонах, сам понимаешь.

Да, я понимал — клонирование людей запрещено, впрочем, Семьям не впервой нарушать законы. Да и, наверное, те, кто надо — знали. Однако, не стоило сбрасывать со счетов и общественное мнение. Иногда Семьи в нем нуждались, особенно, когда проталкивали своих людей на государственные посты.

— Но погоди, если у меня был клон… а я ушел из Семьи, где он сейчас?

Джеминг пожал плечами.

— Откуда знаю, утилизировали, наверное.

* * *

Рядом с ареной играла музыка, в своих ларьках принимали ставки букмекеры, на стене каждого — обязательная лицензия; соперничая с музыкой, орали лоточные торговцы и, конечно же, надрывались зрители.

— Ставлю, что сегодняшний не продержится и двух минут.

— Ставлю на четыре, четыре минуты.

— Одна, в течение минуты Дракон его прикончит.

— Минута? Да сегодняшний противник Дракона сам Мясник Цимбалл!

— Неужто?

— Ага.

— Так он же, кажись, должен болтаться на виселице. Сколько человек он зарезал? Двадцать?

— Пятьдесят! По договоренности, смертную казнь заменили схваткой с Драконом. Если продержится больше десяти минут, ему даруют жизнь.

— Десять минут? Однако…

У входа нужно было заплатить, причем билеты в первые ряды начинались от тысячи токенов. Я запустил руку в карман, вызвал читовую консоль, которой заказчики снабдили меня перед входом в вирт, секунда, и пальцы мои уже ласкали ребристые бока местной валюты. Подумав, купил место в первом ряду, а что, могу себе позволить.

Скамьи были простые, деревянные, насколько мог заметить, моя, кроме расположения, ничем не отличалась от таких же сверху.

Наконец, появился распорядитель.

«Счастлив народ Варосса!» — именно такие слова предваряли сегодняшнюю схватку.

Я окинул взглядом трибуны — полный аншлаг. Прямо напротив меня находилась правительственная ложа. Местный герцог — безусый юноша, почти мальчик, облаченный в синие с золотом одежды, недовольно морщил губы.

Наконец, после непродолжительной речи, которую я не слушал, распорядитель взмахнул белым платком, давая начало схватке.

— Мистер Ювэй? — он сидел передо мной — заказчик, по его настоянию, встреча происходила в вирте.

Как все приличные бизнесмены, я купил часть вирт-памяти и обустроил себе офис, не слишком роскошный, но и не конуру. Больше того, я решил работать под своим настоящим именем, хотя фамилию все же скрывал.

— Вы писали у вас дело особого рода.

— Да, да, — заказчик выглядел, как пузырь, надутый пузырь желтого цвета, на котором схематично нарисованы глаза и рот. Звук исходил из него, хотя во время речи рот не шевелился. — Я представляю, в некотором роде, группу людей, владеющих виртуальной игрой, «Амалормские легенды», — возможно, вы слышали.

— Я не интересуюсь играми.

— «Легенды» не совсем игра, это как бы, целый игровой мир, сообщество, одновременно времяпрепровождение и стиль жизни, для некоторых: работа и хобби.

— Что вы хотите от меня? — решил я перейти к делу, пока этот шар не вручил мне чего доброго рекламный буклет.

Змеиное тело сделало выпад, человек взмахнул мечом. Отточенная сталь скрежетнула по переливающейся чешуе. «Количество чешуек — сто семнадцать», — выскочило сообщение на консоли, хотя я, собственно, не спрашивал.

Народ на трибунах животным ревом встретил развитие боя.

Держа меч наготове, человек попытался зайти в бок твари. «Голова верблюда, рога оленя, глаза демона, шея змеи, чешуя карпа, когти орла, лапы тигра и уши коровы», — продолжала сыпать информацией консоль, хотя то, что я видел перед собой, на арене, несколько разнилось с описанием Дракона.

Чешуйчатое тело переменило позу, двигаясь со скоростью летящей стрелы. Похожая на… пусть будет верблюжью, голова открыла пасть, явив противнику набор великолепных белых зубов, величиной с его ладонь каждый.

Голый по пояс НИП над правительственной ложей, с натугой поднял немаленькую колотушку и ударил по медной пластине гонга, три раза.

Значит, пошла четвертая минута поединка.

— Многие клиенты проводят в нашей игре большую часть времени, можно сказать, живут в ней.

Это все еще не объясняло визит шара ко мне. Уход в вирт — бич нашего века. Что ж делать, когда реальность принуждает.

— Вы не подумайте, мы не какие-нибудь дома удовольствий, в мире «Легенд» можно вести вполне полноценную, я бы даже сказал, насыщенную жизнь. Многие женятся, заводят семьи,

некоторые даже обогащаются…

— Вы так и не сказали, чего хотите от меня?

— Гляди, гляди, хвост свивает, сейчас, прыгать будет, точно говорю!

Словно услышав болельщика, змеиное тело, распрямившейся пружиной, взвилось в воздух.

Человек тоже оказался не промах. Подогнув ноги, он перекатился по песку арены.

Морда (верблюжья) ударила в то место, где противник находился минуту назад.

Не теряя времени, человек подлез под брюхо и попытался проткнуть более мягкую на вид плоть, покрывающую низ чудовища. Меч со знакомым скрежетом скользнул по чешуе.

Дракон яростно взревел, взмах передней лапы (тигра), и кровь брызнула из рассеченных тканей руки.

Пять раз ударил гонг — пошла шестая минута.

— Одним из средств обогащения, в нашем мире является, как бы это — Дракон.

— Дракон?

— Ну да, — это невероятно, но, казалось шар смутился. — Ничего не подумайте, в, так сказать, одном из городов имеет место арена, так вот любой, кто осмелится выйти на нее и выстоять десять минут в бою с Драконом, получит, я бы сказал, довольно неплохой бонус.

— Очень интересно, — я почти не покривил душой.

Я переключил внимание с того, что происходило на арене, на правителя. В продолжение боя ребенок нервно покусывал по девичьи пухлые губы, и вообще выказывал неподдельный интерес.

Привычные данные персонажа не появились — он был одним из ВИП-клиентов, даже для меня — обладателя читерской консоли и нескольких новейших скриптов, они оставались закрыты.

Мог ли он быть тем, кто мне нужен? Конечно, мог. И даже более чем вероятно, вон как глазенки-то блестят.

— Так вот, в последнее время наблюдаются, ка бы это… некоторые неудобства. Говоря проще — Дракон убивает игроков.

М-да, куда уж неудобнее.

Я и не заметил, когда прозвучали следующие удары гонга.

Происходящее на арене неожиданно заинтересовало меня. Дракон уже раз десять имел возможность убить человека. Но нет, он играл с ним, нанося своим смертельным арсеналом не роковые, но весьма чувствительные раны.

Бедный Цимбалл не в силах быстро передвигаться, уже просто катался по песку, окрашивая желтое поле бурыми

пятнами.

Он с трудом поднимался, делал несколько шагов, чтобы вновь упасть, сбитый змеиным хвостом.

Трибуны ревели. Гонг ударил девять раз.

— Такого никогда не было, да что там — просто не могло быть. Дракон — НИП, компьютерная программа, неигровой персонаж, однако кто-то из игроков, мы уверены в этом, получил над ним, как бы это, контроль, — шар замолчал, ожидая моей реакции, когда ее не последовало, продолжил. — Как я уже говорил, «Легенды» предоставляют игрокам возможность полного погружения, то есть, это значит…

— Я знаю, что это значит, — перебил я. — Находясь внутри, игрок не помнит другой жизни, полностью отождествляя себя с персонажем. И что, кто-то соглашается на это?

— Я бы сказал, весьма охотно. Это совершенно другой уровень игры, конечно, по возвращении, их воспоминания возвращаются к ним, но, когда там, он, что называется, живет.

— И если убить такого игрока в виртуальном мире, он умрет и здесь, — ну, это стандартный аргумент, против полного погружения, хотя создатели игр и прочих реальностей в один голос уверяют, что они полностью безопасны.

Правитель в нетерпении поднялся со своего места. Еще бы — последняя минута боя.

Я снова обвел взглядом трибуны. Определенно, тот, кто управляет драконом где-то здесь. Происходящее имеет для него какой-то смысл. Может, месть? Или просто желание убивать.

— Ладно рядовых игроков, но жертвой Дракона стало несколько ВИП-клиентов, а это уже, как вы понимаете, чревато. Кстати, я напоминаю, вы подписали соглашение о неразглашении. Ну так вот, нам пока удается заминать конфликт, пока, однако, как вы понимаете, долго это продолжаться не может.

— Чего проще, это же вирт, удалите вашего Дракона, и дело с концом.

Шар поднялся вверх, опустился на прежнее место, может он так вздыхает, или плечами пожимает.

— Это не так просто сделать, как может показаться на первый взгляд. На Драконе завязано множество квестовых заданий, в том числе и определяющих. Дракон, это целая субкультура, в рамках «Легенд» — мифология. Куда проще отыскать, так сказать, кто завладел данным персонажем.

— Когда отыщу, вы хотите, чтобы я его убил? — наконец-то мы перешли к сути дела.

— Ну, убить, мистер Ювэй, я напоминаю, это всего лишь

виртуальная реальность, игра, я бы не употреблял столь громких слов…

— Если тот, кто завладел Драконом полностью погружен в вашу игру, смерть там, сделает мертвым его здесь.

Шар снова поднялся, затем опустился.

— Мы готовы пойти на эту жертву, естественно, во имя остальных игроков.

— Естественно.

Секунды убегали со скоростью лет. Понимая, что если продержится, ему суждено жить, человек попытался просто доползти до ограждения. Подальше от ужасной твари.

Красиво разевая рот, Дракон подошел к несчастному.

Не торопясь, словно зная счет времени, чешуйчатый хвост обвился вокруг кровоточащего тела.

Трибуны взвыли, у Цимбалла не осталось сил даже на крик.

Медленно кольца начали сжиматься.

НИП поднял колотушку.

Охрипшие зрители срывали остатки голосов.

НИП размахнулся.

За мгновение до того, как войлочный конец палки обрушился на звенящую медь, кольца хвоста сделали последнее усилие.

Раздался хруст, и он слился в прощальном гимне с чистым звуком гонга.

Трибуны ахнули.

Правитель без сил опустился на позолоченный трон.

Чудовище же распустило кольца, брезгливо скинув с себя безжизненную ношу.

Вразвалочку, герой арены удалился за зубчатую решетку, в черный проход из которого появился немногим больше десяти минут назад.

* * *

тан Джеминг снова поднялся

Тан Джеминг снова поднялся, снова прошел к бару, снова налил, на этот раз на два пальца чего-то бурого из графина с притертой пробкой. При желании я бы мог определить состав и градус напитка, но зачем.

— Мой клон сбежал! — наконец, выпалил Джеминг.

Две крышесносящие новости в один день: у меня был клон, он мог сбежать, да еще с перерывом в минуту — немного слишком.

— Как сбежал?

Джеминг виновато пожал плечами.

— Вот так.

— Погоди, погоди, — я уже мало что понимал. — Они что где-то содержатся, в каком-то доме, пансионе, я не знаю — тюрьме! — воображение тут же нарисовало огромный подземный комплекс, где в каменных камерах-мешках сидят ни в чем неповинные копии членов правления семьи Тан. Где когда-то в соседних камерах держали меня, Марико, отца, мать…

— Да ты что! — возмутился Джеминг, — мы не звери! Нет, они в специальных баках, плавают, без сознания, растут…

— Та-ак, — градус непонимания увеличивался, совсем как градус выпиваемого Джемингом. Я подумал и сказал, — давай!

— Что, давай? — не понял он.

— Налей чего-нибудь из своего бара, чего-то покрепче.

— А-а, — он понимающе подмигнул. Кипарисовые створки вновь открылись, и мне было поднесена та самая жидкость из графина. — Семилетнее, — подмигнул Джеминг, и я так и не понял, что: бренди, виски?

— Если твой клон содержался в, как ты говоришь, специальном баке, каким образом он сбежал оттуда? — как некоторым временем ранее Джеминг, я также не разобрал ни вкуса, ни крепости напитка. — А даже, если непонятным чудом сбежал, он же, наверное, вообще не разговаривает! И не ходит!

Джеминг виновато смотрел на меня.

— Ты же понимаешь, жизнь слишком короткая штука, чтобы тратить ее на все эти посещения университета, нудные лекции, потом заседания совета директоров, летучки…

— Ты оживил своего клона?

Джеминг вздохнул.

— Больше того, обучил его, адаптировал к обществу и, — я прикинул возраст собеседника, — сделал это достаточно давно.

Он снова вздохнул.

— Чего ему не хватало? Как сыр в масле! Я ему квартиру снял, денег платил, потом он вместо меня по миру колесил, даже с женой моей того… этого…

— Если семья узнает, что ты оживил, больше того — выпустил клона, тебе не поздоровится.

— Всем не поздоровится, — философски заметил Джеминг.

— И ты хочешь, чтобы я его нашел?

— Я хочу, чтобы ты его убрал, по-тихому.

— А если попадешь в аварию, — не смог сдержаться от иронии я, — кто ж тебе печень даст?

— Хрен с ней, с печенью, — ирония не дошла, — тут бы голову спасти! Я сколько хочешь заплачу, только это… поскорей бы.

Ну да, всем нужна скорость, еще не встречал заказчика, который просил не торопиться с заданием.

— Как ты себе представляешь быстро найти человека? Если он знает, что ты его ищешь, а он знает, если он скрывается, на это могут уйти годы, если вообще когда-нибудь получится.

— Все продумано, — Джеминг снова подлетел к бару, нацедил себе, — будешь? — я отрицательно помотал головой. — У нас же в крови наниты, на случай похищения и всего такого. Я могу их активировать, дистанционно. Конечно, клон обнаружит и отключит, а то и удалит, но не сразу, какое-то время у нас будет, ну а там уж… — он взмахнул стаканом, слегка расплескав содержимое.

Я прикинул — может получиться.

— Мне нужны его сигнатуры: теплограмма, аура, запах и прочее.

Джеминг широко развел руки.

— Он же клон! Снимай с меня!

* * *

обмениваясь впечатлениями, зрители покидали арену

Обмениваясь впечатлениями, зрители покидали арену.

Я размышлял над своим заданием. В принципе, игрок, управляющий Драконом, мог быть кем угодно, от герцога до дешевой портовой проститутки. Однако, некоторое знание человеческой природы говорило, что он окажется явно нерядовым обывателем. Человек в конце концов взломал код игры, да он может здесь почти все! И снова мысли возвращались к мальчишке-правителю. Как ни крути, а он — наиболее вероятная кандидатура.

— Привет, помнишь меня? — обычно с такого вопроса в моей прошлой жизни начинались неприятности.

«Человек, класс — жрец, игрок, уровень — 5», — знакомые характеристики и знакомое личико.

— Жасмина, — прочел я имя девушки.

— Я тебя не поблагодарила.

— Да ладно, — встреча была несколько неожиданна, хотя, учитывая специфику мира, сейчас вполне может последовать предложение о совместном квесте. — Как ты меня нашла?

— Метку поставила, да и улица эта одна от арены.

Метка! Ну конечно, как я мог забыть, хотя, учитывая мой игровой опыт, не удивительно. Даю команду просканировать себя на наличие меток, нахожу три, все инактивирую.

— Ну, что ж, благодари, — развожу руки в стороны, словно раскрываю объятия.

Глаза девушки тут же сверкнули, словно я ей дал пощечину.

— Спасибо! — буркнула сквозь зубы и поспешно развернулась, чтобы уйти.

— Постой! — я едва успел поймать ее за локоть. — Что я такого сделал?

— Пусти! Ты такой же, вы все одинаковые! Думаешь спас дурочку, и она сразу к тебе обниматься, а там и до постели недалеко!

— Э-э, — ничего я такого не думал, да и вообще не рассматривал мир «Легенд», как полигон для сексуальных утех. Для этого есть другие виртуальные миры, реальная жизнь, в конце концов. Хотя, может девчушка из тех, что полностью гружены и для нее, это — реальная жизнь, в которую, впрочем, переносятся все комплексы и страхи той, прошлой.

Пока я думал, она вырвала рукав и убежала.

Что ж, ладно, в конце концов у меня здесь работа.

— Я бы хотел встретиться с правителем.

Начальник дворцовой стражи (человек, НИП) — самый высший чин к которому удалось мне добраться, что называется, вживую, восседал за широким пластиковым столом.

«Интересно, был ли тогда пластик?» — учитывая обстановку, больше всего ожидалось дерево.

Хмурый взгляд оглядел меня с головы до ног. Он явно обдумывал своими электронными мозгами, как бы порезче поставить на место наглого оборванца.

Я избавил его от проблемы. Моя рука опустилась в карман и выудила пару золотых токенов.

— Их светлость не шибко привечает иноземцев, — к чести начальника, или программиста, что проектировал его, он довольно быстро сориентировался. Протянул ладонь, я вложил в нее деньги. — Но, через пару дней прием будет. Герцогу поведут иноземных купцов, из толстосумов, что раскошелились за эту честь.

— Ты сделаешь так, чтобы я попал в эту группу, — еще парочка золотых перекочевала в ладонь охранника.

— Не, это выше меня, но я сведу тебя с нужным человеком.

Я шел по узенькой улочке, зажатой между серыми двух, трехэтажными домами. Несколько раз приходилось уворачиваться от помоев и нечистот, которые лили прямо из окон, на головы прохожим. Да, такой детализации никак не ожидалось. Будь это не виртуальная реальность, в городе давно вспыхнула бы какая-нибудь эпидемия.

— Ишь как брыкается, мерзавка!

— Держи!

И еще одна детализация жизни. Я пошел на звуки, на этот раз девушку грабила тройка бандитов. Ну как грабила, один заломил ей руки (Снадир Альдинг — человек (северянин), класс — вор, игрок, уровень — 12), второй увлеченно шарил у несчастной под юбкой (Сор Отважный — человек, класс — вор, уровень — 13), третий (Балин Омавель — человек (дворянин), класс — странствующий рыцарь, игрок, уровень — 21), в роскошном камзоле, при шпаге и широкополой шляпе с брезгливой миной на лице рылся в ее котомке. А девушка… девушка была та же самая — Жасмина. Притягивает она неприятности, что ли?

С пол минуты я раздумывал, помочь, или пойти дальше, признаться, памятуя последнюю реакцию спасенной, я больше склонялся к последнему.

От мук выбора меня избавил полицейский свисток. Буквально

отовсюду, на четверку посыпались синие с красным мундиры местной полиции, все НИПы, но дело это не меняло. Вскоре троица грабителей лежала мордами в мостовую, Жасмина поправляла юбки.

— Вот это улов! — заявил главный среди стражей порядка. — Банда Красавчика Балина, Дракону на ближайшие дни будет работа!

* * *

— И день сменялся ночью, и шли дожди и снега, а реки текли, впадая в океаны и моря, и доброта, и дух живущих поднялся выше самых высоких облаков, выше самых высоких пик хребта Амалорм. И, глядя на подопечных своих, наполнялось сердце Смотрителя любовью, а вместе с ней, пришло в мир чудо!

Долетел до меня обрывок речи. Какой-то парень из местных втирал местным же очередную правду жизни.

— О-о-о, — но, похоже, присутствующим нравилось.

Я свернул за угол, и окончание речи поглотил вечный шум Нижнего города. Именно сюда привел меня сигнал маячка клона. Прежде чем он отключил его, я успел выпустить три десятка минидронов, и одна из моих пташек, кажется, засекла беглеца.

Спустившись на несколько уровней вниз, я оказался в настоящей клоаке. Эдакий нижний город Нижнего города. В последнем и без того обитали далеко не сливки общества, сюда же стекались отбросы среди отбросов. Хотя и реальные отбросы стекались тоже. Город наверху жил полноценной жизнью ежедневно вырабатывая сотни тонн мусора и тысячи галлонов нечистот. Все, что не могло быть очищено и переработано в конечном итоге оказывалось здесь. Я привычно убрал обоняние и добавил зрения.

Даже не представляю себе до какого отчаяния или дна нужно дойти, чтобы жить внизу.

Дрон указывал на одну из полостей, что словно норы усеивали мокрую земляную стену, рядом с канализационными выходами. Падающая вода имела антрацитовый цвет, образовывая некое подобие подземной реки. За годы слива, русло углубилось, породив самый настоящий каньон. Вот на стенах его и чернели норы.

Ежесекундно рискуя поскользнуться и упасть, я начал спускаться по мокрой лестнице. Норы располагались ярусами, нужная мне была на втором.

Оказавшись перед ней, я вытащил любимый портативный

игломет, снял с предохранителя. Просканировал — внутри кто-то был, велел дрону залететь внутрь — этот кто-то имел стопроцентное сходство с Джемингом, во всяком случае, если верить приборам.

Не знаю почему я не бросил гранату просто завалив нору, вместе с ее обитателем, а зашел внутрь.

* * *

я отдал пятьдесят золотых этому проходимцу

— Я отдал пятьдесят золотых этому проходимцу — распорядителю.

— А я шестьдесят, да еще и герцогу придется подарить несколько тюков лучшего полотна.

— Тебе хорошо, тюки, а у меня пряности. Перец, корица. Сказали, мешок перца, или никакого разрешения на торговлю.

— Мешок!

— А ты думал, разорение одно!

Я, облаченный в соответствующие одежды, стоял среди осчастливленных аудиенцией представителей торгового сословия. Невдалеке скучала группа охраняющих дары слуг.

Мое пребывание во дворце, обошлось в шесть десятков золотых монет, виртуальных, да и не моих, так что денег было не особо жаль.

— Я вам, вот что скажу, — громче других возмущался плотный коротышка в большой цветастой чалме, прямо из которой, казалось, росла курчавая борода (Аугуриус Сиалиус — человек, класс — торговец, игрок, уровень 52). — Бывал я в разных местах, встречался со многими важными людьми и правителями тоже, но нигде, ни в одном городе не сдирают с нас — честных торговцев — столько, сколько в Вароссе при правлении этого самого — Тирсана I.

— Точно!

— Точно!

— Но дело стоит того, — возразил рослый полуорк (ВИП-клиент, данные скрыты) в украшенном лентами малиновом камзоле. — Нигде не идет так торговля, как в городе Дракона.

— Точно.

— Точно.

— А аудиенция, чего греха таить, если получим патент, дающий право торговать на всей территории герцогства, вдвойне не останемся в накладе.

— Да.

— Точно.

— Правитель Варосса, прилегающих территорий и окружающих вод, Его Светлость Тирсан I, ждет вас! — распорядитель, тот самый взяткобравец, отрабатывая полученные золотые, орал так, что закладывало уши.

Толкаясь, торговцы поспешили в аудиенц-залу.

Пока распорядитель представлял впередистоящих, а слуги, обливаясь потом, тащили к золотому трону мешки и тюки, я получил возможность как следует рассмотреть герцога.

Вблизи он оказался еще моложе, чем на трибунах. Этого облаченного властью ребенка не старили даже золотая, по-взрослому широкая герцогская тиара и роскошный трон.

«Интересно, кто он там, в реальном мире? И, если устранить его прямо сейчас?» То, что правитель города мог и не оказаться кукловодом Дракона мало волновало меня, больше то, что он — ВИП. Убери не того, и вонь поднимется до небес, это одно из первых относительно крупных дел, я зарабатывал себе имя.

В продолжение аудиенции с пухленького личика не сходило скучающее выражение. Его не согнал даже, о ужас, мешок с перцем.

— Странствующий воин с далекого востока Ювэй Ювэй!

Я выступил вперед.

Приветственную речь сократил до минимума, все одно никто не слушал.

— … и поднести скромный дар! — я сдернул шелковый платок с ларца, что держал под рукой, открыл его.

Все, в том числе и правитель, ахнули.

Необыкновенный по красоте и — главное — огромный бриллиант лежал на синем бархате. В мире «Легенд» — тысяч пятьдесят, а то и больше. Воистину, царский подарок, который я тоже за счет работодателей мог себе позволить.

Нереальная реальность имеет свои плюсы.

— Это… мне? — по-детски, спросил Тирсан I.

— Вам, ваша э-э-э светлость.

Забыв о герцогском достоинстве, правитель слетел с трона и выхватил из моих рук подарок.

— Смотри! — хвастающимся мальчишкой, он ткнул ларец под вытянутое лицо распорядителя (человек, НИП).

Купцы просто потеряли дар речи.

— Всем выйти! — крикнул правитель. — Я желаю остаться со своим другом…

— Ювэй Ювэй, — прошептал услужливый распорядитель.

— Со своим другом Ювэйем!

Дракон сегодня был, что называется, в ударе. Монстр играл с противником, словно кошка с мышью. Он гонял его по арене, несколько раз ловил, чтобы потом отпустить и даже, к восторгам зрителей, подбрасывал в воздух.

Я любовался зрелищем из герцогской ложи, наблюдая больше за маленьким болельщиком, нежели за происходящим на арене.

А наблюдать было за чем. Юноша вскакивал, что-то горячо кричал, заламывал руки. Длинные волосы прилипли к мокрому лбу, словно он сам участвовал в сражении.

Да, происходящее на арене, ему было явно небезразлично.

— Его зовут Ветиарий.

— Что, ваша светлость, — я склонился к герцогу.

— Этого, на арене, мне докладывали, у себя на родине — великий воин. Специально приехал в Варосс сразиться с Драконом.

— Как интересно.

Да, против Дракона выпускали не только преступников. Любой, продержавшийся на арене десять минут, получал виноградную гроздь, сделанную из золота и усыпанную бриллиантами. Несмотря на не очень обнадеживающую статистику, в желающих отбоя не было. Образовалась даже небольшая очередь, ведь и преступникам надо дать шанс.

Дракон взмахнул хвостом, и Ветиарий отлетел к краю арены. В принципе, исход боя был уже понятен, но Дракон словно сознательно тянул время на потеху публике… или наслаждался процессом.

Чушь! Как может наслаждаться программа?

Я вспомнил первый, виденный мной бой, тогда Дракон прикончил соперника на последних секундах… внезапно, я понял, мой наниматель ошибся, загадочный игрок не перепрограммировал Дракона; на время сражения… он сам становился им! Это все объясняло! И кровожадность чудища, и почти разумное поведение того на арене. Но, если так, тогда мальчишка-правитель им быть не может. Сейчас он здесь, рядом со мной.

Рев трибун отвлек меня от мыслей. Дракон покидал арену, виляя длинным хвостом. Несколько служителей укладывали на носилки растерзанное тело.

Тирсан I, словно лишившись остатков сил, откинулся в своем кресле.

Если я прав, задание усложнялось почти до невыполнимого, хотя оно и до этого не радовало простотой.

Выдумав какой-то незначительный предлог, я покидал арену, вместе со зрителями. Правитель города больше был мне не интересен. Как, вероятно, и я ему, ибо отпустили меня небрежным взмахом руки.

Жасмина, она стояла на том самом месте, где мы встретились во второй раз. Неужели таки решилась поблагодарить?

Девушка жадно вглядывалась в толпу, взгляд скользнул по мне, даже не задержавшись. Да, ждала она явно не меня.

Приземистый пузан (гном, класс — воин, игрок, уровень — 45), окруженный такими же низкорослыми, все в кожаных кирасах и при шлемах обратился к ней.

Жасмина резко ответила. В разговор встрял второй гном, затем третий, после чего компания низкорослых дружно заржала. Девушка побледнела.

— Ненавижу! Вас! Всех вас!

Я подошел достаточно близко, так что услышал ее крик.

— Пигалица, чего ж ты так разошлась? — первый гном попытался взять ее за локоток, то ли успокаивая, то ли у него привычка такая.

Жасмина взмахнула рукой, и гном отлетел к друзьям. Те заржали с новой силой, а Жасмина кинулась наутек.

Толпа из арены протащила меня дальше, я же внезапно понял, как смогу выполнить задание.

* * *

Он сидел на деревянном ящике в зеленоватом свете каких-то местных жуков. Грыз нечто похожее на кость. Да, если бы не приборы — существо передо мной почти утратило сходство с человеком. Грязные спутанные волосы, почти черное от грязи лицо, худое тело все в струпьях и ранах. И что она дала тебе эта свобода? Лучше бы ты не сбегал.

Я поднял игломет, клон увидел меня.

— Постой, — он поднял черную руку с обгрызенными ногтями, — не убивай.

Передо мной сидело существо вся вина которого была в том, что он созрел не в утробе матери, а в пробирке. Иногда и меньшего достаточно, я почти нажал спуск.

Существо отбросило кость, упало на грязный пол, закаталось по нему, еще больше измазываясь в грязи.

— Не убивай, не убивай, тебя он прислал, да, он?

— Он, — я кивнул отчего-то медля с работой. Нечто, то, что не дало мне прикончить несчастного Пипо в колонии любителей растений, или сдерживало мою руку при отсечении головы в пещере, мешало и сейчас. Совесть? Бред! Откуда она у наемного убмйцы?

— Смотри! — существо задрало край одежды, судя по толщине и плетению — некогда это было свитером, и ткнуло себя грязным пальцем в пузо.

Невольно я глянул, увидел мало, разве что живот был немного чище всего остального.

— Вот, вот! — он упорно тыкал себя в него, — пупок, видишь.

Кажется, да, у парня был пупок, у меня тоже есть, что с того?

— Я не клон! — закричал он. — Это он, он, клон нанял тебя, чтобы убить меня и окончательно занять мое место! Гляди еще! — он задрал штанину, не чище всего остального, — шрам! — честно говоря, я мало что видел, — старый, в детстве получил, не стал выводить. Разве у клона может быть детство? Я — человек!

Игломет опустился.

— Да, да, — человек полез ко мне, загребая грязь. — Не знаю, сколько он платит тебе, но это мои деньги! Помоги, вытащи отсюда, убей проклятого выродка, и тогда я заплачу тебе в два, нет, в пять раз больше, сколько бы он не предлагал! Он забрал у меня все — жизнь, работу, семью… — человек заплакал. — О-о, как я ненавижу! Убей, убей его, и я озолочу тебя! Никогда больше не надо будет тебе работать!

— Почему не пойдешь к Семье, не расскажешь, кто он, а кто ты, не повинишься? — вполне резонный вопрос.

— Семья! О-о, семья, наша драгоценная семейка! Да они скорее уберут меня, правда и его заодно, только бы не вылезли наши маленькие секреты! Нет, Семья нет, только убить, или он, или я!

Я спрятал оружие и направился к выходу.

— Постой, ты куда? — закричал Тан Джеминг, а получается это был он.

— Ухожу. Я не стану убивать его, как и не стану убивать тебя. Вы стоите друг друга, и вы мне одинаково противны. Если бы смог, убил бы обоих, но за это мне никто не заплатит.

Выбираясь наружу, я снова подумал, что со мной? Моральные принципы? Откуда? Если так пойдет дальше, впору менять работу.

* * *

одна тысяча девятьсот девяносто восемь

— Одна тысяча девятьсот девяносто восемь, одна тысяча девятьсот девяносто девять, две! — последний золотой токен исчез в потертом от частого употребления кошеле распорядителя боев.

Чиновник был двергом, но, располнев на хлебной должности, стал похож на гнома, что наводило на мысли о родстве двух рас, или это дизайнеры персонажей перестарались.

— Когда выйду на арену? — задал я вопрос.

— Послезавтра.

— Послезавтра? Я думал, заплатил достаточно…

— Раньше никак, завтрашний соперник уже назначен и объявлен.

— Ладно, но чтобы послезавтра я был там.

— За кого ты меня держишь!

Не прощаясь, развернулся, чтобы покинуть душное помещение под ареной.

Я был почти уверен, что распорядитель покрутил пальцем у виска. Еще бы, отдать две тысячи, чтобы ускорить свою смерть.

Солнце, хоть и виртуальное, сегодня припекало во всю.

Почти белый песок арены, ненасытной пиявкой поглощающий литры крови, скрипел под ногами. Песок все стерпит.

Отсюда, снизу, зрители сливались в безликую массу, издающую монотонный, как рой пчел, гул.

Я небрежно кивнул молодому герцогу. Тирсан I едва не вывалился из ложи, когда увидел, кто сегодня будет сражаться с монстром.

Сплюнул на песок, слюна разве что не зашипела.

Толстые прутья решетки за спиной со скрежетом начали подниматься.

Я обернулся.

Чешуйчатая лапа опустилась на горячий песок.

Толпа встретила появление любимца одобрительным ревом.

Вторая лапа опустилась рядом с наперсницей. Немигающие глаза с вертикальными щелками встретились с моими. Конечно, это все нарисовано, ненастоящее, но мне показалось, в глазах Дракона что-то мелькнуло.

За передними лапами появились задние лапы, за ними хвост,

и вот уже чудовище стояло передо мной во всей своей красе.

Невольно почувствовал некоторую слабость в коленях. С близка зверь оказался немного больше, чем с трибун, и совсем не немного страшнее.

Заметая песок длинным хвостом, Дракон пошел на меня, я не двинулся с места.

Толпа затихла.

Не мудрствуя лукаво, Дракон ударил лапой, правой, каждый коготь с мое предплечье. Я тоже, не мудрствуя лукаво, небрежно отбил удар. Удивились все: толпа, дракон и даже я сам, насколько легко это получилось. На всякий, проверил индикаторы — все на максимуме и ни один не сдвинулся — режим бога. Да, работа на хозяев игры имеет некоторые преимущества.

Опомнившись, Дракон ударил второй лапой, затем хвостом, так же небрежно, как и первый, я отбил второй удар, хвост легко перепрыгнул (ловкость 100 %), тут же сделал второй прыжок, прямо к морде чудовища, которая, вопреки канонам, на верблюжью уж никак не походила, полоснул мечом (двергский клинок, колюще-режущее, урон 100 %, износ — 0 %).

Толпа ахнула — из пореза начала сочиться кровь, естественно, зеленая. Не дожидаясь, пока Дракон придет в себя, я ударил его по лапе, по одной, затем по второй, не без удовольствия увидев, как полоска здоровья того дрогнула и поползла вниз.

— Легко было убивать слабых, теперь сам попробуй, каково на их месте!

Плевать, что зрители слышали, как я разговариваю с Драконом, с НИП-ом, который по самой своей сути, по программе не должен понимать меня.

— Даже не интересно, кто ты в реальном мире, я и так знаю — никто! Иначе зачем бы самоутверждался, убивая других.

Дракон прыгнул на меня многотонной массой, словно собирался задавить, хотя, может и собирался. Я отскочил в сторону и мой клинок вошел ему в бок, убавив еще несколько единиц здоровья.

Он зашипел, то ли от боли, то ли от обиды.

— Думал сбежать от реальности в выдуманный мир, а он оказался совсем не сказкой, как и там, здесь ты тоже — никто, один из мелких игроков, каких даже не тысячи, миллионы!

Дракон снова прыгнул, и я снова легко избежал этого.

Тут уже начали роптать зрители, многие даже не подозревали, что в игре есть режим бога, а ведь, наверняка, были и такие, что играли в «Легенды» годами.

«Если он возможен — то почему его нет у меня? И что такого сделал этот парень, чтобы получить режим? И вообще, он сейчас победит Дракона и заграбастает гроздь!»

По большому счету, мне было плевать на них, да и на Дракона тоже.

— Хотя, может, ты не помнишь, и теперешняя жизнь для тебя единственная реальная, а мои слова похожи на бред спятившего, но даже если это так, все равно, мы вернулись к тому с чего начали, здесь ты тоже никто и звать никак. И как любое ничтожество, утверждаешься, унижая, в твоем случае — убивая других. Единственное везение, уж не знаю каким чудом, ты получил доступ к Дракону. Но, это не продлится долго, пора кончать представление.

Я включил режим ускорения, и побежал вокруг Дракона, нанося массу ударов, полоса его здоровья медленно, но уверенно поползла вниз.

Дракон ревел, вертелся, махал лапами и всячески пытался меня достать, но — это игра, здесь побеждает тот, у кого выше уровень и навыки, а выше, чем у меня, их ни у кого быть просто не могло.

Зрители ревели, почище, чем убиваемый Дракон. Единственная проблема — жара, пить хотелось ужасно, но ничего, все равно это не продлится долго.

Наконец, здоровья у твари остались считанные единицы: десять, девять, восемь, он уже не пытался достать меня, он пытался сбежать, как сбегали до него несчастные с арены. Он уже не рычал, а скулил.

— Поднимите решетку! Поднимите решетку! — среди рева толпы ухо чудом различило крик герцога.

Услышал не только я, решетка начала медленно подниматься, увидев это, Дракон юркнул в спасительный проход, оцарапав спину об острые прутья и убрав еще процент от здоровья.

Я только усмехнулся, помахивая мечом, побежал за ним.

Я нагнал его почти у самого логова, индикатор здоровья стоял на пятерке, пол и стены были заляпаны зеленой кровью. Я замахнулся, как надеялся для последнего удара, тем более, что потолок оказался низкий и, чтобы достать до головы и шеи не нужно было прыгать.

— Стой!

Я удивился, неужели тварь еще и разговаривает, да у нее ж речевой аппарат для этого не приспособлен. Однако, Дракон менялся, втянулись лапы, укоротилось туловище, голова стала округлой, даже кровь, что сочилась из многочисленных ран

начала краснеть.

Секунду, и передо мной стояла голая окровавленная девушка.

Я даже не удивился, когда узнал ее.

— Жасмина.

— Почему ты хочешь меня убить?

— А почему ты убивала всех этих людей?

— Я… они заслуживали!

— Вот и ты заслужила, — контракт есть контракт, я завоевывал себе имя и не мог позволить провалить задание.

Меч легко вошел в девичье тело, и индикатор у нее над головой погас.

Была ли она из тех игроков, кто полностью погрузился в вирт и, убив ее здесь, я умертвил ее (или его) в реальном мире. Или сейчас она очнулась у себя дома, я не знал. Хоть так, хоть так — задание я выполнил. Даже если второе, программистам компании ничего не стоит вычислить того, кто стоял за Жасминой. А Дракон, Дракона придется создавать заново, и быстро, чтобы показать зрителям мертвое тело моего персонажа и победившую тварь, в конце концов на него же завязано многое.

Я вызвал консоль, и запустил команду на выход из вирта.

* * *

— Дело сделано? — встретил меня Джеминг, точнее — клон Джеминга.

— Нет, — я покачал головой, — он сбежал.

— Но ты его видел? Разговаривал? — ответ на этот вопрос для него важен весьма.

— Разговаривал, — не стал скрывать я.

— Что… что он тебе сказал? — затрясся клон.

— Ничего, — я взглянул на него в упор. — Пупок показал.

Клон сглотнул, он был явно напуган, и тем удивительнее было, что парень нашел в себе силы пробормотать:

— Работа не сделана, оплаты не будет.

М-да, жадность человеческая, в данном случае — клонов не знает границ.

— Оставь себе, — бросил я и пошел к выходу.

У дверей обернулся.

Клон буравил меня ненавистным взглядом.

Он задумал уничтожить двойника, по сути дела — самого себя, интересно, решится ли он на убийство меня — чужого человека. И не опасно ли оставлять такого врага в живых?

Наверное, я действительно размяк, ибо я открыл дверь и

вышел.

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

— Во-от, а это у нас Торговая авеню.

Вэньян взглянул на, так называемую, «авеню» — узкая улочка ломалась и петляла адской смесью змеи и кардиограммы. Плавный поворот огибал палатку грязного сукна, торгующую такими же лохмотьями, из которых были сделаны стены, чтобы дальше изогнуться, лавируя между лотком с жаренными крысами и кучей железяк разной степени ржавости. Последняя очень напоминала свалку, но некоторые из обитателей подходили, ковыряли ту, или иную штукенцию, приценивались.

— Сегодня он проповедует на улице Масок.

— Масок? — Вэньян рассеянно и себе поднял одну из железок. К его изумлению, это оказалась киберрука, правда без большого пальца. Скособоченный торговец из-под надвинутого капюшона которого рубинами сверкали два глаза, поскрипывая механическими суставами, топтался невдалеке, к Вэньяну с провожатым он подходить не спешил.

— Да, масок, — Го Гуанг захихикал с подобострастными нотками. Вэньян не разделил его веселья, не отыскав ничего смешного в названии улицы, и Гуанг пустился в объяснения. — Видите ли, большинство обитателей Нижнего, как бы это… не совсем привлекательны по общепринятым меркам.

Вэньян огляделся — мимо него проходил киборг, кожа на лице иссохла и потрескалась, к тому же сочилась какой-то бурой вязкой массой. Да уж, не совсем — слабо сказано.

Проследив взгляд Вэньяна, Гуанг продолжил.

— Вот некоторые и предпочитают носить маски, э-э, как бы соблюдая правила приличия.

Лысый старик, судя по внешности, вполне человек, спустив рваные штаны, справлял малую нужду прямо на угол магазинчика, исходя из кричащей вывески, торгующего брендовой одеждой последних коллекций. Прыщавый тощий зад обозревала вся улица, обоняние же Вэньян давно убрал до минимума.

Точно — правила приличия, вот маски только старику и не хватало.

Нижний город, когда-то здесь сверкали огнями фешенебельные магазины, приглашали отведать экзотических блюд модные рестораны, зазывали весело и с пользой провести время всякие парки развлечений и ночные клубы. Когда-то… после Войны Корпораций в Нижний начали стекаться калеки,

нищие и отбросы того, остального мира. И рестораны, магазины и клубы предпочли отгородиться от Нижнего непробиваемыми метало-керамическими стенами, оставив улицы новым обитателям. Может, за этой самой стеной, на которую справляет малую нужду старик, находится торговый центр, мамаши выгуливают детей, играет музыка, сверкают яркие огни… Обитатели верхнего города предпочитали не думать, не замечать непрезентабельного соседства, впрочем и нижние не отставали от них, и «урод» — считалось почти ласковым наименованием верхних.

Туда где нет закона, но есть хоть какие-то деньги приходит мафия. Организация Рябого Ду контролировал один из районов Нижнего, и надо же такому случиться, именно в этом районе завелся Проповедник.

* * *

— А еще он нам всю рыбу распугал.

— И сети, не забудь про сети, старый Зурито расставил с вечера, чтобы с утра полакомиться свежей макрелью, так на утро все сети были подраны.

— Тань-у перепугал, чуть не насмерть, якорь зацепился, тот хотел высвободить, а там — он! Тань-у чуть не утонул, теперь нырять боится.

— Да, многие, многие боятся, — закивали присутствующие лысыми головами.

Мы сидели в яранге рыбаков, сложенной из ребер морского слона, которые укрыли шкурами ската. Пар из увлажнителя поднимался легким дымком, чтобы на холодном потолке осесть водной пленкой, которая возвращалась крупными редкими каплями. Казалось, белые кости некогда величественного животного, повелителя морей, плачут о своей незавидной участи.

Индикаторы показывали, что поры моей кожи были почти полностью закрыты, и все равно я сидел мокрый. Что поделать — заказчик платит, а значит — терпим.

— Зурито говорит, это Бог-демон Ихтиандр поселился в нашей бухте и, чтобы умилостивить его, нужно принести жертву, человеческую. Лучше двух.

— Вот твоего Зурито и принесем! Глупости он говорит, нет такого Бога-демона, сказки все это, страшилки для мальков.

— А вот и есть!

— А вот и нет! Зурито из ума выжил, и ты туда же!

Серые тела моих заказчиков прикрывали лишь набедренные

повязки, тоже из какой-то шкуры, но более мягкой, тела их блестели от слизи, что помогала скользить под водой, но быстро высыхала на воздухе, отсюда увлажнители. Между пальцами рук и ног виднелись перепонки.

Они были цзяоженями — людьми, созданными в незапамятные времена для жизни под водой. Причем, изменили их на генетическом уровне, так что и дети рождались такими же. Цзяожени пользовались стабильным спросом на подземных шахтах, добывающих ископаемые со дна морского, да и на буровых. Многие промышляли рыбалкой, или поиском артефактов и ценностей, коих за века эволюции скопилось на морском дне превеликое множество.

— Изничтожить бы его!

— Кого, Зуриту?

— Сам ты!.. Демона морского!

В последний год в бухте, возле которой расположилось селение цзяоженей, завелось морское чудовище. Кто описывал его, как существо с рогатой головой, козлиной бородой, львиными лапами и рыбьим хвостом, а кто говорил, что это гигантская рогатая жаба с человеческими ногами. Цзяожени пытались изничтожить его собственными силами, собрали в деревне всех, кто еще мог нырять, вооружили подводными ружьями и ножами, но морской демон, вопреки ожиданиям, оказал серьезный отпор. Многих ранил, порвал сети, которыми те пытались опутать его, напоследок выпустил пару торпед и уплыл.

— Значит так, ты, Вас-я, со своими ныряльщиками, затаишься здесь, у скал, где у него логово, ты Сер-й перекроешь выход из бухты, если вдруг он захочет уйти в море, а вы с Бор-ом будете гнать его на нас.

И вот, на завтра, был назначен очередной, как надеялись местные, последний бой, главными действующими лицами в котором должны были стать морской демон и я.

— Вы будете здесь, с нашими людьми, если поможет повелитель морей Луван, мы выгоним его на вас.

Я кивнул.

* * *

как я и докладывал, он объявился около года назад

— Как я и докладывал, он объявился около года назад, — Вэньян с Гуангом проталкивались сквозь толпу, точнее проталкивался Гуанг, Вэньян же шел в кильватере за ним, который, несмотря на имя* (Гуанг — легкий, кит.), был далеко не пушинкой. Справедливости ради, Гуанг не особо-то и толкался. Люди и не люди сами старательно расступались при его приближении, втискивая свои тела в стену рядом стоящих. — Сначала — ничего, бормотал свои проповеди калекам и попрошайкам, никому вроде не мешал, потом этих попрошаек стало больше, потом — вот, Гуанг обвел, точнее, попытался обвести своими окорокообразными руками толпу.

А толпа, надо сказать, была приличная.

И чем ближе к Проповеднику, тем плотнее становилась, так что Гуангу приходилось уже работать руками и прикрикивать.

За несколько рядов до начала, Вэньян остановил Гуанга.

— Пока хватит, послушаем отсюда.

Тот пожал плечами, мол, как скажете.

Го Гуанг был здесь кем-то вроде смотрителя. И хотя формально он подчинялся Рябому Ду, Вэньян понимал, в подконтрольном районе Гуанг был богом и царем, иногда такие местные царьки заигрывались, забывая о тех, кто стоит над ними. Этот пока вроде заискивал перед Вэньяном, но он не обманывался, стоит дать хотя бы намек, что он прознал хоть о каком-то из его темных делишек, темные имелось в виду не криминальные, а те, что идут в обход кассы Ду, и Гуанг ни секунды не задумываясь всадит в спину Вэньяна нож. Потом он конечно спишет преступление на кого-то из несчастных обитателей Нижнего, последний даже почти добровольно возьмет вину на себя, у Гуанга достаточно должников, показательно накажет и будет посыпать голову пеплом в присутствии Ду, мол «не досмотрел».

Укрытый цветастым ковром ящик на возвышении пока был пуст.

По бокам ящика стояла парочка боевых киборгов — старых, потрепанных временем и многочисленными войнами, но все равно — противники они достаточно серьезные, особенно, если их специализация — война в замкнутом пространстве.

Толпа заволновалась, занавеска за ящиком пришла в

движение, к ним вышел Проповедник.

* * *

когда все детали плана были обсуждены

Когда все детали плана были обсуждены, не без удовольствия, я вышел на воздух. Морской бриз сразу же охладил мокрое тело, и кожа начала усиленно вырабатывать тепло, испаряя влагу, о чем известило меня одно из системных сообщений.

Селение примостилось на берегу бухты у высокой скалы, на которой где-нигде росли редкие деревья непонятно как закрепившиеся в камне.

— Здесь, здесь у него логово, — у стены яранги, прислонившись спиной, сидел старик, он затянулся электронной трубкой, выпустил сизый дым и указал обгрызенным мундштуком на скалу. — Здесь его видят чаще всего, да и последний раз, когда пытались… уплывая, он скрылся в подводной пещере.

С удивлением, я заметил на боках у старика жаберные щели. Насколько знал, цзяожени впитывали кислород из воды участками кожи, свободными от слизи, выходит, он из модификантов.

— Почему же сразу не завалили вход, и дело сделано.

— Хе, хе, — старик снова затянулся, но, видно затяжка пошла не в то горло, ибо он закашлялся, — скала изрыта проходами, как сыр, всех не заделаешь. Точно, точно говорю, это Бог-демон Ихтиандр приплыл требовать положенную жертву, только когда дадим ему, он успокоится.

Я понял, этот старик и есть Зурито, о котором упоминали на совете.

Чтобы переменить тему разговора, взглянул на скалу, на вершине виднелись развалины какого-то строения.

— Что это там?

— Старый комплекс, еще с Войны Корпораций, говорят ставили опыты на людях, хотя, хе, хе, где только не ставили. А еще говорят, что у корпорации «Рейкрок» здесь была самая главная база.

Я мельком глянул в общий доступ — корпорация «Рейкрок» — одна из тех, что гремела до Войны и одна из многих, что канула в Лету, после ее окончания. Вывел карту с основными военными базами — все верно, у одной координаты сходились с моими, там был даже план, списки сотрудников и биография руководителя. Кому сейчас это интересно?

Старик снова затянулся и снова принялся кашлять, я же пошел в отведенное мне жилище — завтра предстоял нелегкий день.

* * *

К ним вышел Проповедник.

Вэньян уже знал, что увидит — сухой старик с пергаментной кожей и жидкой седой бородой. Верх головы обнимает плотная чалма белого цвета, без украшений. В общем царстве грязи и лохмотьев она смотрелась особенно зрелищно. На старике длинный стеганный халат, подпоясанный широким кушаком. Задрав тяжелые полы, под которыми обнаружились малиновые шаровары, старик при помощи одного из киборгов забрался на ящик и уселся, скрестив ноги.

Вздохнул.

До этого галдящая толпа замолчала.

— Изначальные Боги создали наш мир, — прозвучал тихий голос, — и ушли, оставив его нам и оставив Смотрителя над ним и нами. Чтобы смотрел он за тем, что происходит на земле, высоко в небе и глубоко под землей. За всем сущим и несущим. Чтобы охранял мир, будучи ему отцом, матерью и опекуном. Чтобы день сменялся ночью, а ночь — днем. Чтобы в положенное время шел снег, а в положенное — дождь. Чтобы реки не сходили с начертанных путей, а моря не покидали отведенных берегов. Чтобы дули ветры, но не ураганы. Ходили волны, но не шторма.

В принципе, пока ничего нового — дедок пересказывал давно известный миф, хотя некоторые, как вероятно и он, почитали его за правду.

— И день сменялся ночью, и шли дожди и снега, а реки текли, впадая в океаны и моря, и доброта, и дух живущих поднялся выше самых высоких облаков, выше самых высоких пик хребта Амалорм. И, глядя на подопечных своих, наполнялось сердце Смотрителя любовью, а вместе с ней, пришло в мир чудо!

— О-о-о, — единодушно родила толпа.

И здесь ничего нового, да, да, в древности люди умели творить чудеса, создавать предметы из воздуха, управлять стихиями и перемещаться в мгновение ока на огромные расстояния, а еще врачевать — все подряд и когда вздумается.

— Но мало показалось людям того, что имели. Вмешались они в божественное, в самую суть, захотели стать лучше, равными богам! И одни стали считать себя выше других! — голос Проповедника начал повышаться. — И требовать, чтобы

остальные оказывали им почести, как богам! А нет бога, среди равных, ибо все мы равны! Я равен вам, а вы — мне, и самый высокий чин равен самому последнему нищему с обочины Торговой авеню. И если кто скажет вам, что он лучше вас, бросьте в него камень! Ибо нагими приходим в этот мир, и такими же уйдем, не забрав ничего с собой! — Проповедник почти кричал, толпа же, в унисон с криком тихо подвывала. — Никто не может говорить нам, что делать, никто не может заставлять нас отдавать свое, ибо один господин в мире — Бог-смотритель и только он, поставленный Изначальными властен над нами! И нет иного, а кто говорит другое — лжец и богохульник! И плюньте в него, и бросьте в него камень!

С трудом развернувшись, Вэньян начал протискиваться обратно — что нужно, он услышал.

* * *

вода была мутная

Вода была мутная, так что пришлось активировать фильтры. Я висел в толще, прямо перед огромным входом в подводную пещеру. Миниподлодки с торпедами я разместил вокруг себя, несколько оставил в пещере, на случай, если демон прорвется. Цзяожени виделись как смутные тени, на всякий, я подсветил их зеленым, чтобы в горячке боя не пальнуть в своих. На мне был скафандр повышенной защиты, оснащенный средствами подводного выживания и убивания, собственно, поэтому-то и наняли меня, цзяожени не очень ладили с техникой.

Один из подводных людей поднял руку, призывая своих приготовиться. Я же был готов давно, ибо на радаре видел, как стая цзяоженей гнала на нас одно существо.

Зрение, усиленное линзами скафандра, рассмотрело демона задолго до того, как его увидели мои союзники. Тело было вытянутое, похожее на человечье, с двумя руками и ногами, только широкое и плоское, как у камбалы, голова лысая с гребнем, который едва заметным бугорком начинался у переносицы, чтобы вырасти в полноценный плавник на спине. Кроме гребня, на голове выделялись глаза, огромные, на пол лица, навыкате, наверняка широкоугольное зрение. Запрос, отправленный в вирт, тут же отыскал соответствие: «Боевой подводный киборг корпорации „Рейкрок“, модель 19–27 — опытная серия, выпущено десять экземпляров, по некоторым источникам — двенадцать, в боевых действиях не участвовали, судьба после окончания Войны Корпорация неизвестна». Теперь — известна, один из них плывет на меня.

Кибер выстрелил первым, безошибочно выделив меня, как главного противника, две тепловые торпеды. Мой скафандр сделал маневр уклонения, одновременно понижая температуру внешней оболочки. В ответ я выпустил несколько торпед, пометив 19–27, как цель. Тот резко развернулся и поплыл навстречу загонщикам. Цзяожени увидев, что на них плывет морской демон, а главное — торпеды, кинулись в рассыпную. 19–27 поймал одного, швырнул перед торпедой, которая врезалась в человека, не взорвалась, но он умер от удара, увернулся от парочки и снова поплыл на меня. Внезапно я почувствовал холодок на бедре, и скафандр тут же разразился россыпью предупреждающих сигналов. Оказывается, 19–27 выпустил несколько тихоходных минироботов, которые присосались ко мне и сейчас буравили скафандр, один на ноге уже добрался до подложки. Скафандр

прыснул герметиком, и нога занемела, оставшихся роботов он попытался уничтожить, пустив электрический разряд по внешней оболочке. Вопреки ожиданию, роботы не опали, а принялись вгрызаться с удвоенной силой, видимо, они были снабжены чем-то вроде конденсаторов, и ток только усилил их. Если они прорвутся все, я просто захлебнусь.

Я понял, что проиграл бой, даже не начав его. Еще бы, я готовился сражаться с морским демоном, а не с боевым киборгом.

19–27 между тем, обогнув нас, скрылся в пещере, несколько вспышек блеснули в темноте — мои подлодки были уничтожены. Я поспешно дал команду на всплытие.

* * *

— Сегодня еще ничего, — Вэньян с Гуангом шли по улице Изменений. По обочинам высились цилиндрические аквариумы в которых, словно в витринах плавали многочисленные тела. Хотя, аквариумы и были витринами, ты мог выбрать любые модификации: от шипованных плавников, как у рыб побережья Рог, до щупалец на лице, вместо бороды. А мог стать красавчиком, или красавицей, по последней моде. — Обычно он кричит, чтобы никому не платили, а один раз даже призывал пойти громить лавки и дома богатых, а потом разделить добро поровну. Собирать дань стало труднее.

На ярких панелях переливались строчки прейскуранта. Вэньян вчитался в парочку — весьма, весьма приемлемо, он и не думал, что внизу делают модификации, да еще так недорого, хотя последнее как раз наводило на размышления, а все ли в порядке с изменениями и не отвалятся, скажем, плавники или щупальца через неделю носки, а за внешним блеском вожделенного тела вполне может скрываться гниющее нутро.

Заметив взгляд Вэньяна, который тот задержал на одном из аквариумов, в мутной жиже плавала симпатичная темноволосая девушка с пышными формами, Гуанг заискивающе продолжил:

— Не желаете, так сказать, культурно провести время? Есть очень даже ничего, например, женщины-змеи, женщины-черепахи, одна — саламандра, последнюю очень рекомендую.

Вэньян покачал головой.

— Мальчики? Мужчины-кентавры и мужчины-пауки?

— Тихое место, где бы я мог спокойно поговорить с Рябым Ду.

— Да, да, конечно, прошу за мной.

* * *

флайер завис над горой

Флайер завис над горой, стены комплекса еще сохранились, но здания за ними были полуразрушены. Такие комплексы строили на века, даже отрезанные от всего мира, они могли функционировать годами, благодаря автономным источникам энергии, запасам продуктов и теплицам. Видимо, этот подвергся бомбежке. Хотя все равно большая часть была спрятана в толще скалы.

На подлете следовало быть особенно осторожным, на подобных этой старых военных базах могли остаться охранные дроны, которые, спустя десятилетия еще функционировали. Истории о сбитых флайерах и незадачливых путешественниках ходили тысячами. Я осторожно опустил флайер — ничего. Ну и хорошо.

Выпрыгнул наружу, за мной выпорхнула стайка дронов. Снаружи комплекс был экранирован и не сканировался, я надеялся, внутри ситуация переменится.

Через пролом в стене ступил внутрь. А ведь каких-то сто лет назад, здесь шла битва, умирали защитники и нападавшие, рушились судьбы, совершались подвиги… во имя чего?.. даже имя корпорации почти забыто, не говоря уже об именах героев войны.

Просканировал снова — на два уровня вниз, в левом крыле сканер показал биоэнергетический след. По старым картам отыскав комнату управления, я перекрыл все шлюзы, как и ожидалось, электричество имелось и все работало.

Дальше начал спускаться.

Он был там, стоя на краю круглого бассейна, неуклюжий на суше. Заметив меня, 19–27 тут же прыгнул в бассейн и ушел под воду. Я видел, как он несколько раз ткнулся в стену, видимо, в то место, где был проход. Дроны окружили бассейн, я направил свое ружье на него.

— Вылезай!

19–27 еще некоторое время покружил по бассейну, грозный в водной среде, но бессильный на суше, наконец он всплыл, огромные глаза на выкате уставились на меня.

— Вылезай! — я сделал жест ружьем.

Он уцепился за край бассейна, подтянул свое тело. Я смотрел на него, надо же, сколько лет прошло, а парень, как новенький, хотя, рыбаки говорили морской демон появился последний год, может, до этого сидел где-то законсервированный, а тут — очнулся.

— Стреляй подлый эджертонец, я умру, но за меня отомстят тысячи братьев-рейкроксцев!

— Кто? — передо мной тут же появилась информация: «„Эджертон Маклэмор груп.“ — одна из активно воюющих сторон в Войне Корпораций, прекратила существование, после битвы при Воломбре». Парень, похоже, еще воюет.

— Война кончилась, — сказал я, — нет больше ни Рейкрока, ни Эджертона.

— Ты врешь!

— Посмотри сам, дай доступ, я покажу.

— Хитростью хочешь узнать секреты «Рейкрок», ха, я умру, но не выдам!

Следовало быть осторожным, этот фанатик мог кинуться на меня, и пусть он выведен для сражений в море, с создателей станется припасти кое что и для суши. Хотя, какой он фанатик, его просто запрограммировали на преданность «Рейкрок», мне стало даже жаль его.

— Посмотри сам — база разрушена, ты же можешь жить в воде, уплывай отсюда и живи.

— Мое задание охранять комплекс со стороны моря, и я с радостью погибну, выполняя его!

— Значит, не уплывешь!

— Никогда!

Сканеры показывали, в теле киборга началась какая-то активность, один из участков на телеграмме сменил цвет с синего на красный, может, он запустил самоуничтожение, может, еще что, я не стал дожидаться и выстрелил, в живот, где билось одно из сердец.

19–27 упал, активность в теле прекратилась.

— Стой! — я уже собрался добить его, выстрелив во второе сердце. — Отрежь мой спинной плавник.

— Это еще зачем?

— Во имя воинского братства, отрежь и отнеси моему командиру, славному Ковадо, скажи, что 19-27-9 умер, но не отступил и не предал! Ну же, прошу, отрежь!

— Ладно, — я выстрелил во второй раз, а, когда он умер, вытащил вибронож.

Когда улетал из селения цзяоженей я уже хотел было выбросить плавник, сам недоумевая, зачем взял его, но мой запрос, вопреки ожиданию, высветил, что некто Ковадо жив, а также его теперешнее местоположение. Я ввел во флайер новые координаты.

* * *

— Тебе поручили простое дело! Убери этого умника по-тихому, и дело с концом!

Вэньяна удостоил разговором лично Ду.

— Не получится, в любом случае полезут ученики, последователи, волнения станут разрастаться, всех не убьёшь, — возразил он боссу.

— Тогда пусть Гуанг введет в окружение кого-нибудь из своих, потолковее, когда уберем этого актеришку, наш человек займет его место, так даже лучше, будем указывать этим баранам, что делать.

Вэньян покачал головой.

— Что опять не так? — сегодня Ду был явно в духе, обычно он сразу переходил на крик и ругательства.

— Власть не проходит даром, наш человек может заиграться. Когда тебе ежедневно твердят, что ты бог, его слово, или что-то в этом роде, любой через время поверит. Тогда придется убирать уже нашего человека, а неизвестно что он может напроповедовать за это время, может, будет поздно.

— И что ты предлагаешь, оставить, как есть?

— Вы узнали, кто он.

— Говорю ж, актеришка, из бывших. Служил в каком-то театре, снимался в сериалах на десятых ролях, а на старости лет, гляди ж ты — слово Бога-смотрителя!

Вэньян подумал.

— Если он актер, пусть и из бывших, значит в нем по любому остались актерские наниты.

— Да, и что?

— Мне нужен доступ к ним, на расстоянии.

Рябой почесал щеку, звук пропал, он советовался с кем-то вне поля видимости.

— Не знаю, что ты задумал, но парни перешлют тебе программу, — звук вернулся вновь. — И, Вэнь, не подведи меня!

* * *

мои шаги отдавались гулом

Мои шаги отдавались гулом, когда я ступал по палубе Ковадо, словно ботинки колотили в колокол.

— Как его звали? — Ковадо повернул ко мне муаровую голову. От времени, от влаги и соли, линии узора поблекли, почти слились с темной, загрубевшей кожей.

— 19-27-9, - ответил я, все еще сжимая плавник.

— Давно не слыхал этих цифр. Умирая, они все завещают мне свои плавники, их создали такими, и это — последний, — человеческой у Ковадо осталась только голова, чужеродным наростом, она торчала на носу корабля, который был телом Ковадо. Некогда их ходили целые флотилии — симбионтов-кораблей. В Войну Корпораций — перебили почти всех, оставшиеся — доживали свой век, перебиваясь случайным фрахтом. Все, что они умели — плавать и убивать. Последнее — сохранило, первое — поддерживало в них жизнь. — Дети возвращаются ко мне, вместе с подарками — трупами врагов.

— Не понял?

— Разлагаясь, плавник вырабатывает токсин, через кожу он проникает в твой организм, добирается до жизненно важных органов — и ты умираешь. Они не виноваты, их создали такими.

— Ты что-то путаешь, старик, — немного грубовато ответил я, — если бы что-то такое было, мои наниты… — я не договорил, словно услышав слова живого корабля, или мои, выскочило несколько сообщений: печень функционировала на 30 процентов, легкие на 40, сердце на 50, и показатели эти стремительно уменьшались.

— Вот видишь, — Ковадо все понял о моему изменившемуся лицу. — Не переживай, у меня есть средство, спустись в низ, второй кубрик от лестницы, там шкаф, на третьей полке коробка с пробирками — в них противоядие, там должна еще остаться парочка, — я кинулся к трапу, — плавник забери, положишь в шкаф на нижнюю полку.

Темный коридор, вторые двери, шкаф, полка, трясущиеся руки хватают пробирку и опрокидывают содержимое в рот. Да, здесь может быть и токсин, но разве есть у меня выбор, я и так умираю!

Жду. Показатели перестали падать, а спустя еще минуту начали медленно подниматься.

Глянул на полку внизу — с десяток плавников уже лежало там.

* * *

Вэньян снова стоял в толпе, толстый Гуанг топтался рядом.

Старик перед ними проповедовал.

— И увидев, что сделали с миром, Смотритель оставил нас — недостойных, ушел!

Вэньян активировал полученную программу, она легко отыскала Проповедника и сконнектилась с ним. Будь он побогаче или поумнее, давно бы поставил блокировку, а так — стандартная программа, которую изначально ставят всем, кто решил посвятить свою жизнь лицедейству, причем «лицедейству» в прямом смысле слова.

— Ибо предпочли они совершенствоваться физически в ущерб духовному росту!

Из огромной галереи образов Вэньян выбрал первый, активировал.

— Но остались жемчужины, что внемлют словам правды! — по толпе пошел гул, и он отличался от одобрительного гула прошлой проповеди, ибо последнюю фразу говорила… девушка-подросток с худым острым носом и большими зубами, которые не прикрывали тонкие губы. Чалма обвисла на маленько головке, как и халат на худом тельце.

Вэньян активировал второй образ.

— Которые богаты не физически, но духовно! Сильные не телом, но духом и праведностью своей! — говорила старуха, страшная, с острым подбородком и кривыми зубами, поросшая седыми волосами бородавка смешно дергалась на верхней губе.

Проповедник не понимал, причину волнений, он-то ощущал себя, как прежде, а толпа, между тем, волновалась все заметнее.

Вэньян снова сделал изменения.

— А праведность достигается лишь многолетними лишениями и воздержанием! — говорил ребенок, и белая чалма, окончательно распустившись, сползла почти на глаза. Проповедник, наконец, понял, что происходит, но было уже поздно.

— Да он же сумасшедший! — громко крикнул Вэньян. — А ну покажи, еще чего можешь!

Он запустил цикл, и образы бывшего актера начали сменяться один за другим: мужчина в полном расцвете сил, лысый пузан, урод с ввалившимся носом, девочка-школьница, зомби, что-то похожее на сыр с глазами.

— Во дает! — хохотнул Вэньян. — Давай еще!

Холеная леди в возрасте, она же, но неухоженная, ушастый дверг, ромашка с глазками, гриб, пушистый заяц с человеческими

чертами, такой же кот.

Кто-то хохотнул рядом, кто-то дальше.

А Проповедник между тем продолжал вещать:

— И праведные наследуют мир, ибо изначально создан он для нас!

В сочетании с меняющимися образами, особенно зверушек, это, действительно, было смешно.

— А корыстолюбцы и стяжатели наследуют…

Толпа уже вовсю, что называется, ржала.

— Не, гляди, во дает!

— А уши, уши-то, так и прыгают.

— Мы должны взять свое! — в исполнении бурундука, со вздетой лапкой, фраза выглядела особенно комично.

Кивнув Гуангу, Вэньян начал протаскиваться к выходу.

Самое интересное, что Проповедник произносил ровно те же слова, что и всегда, но слова не всегда главное, точнее, не только слова. Важнее, когда и кто их произносит.

Он перекинул программу Гуангу.

Так как вокруг стоял невообразимый шум, написал сообщение.

«Еще несколько раз так поиграешься, и его уже никто не станет воспринимать всерьез. Больше того, он сам поверит, что это Бог-Смотритель, ну или Атомные покарали его, и сам отыщет за что».

Гуанг кивнул.

Вэньян не сомневался, когда все немного рассосется, Проповедника зарежут по-тихому, так сказать, во избежание.

«Ты там предлагал культурный отдых? Саламандра, или как там ее?»

ЮВЭЙ

Память. Некоторые из философов утверждают — единственное, что отличает нас от животных. Некоторые приплетают сюда еще чувства, умение образно мыслить, речь, мораль. Лично я думаю, память — это то что формирует нашу личность. В памяти мы храним свое прошлое, то, что сделало нас таким, свои равно хорошие, так и дурные поступки, обращаясь к ней, принимаем судьбоносные решения, или находим сообразные моменту слова и советы. Опыт не что иное, как память, отбери ее — и где он этот опыт, все эти заботливо накопленные за жизнь навыки инстинкты и умения. Память есть любовь, отбери ее, и бывший возлюбленный превратится в симпатичного незнакомца.

Если так рассуждать — память благо.

В большинстве случаев. В большинстве, но не во всех.

Пар многочисленных увлажнителей заполнял помещение, так что, переступив порог, я закашлялся. Вопреки опасениям, в нем ничего не было — просто вода с небольшой примесью антисептика.

— Моя кожа, она пересыхает, — пояснил голос из темноты.

Офис, расположенный на двадцатом этаже бизнес-центра Джанракты, его хозяин изнутри превратил в… пещеру. Самую настоящую, или во всяком случае такую, как представляет себе пещеры большинство. Каменные стены с разводами и потеками, капающие сталактиты, неровный пол, усыпанный щебенкой, даже не верилось, что в двух шагах позади, за дверью — светлый коридор и пластиковые панели.

В глубине, за огромным столом, стилизованном под мореный дуб, восседал он. Я посетил множество гадателей, прорицателей и прочих медиумов, прежде чем попасть сюда. Вопреки ожиданиям, многие из них не были шарлатанами. Один довольно точно описал мое прошлое, второй рассказал, что меня мучает в настоящем, третья предложила рассказать будущее, но я отказался. Мне было нужно не это.

Это был заказ на одного из политических деятелей Бенсалема — занюханного островного государства в южном море. Несмотря на декларируемую на всех углах демократию, слово «политик» у местных давно и прочно стало синонимом «бандит». Так что действовать следовало максимально осторожно — охране местных демократов позавидовал бы иной император.

Я тихо прокрался в дом ночью и так же тихо прирезал демократа, прямо в постели, рядом с парочкой любовников.

Последних также пришлось умертвить — они могли проснуться раньше времени и поднять тревогу.

Уже уходя, в коридоре, я нарвался на нее. Именно, что нарвался — коридор вел к кухне и ночью там никого не должно быть. Девушка, почти девочка, лет семнадцать, не больше. Волосы собраны сзади в хвостик, полуоткрытый в испуге рот и огромные черные глаза, действительно черные — радужка почти сливается со зрачком, или это последние так расширены. Она могла закричать, поднять тревогу, могла и не закричать, я не стал выяснять. Меч — вечный спутник, верный друг, живя собственной жизнью, оборвал и возможный крик, и жизнь.

Из глаз ушла жизнь, но этот взгляд, их чернота что-то всколыхнули в душе…

Марико!

Гадатель-прорицатель был неимоверно худ. Пергаментная — в полумраке — кожа обтягивала высокие скулы, глаза глубоко запали, нос почти ввалился, вид, что называется, краше в гроб кладут. Вместо волос, лицо-череп венчала корона из костяных наростов, над лысой макушкой они собирались в пучок, наподобие луковицы.

— Что привело тебя ко мне? — и голос подстать, словно последний выдох.

— Ты же прорицатель, — не смог сдержаться я, — сам не можешь сказать?

Он пожевал тонкими губами.

— Ты кого-то ищешь, кого-то необычного.

Не то, чтобы убитая девушка и Марико были так уж похожи, кроме глаз. Разве что возраст… и рост… и волосы… овал лица… и она тоже мертва. Существенная разница — эту безымянную девушку убил я.

Тогда, над трупом я осознал, что сам превратился в тех, кого ненавидел. Кто лишил меня близких и нормальной юности, кто сделал меня таким. Возможно, у этой девушки тоже есть брат, родные, жених… Я поклялся не убивать больше, а еще искупить, оживить ее, во что бы то ни стало.

— Ищу, мне нужен Штейн Оживляющий!

Гадатель снова пожевал.

— Бог-демон Штейн?

— Он самый.

Все мы состоим из нанитов, после смерти, они уходят, растворяются в мире, но каждый нанороботимеет свой маркер, и Бог-демон Штейн, обладал силой собрать их все, обратно, даже после смерти, если не прошло достаточно времени. Хотя и цена за это, по легендам, немалая.

— Если Бог-демон не хочет, чтобы его нашли, сделать это будет нелегко, — сказал гадатель-прорицатель.

— Ты можешь помочь, или нет?

— Я имею доступ к некоторым древним банкам памяти, даже не представляешь, сколько люди знали и сколько забыли. Исходя из этого, я могу указать место, где вероятность встретить Штейна будет наибольшей, я даже научу тебя, что делать, дабы увеличить ее. Я могу немного видеть будущее и предсказываю шанс встретиться вам, как очень высокий. Однако, моя цена будет также не мала, Ювэй.

Если он думал поразить тем, что угадал, мое имя, парень ошибся.

— Назови сумму!

Он покачал головой, отчего наросты на голове пришли в движение — надо же, оказывается это что-то вроде щупалец.

— Не в деньгах дело, ты окажешь мне услугу, очень большую услугу, хотя, возможно, для тебя она не будет такой уж сложной. Взамен, я расскажу тебе все.

— Говори.

Он назвал, и я согласился, для этого действительно потребовалась сама малость — преступить клятву.

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

— Ай дорогой, ай яхонтовый, ай соколик, дай укушу-погадаю, всю правду расскажу, что было, что бу… — увидев Минга, который выбирался из флайера вслед за Вэньяном, вампирша замолкла на полуслове.

Ринувшиеся было к нему дети со своими бусами и амулетами, тоже, словно налетели на невидимую стену. Так как других туристов больше не наблюдалось, они живо развернулись и, позвякивая товаром, затрусили обратно к лагерю.

Вэньян обратился к вампирше, что первая подошла к нему.

— Веди к главе вашего ковена.

Она окинула Вэньяна оценивающим взглядом, с ног до головы, затем Минга, или Вэньяну показалось, или клыки ее слегка удлинились, кивнула чему-то своему и, махнув им, пошла к лагерю, вслед за ребятней.

* * *

— Каждый раз, как я подплываю к острову, пила-рыба подтачивает правый борт, ближе к корме, там, где у меня мозг. Когда-нибудь у нее получится, и я пойду ко дну.

— Умрешь?

— Для нас — плавающих симбионтов, утонуть, значит — попасть в рай. Нас — мало, совсем мало. Когда уйдет последний, останется только Сикидо Саро, во время Войны Корпораций его выбросило на берег. Тело Сикидо теперь жарит солнце, никогда больше влага не омоет биосенсоры, позабытый вкус соли не потревожит чувствительные бока. Лишь во время дождей — коротких, но обильных ливней той местности, Сикидо может представить себя, бороздящим просторы океана.

— В океане высока вероятность утонуть.

— Так и будет, когда-нибудь. И, если повезёт, мой мозг умрет прежде, чем тело коснется грунта. Иногда, когда проплываю достаточно близко, ко мне долетают призывы о помощи братьев, кто лежит на дне и еще жив. Я могу только молится о них могучему Лувану — повелителю водной стихии.

— Если будет на то воля Богов-демонов, Сикидо сможет жить вечно. У вас же световые панели, покуда есть солнце, энергия будет питать его разум и тело.

— Разве это жизнь? Нас создали с тягой к морю, с ней мы и

умрем.

— Я бы сказал — из-за нее.

— Может, ты прав, Ювэй, может, прав.

Ковадо отвернул муаровую голову, вглядываясь в очертания, выступающего из тумана острова. Я нанял его — плавающего симбионта, мог бы нанять кого-то другого, но почему-то захотелось проделать этот путь именно с Ковадо.

— Как накоплю денег — поставлю победитовую пластину… если проклятая рыбина к тому времени не прикончит меня.

— Ты ее спрашивал, зачем она это делает?

— Она из низших симбионтов, тех, в которых заложено только есть и убивать. В этом ее природа, кажется, пил-рыб специально выводили для борьбы с подобными мне.

— Не очень-то у нее получается.

— Она стара, как и я.

Я вглядывался в приближающийся остров. Если верить гадателю-прорицателю — здесь, на острове, я отыщу то, что искал, вернее, кого. Плата оказалась мала и чрезмерна одновременно. Я вырезал всех гадателей Джанракты, оставив своего клиента без конкурентов и сделав полностью счастливым.

Как же иногда людям нужно мало для счастья.

* * *

Вэньян был первый раз в вампирском лагере, поэтому вовсю оглядывался по сторонам, подобно любопытствующему туристу. Непонятно, когда еще повезет попасть. Невысокие разборные домики стояли по периметру, образуя вместе с забором что-то вроде стены.

Черномазые детишки у которых только прорезались молочные клыки и которые за этими самыми стенами не давали туристам прохода, провожали Вэньяна и Минга равнодушными взглядами. Хотя нет, на Минге взгляды все же задерживались. Человеческой у Минга осталась только голова, остальное, ниже мускулистой широкой шеи, было ничем иным, как боевой машиной для убийства. Гибкие манипуляторы на месте рук со сменными наконечниками, чуть ниже подмышек выступают похожие на усеченные пирамиды излучатели фазеров, ноги трехсуставчатые, выгнутые в стороны, и третья, подобно хвосту, собранная, торчит сзади.

Маленькие вампирята были довольно симпатичны, черномазые, большеглазые, с мило торчащими клычками, да и молодые вампирши регулярно брали призовые места на всяческих

конкурсах красоты. Одно время даже была мода, и фаты всего мира наращивали клыки, красили волосы и увеличивали глаза. Хотя были и времена, когда на вампиров охотились, как на диких зверей. Все дело в том, что вампиры питались кровью людей, особенно жалуя младенцев. Впрочем, это раньше, сейчас считалось, что они поголовно перешли на синтетические заменители. Услужливый вирт подсунул Вэньяну статью о прошлогоднем вампирском погроме в Сантареле. На протяжении полугода там находили тела молодых девушек с ранками на шее и обескровленные. Не мудрствуя лукаво, местные пошли громить близстоящий ковен. И разгромили. Потом оказалось, что девушек убивал заезжий маньяк, дабы скрыть следы, выдавая свои жертвы за вампирские.

И предложение старой вампирши укусить и рассказать правду также не лишено смысла. Через кровь они как-то получали доступ к памяти клиента, выхватывая из нее наиболее яркие моменты. Что касается способности вампиров предсказывать будущее — здесь срабатывало не что иное, как статистический анализ, вкупе с особенностями менталитета и программой моделирования. Во всяком случае, так утверждало научное сообщество. На деле же, вампиры ошибались много реже, чем любые программы и анализы.

Вампирша подвела их к невысокому зданию, неотличимому от соседних.

— Там, — она кивнула на вход и, сверкнув пестрыми юбками, удалилась.

Вэньян вошел внутрь, Минг следом. Вообще-то, это Рябой настоял на сопровождении. Надо сказать, здесь он оказался прав, рядом с человеко-киборгом, Вэньян чувствовал себя увереннее.

Сразу за порогом открывался большой зал, видимо, занимающий все внутренности здания.

Глава местного ковена конечно знал об их приходе и конечно ждал их.

Это был старый сухой вампир с толстыми желтыми клыками, что нависали над широкой нижней губой. Редкие пепельные волосы он зачесал на бок, прикрывая лысину. На вампире была красная рубаха, в проеме расстегнутого ворота выглядывала массивная золотая цепь. О пристрастии вампиров к золоту ходили даже анекдоты, как и об их нелюбви к серебру.

— У наш ш Рябым никаких дел, — вместо приветствия произнес вампир, голос был похож на зловещий шёпот, к тому же, из-за массивных клыков вампир слегка шепелявил.

— В соседнем селении пропали дети, мальчик и девочка, Кай и Гретель, надеюсь слышали? — Вэньян замер перед вампиром,

Минг рядом расправил третью ногу и присел на нее, словно на импровизированный табурет.

— Шлышал, но это не мы.

— Тогда вы не будете против, если я немного осмотрюсь здесь?

Вампир пожевал губами. Было видно — он против, но отказать Рябому Ду — себе дороже, пусть даже ты ему и ничего не должен.

— Какое дело Ряшбому до детишек?

— Селение на его территории.

Вампир снова пожевал губами.

— Хорошо, ты — гошть, шмотрите.

* * *

я сошел на берег

Я сошел на берег. Обычной портовой суеты на острове не наблюдалось, да и портом это место назвать было трудно. Пластиковый причал с пол десятком суденышек разной степени утлости и парой роскошных яхт, возможно — живых. Местные рыбаки, скорее всего, швартовались дальше.

— Носильщики, носильщики, любой груз, есть паланкин!

Тучный надсмотрщик с электрохлыстом на месте одной из рук и луженой глоткой вносил некоторое разнообразие.

Рекламируемый «товар» переминался здесь же — несколько измененных, навечно согнутых в пояснице и двумя парами рук, вывернутыми наверх, так, чтобы сподручнее удерживать груз на спине.

— Господин, не желаете носильщика?

Я покачал головой.

— А девочку? — похоже, толстяк подрабатывал еще и промоутером одного из борделей. — Мальчика? Животное? Биоробота? Все сразу? Заведение мамаши Фенфанг — одно из лучших на острове. Демократичные цены, широкий выбор. Вот, — светящаяся голограмма оторвалась от ладони надсмотрщика и исчезла в складках моего одеяния. — Скажете от Ксу, специально для вас — скидка десять процентов, — маленький глаз заговорщицки подмигнул.

Неужели кто-то еще ведется на это?

Я двинулся по улице.

На остров приплывали за удовольствиями. И они их получали. Публичные дома, залы виртуальности, дегустационные бары, где можно попробовать любой наркотик, стояли вдоль улицы. Единственной улице на острове.

— Юноши, девушки, специально измененные, ради вашего удовольствия!

— Лучшие коконы вирта, с массажем и поддержанием жизнедеятельности, помесячная и погодовая аренда, от десяти лет скидка!

Возле заведений стояли зазывалы.

— Девственницы-девочки и девственницы-бабушки, на любой вкус, модифицированные и чистые, из лучших семей.

Я ухмыльнулся — разве остался хоть один человек, чье тело не подверглось перестройке?

— Голубой Дым — одна затяжка — и ты в раю! Испробуйте Голубой Дым — пробная партия, будьте первыми!

Может, прорицатель соврал? Что мог делать в подобном месте тот, кто мне нужен?

Грязная рука схватила край одежды. Как всегда, помимо воли, клинок показался из руки. В движениях не участвовал разум. Рефлексы — вживленные и обретенные двигали телом. Экономное, едва заметное движение, и горло хватателя расцветает фонтаном крови. В последний момент, когда клинок почти лизнул худую шею, я обуздал рефлексы, остановил смерть. Усилием воли заставил лезвие скрыться в руке. Нищий, безногий нищий с трудом протолкнул пустой глоток в сухое горло.

— П-подайте… — рука, ладонь которой была превращена в чашу для подаяний, причем со считывателем чип-карт, заметно дрожала, как и та, что вцепилась в одеяние.

Я брезгливо стряхнул руку. Поднял голову — «Дом удовольствий мамаши Фенфанг». Похоже, скидка мне таки пригодится.

Прорицатель сказал: «иди туда, где тебя остановит нищий». Оставалось надеяться, и в остальном тот не ошибся.

— Какой господин, какой важный господин в моем скромном доме. Господин с дороги, господин желает отдохнуть. Чай, кофе или господин желает что-то менее… традиционное.

Мамаша Фенфанг выглядела, как пышнотелая, средних лет женщина, некогда, безусловно, привлекательная, но к закату середины растерявшая большую часть красоты. С учетом современных средств омоложения и коррекции, она могла выглядеть, как захочет, так что подобная внешность была выбрана специально. Я не сомневался, в тучном теле припрятана пара-тройка сюрпризов, на случай, если клиент не в меру разойдется, или откажется платить по счетам.

— Я ищу Штейна! — также, я почти не сомневался, что сумею справиться со всеми, сколько бы их ни насчитывалось, сюрпризами мамаши.

— Штейна? — она ничуть не изменилась в лице, возможно, тех, кто всю жизнь проработал в борделе, уже ничто не могло удивить. — Боги-демоны не приходят по одному нашему желанию. У них свои желания и свои пути.

— Мне нужен Штейн, сказали, он на острове!

— Тебя не обманули, он — здесь и он же, подобно любому Богу-демону, нигде.

— Что нужно сделать, чтобы встретиться с ним?

— Возьми у меня девочку, любую.

Возможно, она водила меня за нос, а, возможно, действительно, что-то знала. За знания нужно платить.

— Вот эту, — я ткнул пальцем в одну из голограмм, что,

подобно защитному редану, возникли между мной и мамашей.

Это была девушка, блондинка, рост выше среднего, телосложение эктоморфное — мозг привычно оценивал ее, как возможного противника.

Мамаша хлопнула в ладоши, все голограммы, кроме блондинки, исчезли, а выбранная сделала шаг и погладила мою щеку. Теплая, живая рука. Забавный фокус. Интересно, как они это делают?

Мамаша назвала сумму, от которой у любого бы полезли глаза на лоб. Я не раздумывая мазнул по считывателю запястьем, мамаша кивнула, когда деньги перешли к ней.

— Пошли, — пошевелив пальчиками, девушка поманила меня за собой.

* * *

На улице мы с Мингом первым делом направились к одному из самых больших зданий, что стояли недалеко от входа. Здания традиционно не запирались — воровство внутри ковена немыслимое дело. Еще на подходе Вэньян услышал множественные девичьи крики, отнюдь не испуганные, так шумит ребятня на игровой площадке.

Открывая дверь, он уже догадывался, что увидит внутри. Дом для девочек.

До двенадцати лет дети вампиров жили с родителями, а затем, после первого укуса, их расселяли по таким вот домам — девочек отдельно, мальчиков отдельно.

Вэньян ради любопытства зашел в один из классов. Симпатичные вампирятки сидели прямо на полу, на цветастых циновках. Учительница — дородная матрона с трубкой в зубах, которую она прижала обломанным клыком, выпуская дым вещала: «Говорим быстро, задаем вопросы и постоянно дотрагиваемся до клиента. Раздражайте как можно больше коммуникационных каналов. Когда от входящего потока он на секунду зависнет, как определить это состояние мы проходили на прошлом уроке, вот здесь он ваш. Но не зевайте, зависание продолжается не больше нескольких секунд, у особо перегруженных с тугими мозгами и слабыми процессорами — до минуты. Вам нужно…»

Вэньян закрыл дверь, покинул здание, подошел к соседнему, как понял по крикам — это был дом для мальчиков. Зашел, позаглядывал в несколько классов, вышел, Минг покорно и молча двигался следом.

Наконец, их путь привел к выгребной яме. Собственно, Вэньян в первую очередь стремился именно к ней, но он благоразумно не хотел показывать, что его на самом деле интересует. Минг по его знаку поднял массивный люк, запах шибанул такой, что пришлось убрать обоняние до минимума. Яма была заполнена до половины. Вэньян бросил вниз анализатор; те, кто занимался этим постоянно, могли просто плюнуть — наниты в слюне коннектились с нанитами в организме, передавая информацию, но анализатор тоже ничего. Перед глазами тут же поплыли данные: аммиак, бактерии, сероводород, какие-то удобрения, его интересовало совсем не это — вот, следы полидексина — сильнейшего пластификатора органики, и еще ВВК-12 и 17 — геномодификантов.

Вэньян жестом показал, чтобы Минг закрыл яму.

«Просканируй энергосеть», — он не стал говорить вслух, а послал Мингу сообщение. Сам Вэньян был для такой процедуры слабоват.

«Вот», — перед глазами возник объемный план лагеря и тут же наложился на то, что видели глаза Вэньяна, только на этот раз здания и периметр опутывали цветные линии — пути и потребители энергии. Одна з линий была толще остальных и вела она в небольшое приземистое строение очень похожее на конюшню. Так и есть — широкие ворота открылись и молодой вампир в черном цилиндре, который он щегольски сбил на бок, выводил вороного шестиногого жеребца, что-то наговаривая животному в длинное ухо, похожее на заячье.

— Пошли, — Вэньян снова повернул к зданию, где заседал старый глава ковена.

* * *

в номере моя провожатая

В номере моя провожатая первым делом включила лампадку у фигурки Анаит — Богини-демона проституток и политиков, причем, последние поклонялись ей тайно, всячески отмежёвываясь от любых ассоциаций с древнейшей профессией.

— Меня зовут Ки, — голос был низкий, с хрипотцой, вроде бы не очень и женственный, но на меня подействовал. Волна возбуждения начала подниматься в теле. Внезапно и неожиданно я захотел эту девушку.

Тут же включились анализаторы, попутно переводя химический анализ в понятные термины. В воздухе небольшое количество афродизиаков, средства увеличивающего потенцию и наркотика. Последнего, не очень много, так, чтобы клиент испытал эйфорию и захотел вернуться в следующий раз именно сюда.

Организм уже нейтрализовал этот химический коктейль, хотя, если бы я захотел расслабиться, все можно вернуть.

— Я здесь, чтобы исполнить твои желания, все, — Ки опустилась на краешек кровати — большой, широкой и скромно потупила взгляд.

— Я ищу Штейна Оживляющего, знаешь, как его вызвать?

— Штейна? — она не удивилась и не изменилась в лице, наверняка, клиенты и не такое выдают. — Бог-демон появляется, когда кто-то умирает, и оживляет, или нет, но я ни разу не видела Штейна, и даже не слышала, чтобы он появлялся здесь, в нашем Доме.

— А в других Домах? — контролируемая волна ярости начала зарождаться. Похоже, мамаша Фенфанг просто решила «развести» очередного туриста. Расчет был, что в номере интересы клиента переместятся в иную плоскость.

— Не знаю, мы не общаемся… — девушка видела, что происходит со мной. Содержание возбуждающих средств упало почти до нуля, их место занял сонный газ. Концентрация почти критическая — слона можно свалить.

Не на того напали!

Я вылетел из комнаты.

Мамаша уже ждала внизу. То ли видеонаблюдение, то ли у нее с девушкой ментальная связь.

— Ты обманула меня!

— Нет, я просто… я бы сказала, потом.

— Что сказала?

— Штейн, он не часто, но появляется в Доме Весты — это по нашей стороне, через два здания…

Возможно, хозяйка просто хотела спровадить проблемного клиента, но в таком случае, должна же мамаша понимать, что я могу вернуться.

* * *

— Не могли бы вы пройти с нами? — представ во второй раз перед главой, Вэньян сразу перешел к делу.

— Што такое? Кто-то обишает? — и было непонятно, шутит он, или серьезно интересуется.

— Нет, но пройдемте, прошу вас.

Вампир вновь принялся жевать губами, и даже потеребил цепь. Пальцы у него были коричневые, худые и длинные, было ощущение, что в них совсем не осталось мяса — кожа да кости.

— Шорошо, — он поднялся. В темноте блеснули еще две цепи, над ними белели клыкастые оскалы, вскоре на свет вышли обладатели всего этого — парочка вампиров помоложе, но таких же худых, как и их глава. Хотя внешность обманчива, о силе вампиров ходили легенды.

Перед тем, как выйти на улицу старый вампир застегнул рубаху на все пуговицы, напялил невесть откуда взявшуюся широкополую шляпу и темные очки — вампиры вообще были чувствительны к свету, и с возрастом это усугублялось. Молодое сопровождение тоже защитило глаза, правый, тот, что выше — нацепил темно-синие очки с круглыми стеклами, второй — непроницаемую маску на пол лица.

Вэньян направился к конюшне, попутно связываясь с Рябым.

Когда они подошли к воротам, он уже имел, что хотел.

У ворот Вэньян посмотрел на попутчиков — глаза скрыты, и не поймешь, волнуются, или безразличны.

— Хочу, чтобы вы знали, мистер Ду сейчас напрямую подключен к моим органам чувств, он видит, осязает и слышит то же, что и я, в реальном времени. Открывай, — он кивнул Мингу.

Тот потянул одну из массивных створок на себя, петли скрипнули. Внутри все оказалось, как и в обычной конюшне — стойла, уздечки, кормушки, без запаха, ибо обоняние, убранное еще при осмотре ямы, Вэньян так и не вернул.

Он послал запрос Мингу, то перекинул ему результаты сканирования — толстый энергетический кабель, войдя в строение, разделялся на множество мелких, однако основная часть уходила под землю, в свою очередь разветвляясь там.

Вэньян подошел ко второму справа стойлу, именно там кабель уходил вниз. Пошевелил ногой сено, металлический люк нашелся почти сразу.

Вэньян выразительно посмотрел на старого вампира.

— Это личное, мы тоше мошем иметь свои шекреты, — прошелестел тот, или Вэньяну показалось, или молодые слегка придвинулись. Минг сменил манипуляторы, теперь на концах обеих рук красовалось по бластеру, фазеры под мышками тихо заурчали, переходя в боевой режим.

— Мистер Ду очень любопытен, он настаивает на том, чтобы заглянуть в подпол.

Вампир что-то сделал, люк открылся. Вэньян откинул крышку, вниз вела массивная лестница. Ему хотелось спускать туда примерно, как старому вампиру открывать этот самый подвал, но делать нечего, Вэньян пошел первым, остальные за ним.

Искать долго не пришлось — два бака для трансформаций стояли прямо посередине помещения в которое вела лестница. Вэньян взглянул на тех, кто там плавал — мальчика и девочку, все верно, они, пропавшие дети: Кай и Гретель. Кай еще сохранил человеческие пропорции, а вот тело Гретель уже подверглось серьезной перестройке, руки и ноги почти отсохли, вместо них появились щупальца с белыми присосками, груди и зад набухли, на спине бугрилось что-то вроде плавника.

«Вы видите?» — мысленно спросил он Рябого.

«Дай мне управление твоим телом», — приказал тот.

Вэньян предоставил доступ.

— Сейчас с вами будет говорить мистер Ду… — успел сказать он, перед тем, как его язык перестал принадлежать ему.

— Ты! — палец Вэньяна уперся в старого вампира, — компрачикос недоделанный, ты посмел заниматься этим на моей территории! — странное ощущение, Вэньян наблюдал за самим собой словно со стороны, хотя эта сторона была-то в самом теле! — Молчать! — крикнул он, вернее Ду, заметив, что вампир собирается что-то сказать. — Детей мы забираем, ты же мне расскажешь, кто заказчик и дашь все контакты, дальше эта сделка моя!

«Сейчас убьёт, меня и Минга, кровь выпьет, а тела в яму, — с ужасом подумал Вэньян. — Да, Рябой потом отомстит, возможно, вырежет весь ковен, но нам-то от этого не легче!» Видимо, примерно так же думал и Минг, ибо многочисленные дула его оружия давно были нацелены на вампиров.

Через несколько ударов сердца, мучительно долгих, старый вампир с трудом кивнул.

— Еще не все, — продолжил Вэньян, точнее Ду голосом Вэньяна. — В качестве наказания, мы убьём двоих ваших — мальчика и девочку.

— Нет! — крикнул вампир, а молодые оскалили клыки.

— Ты будешь со мной спорить! Я могу всех вас тут развоплотить, и буду в своем праве. Двое, и радуйся, что отделался так легко! Другим неповадно будет.

* * *

возле Дома Весты меня уже ждали

Возле Дома Весты, меня уже ждали. Все верно — хотела спровадить и ожидала, что не вернусь.

Парочка модифицированных амбалов под два метра, тела бугрятся мускулами и шипами. Вполне возможно — в горячке боя они могут вырабатывать какой-нибудь яд.

Амбалы ухмылялись. Они привыкли одним своим видом усмирять зарвавшихся клиентов. Но, перед ними не совсем обычный клиент.

Мои губы также растягивает ухмылка, клинок уже давно продолжение руки. Теперь, когда прошло достаточно времени, после изменения, появление лезвия уже не причиняет боли, я даже испытываю некоторое удовольствие от скольжения стали по телу.

Сознание почти не участвует, тело движется на рефлексах, движения совершаются до того, как разум успевает осознать содеянное. Я перехожу в это состояние стремительно, выходить — труднее.

Когда врываюсь в Дом Весты, тело покрыто кровью, но это не моя кровь. Служителей внутри нет, в холле вообще никого нет, кроме высокой, молодой женщины атлетического сложения — местная мамаша, или еще один телохранитель, впрочем, часто это — одно лицо. Облако парализующего газа опутывает меня, затем ослепляющий свет, а после — абсолютная темнота. На обычных людей, даже измененных, наверняка, действует. Мои легкие нейтрализуют токсины, зрение мгновенно переключается в ночной режим. Еще до того, как мамаша успевает выстрелить из вживленного в пальцы игломета, я протыкаю ей оба сердца — одно справа, там, где у обычных людей печень, второе по центру, пониже пупка.

Не успев даже удивиться, мамаша падает. Что ж, Бог-демон Штейн, ты приходишь, когда есть трупы, гадатель предвидел и это. В таком случае, у тебя будет повод, достаточно поводов.

Я начал подниматься на второй этаж.

Я двигался, убивал — привычное состояние, то, для чего я был переделан. Зрение одновременно работает в обычном и термо режиме. За дверью двое, один стоит, рядом с косяком, сжимая что-то холодное, наверняка — острое, вторая спряталась за кроватью, дрожащие руки обнимают ровный свет аккумуляторов — бластер, или иное энергетическое оружие. Первого убиваю прямо из коридора, лезвие аккуратно проходит,

сквозь стену и тело за ней, острый кончик взрезает пульсирующий комок сердца. Теперь вытянуть, и кровь заливает внутренности. Ударом ноги открываю дверь, падающее тело загораживает меня от первого выстрела, второй девушка сделать не успевает. Горячка боя, в моем случае — холодный расчет. Осознание содеянного придет потом, с возвращением разума и чувств. Поворот, уклонение, взмах, удар. Ничего лишнего. Штейну Оживляющему будет работа, много работы, хотя, не так много, как хотелось. Пока я возился с первыми, большая часть успела разбежаться.

Марико — это все, ради тебя!

* * *

все еще управляя телом Вэньяна

Все еще управляя телом Вэньяна, Рябой вылез на улицу, за ним остальные.

— Ты! — палец уперся в девчушку, что бежала мимо по своим детским делам, — иди сюда!

Девочка покорно подошла.

«Давай!» — Вэньян почувствовал, как его руки вытягивают из подмышечной кобуры пистолет. Собираясь к вампирам, он зарядил его патронами с серебряными пулями. В следующую секунду он вновь обрел контроль над своим телом.

Вэньян посмотрел на пистолет, на черноволосую симпатичную девчушку перед собой. Та не понимала, почему ее позвали старшие, даже глава ковена, а теперь молчат.

«Давай!» — выскочило распоряжение Рябого перед глазами.

То, что Рябой не шутил, насчет наказания, Вэньян ни секунды не сомневался, вот только он не думал, что исполнителем придется стать ему.

— Я… я не могу, — прошептал он.

«Тогда Минг убьёт тебя!»

Человеко-киборг спокойно направил дуло одного из бластеров на голову Вэньяна.

«Чистеньким хотел остаться. Ты или делаешь, что я говорю, или мне не нужен такой человек».

— Прошу… прошу, — шептал старый вампир.

Девчушка недовольно хмурила бровки.

Пистолет в руках начал подниматься.

* * *

Когда я покинул Дом Весты, на мне все еще была кровь и все еще не моя. Трупы охранников лежали там же, прохожих на улице — ни одного.

Лишь нищий, безногий нищий у борделя мамаши Фенфанг дрожал на своем месте. Интересно, в Доме остался хоть кто-нибудь? Лучше бы остался, ибо я не до конца испил желание убивать.

— П-подайте, — как и в первый раз, нищий протянул дрожащую чашу. На этот раз я не сдерживался. Взмах меча, и чаша, вместе с содержимым и частью руки, падает в пыль. Второй взмах и…

— Стой!

Нищий сглотнул тяжелый комок.

Я обернулся.

Он стоял посреди улицы. Опустевшей улицы острова. Выглядел он точно, как на изображениях — безусый юноша с длинными волосами и жидкой бородой. Повинуясь движению Бога-демона, раны охранников начали затягиваться. Миг, и оба здоровяка поднялись, удивленно моргая. В борделе, наверняка, происходило то же самое.

— Ты искал меня?

— Да, Штейн.

— Зачем?

У нищего отрастала рука. Стремительно, вместе с плошкой.

— Я хотел… — Боги-демоны могут читать не только в сознаниях, но и в душах, я открылся ему, весь, снял все блоки, давая полный доступ.

На юношеском лице не отражалось никаких эмоций. Однако, губы разлепились.

— Значит, исправился, да. Раскаиваешься, решил искупить. А скольких ты убил, во имя искупления?

— Но, я же…

— Надеешься одним добрым делом исправить все зло, что совершал до этого и после? Заслужить прощение? Так не бывает. В Рай не попасть, устилая дорогу трупами. И совершаешь ты все это не ради убиенной тобой, тебе плевать на нее, на всех, кто встречался на пути, кроме себя. Зло, совершенное, во имя каких бы то ни было целей, не перестанет быть злом. Живи же и дальше с этим.

Нет, Бог-демон не прав, я не такой! Я изменился, и я докажу!

— Возьми мою жизнь, мою душу, но оживи ее, девушку!

Вот так — самопожертвование — высшая ступень очищения!

Бог-демон покачал головой.

— Возможно, когда-то, но сейчас твоя душа настолько пропащая, что даже демоны брезгуют ей. Оставь себе. Когда придет время, кто-нибудь подберет… наверное.

* * *

Когда он вернулся домой, Мей не было.

«Опять шляется по своим магазинам!» — со злостью подумал Вэньян, хотел было набрать ее, но передумал.

Еще хотелось напиться, причем, не нанитами, что могли синтезировать алкоголь прямо в кишечнике, а старым добрым

способом. Вэньян направился к бару, в который много чего покупал, но редко заглядывал.

Когда Мей пришла, он уже был хорошо на подпитии.

Встретил на пороге.

Замахнувшись влепил пощечину, не сильно, но чтобы знала свое место.

— Чего зыркаешь, не нравится! — крикнул в привлекательное лицо, которое в ужасе стало не таким милым. — Могу добавить!

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

Рябой Ду, эти его задания, такой ли жизни он хотел, когда заканчивал колледж, о таком ли мечтал?

Вэньян вспомнил дни работы в «Доминант нано. груп.» — тоже далеко не предмет вожделения.

Тогда что? Чего он желает от жизни? Зачем вообще пришел в этот мир?

И сны, или видения.

Тан Ювэй.

О-о, фамилия Танов гремела, но был ли среди них кто-то с таким именем, да еще и изгнанный.

Вэньян полез в вирт, непродолжительный поиск вывел его на статью о трагедии, случившейся больше десяти лет назад. В результате грабительского нападения погиб один из Танов с семьей, в живых остался только тринадцатилетний сын, сына звали Тан Ювэй.

Вэньян почувствовал зуд, наверное так должны чувствовать себя собаки, или сыщики, которые напали на след. Даже удивительно, отчего он раньше не пытался узнать это.

Однако, дальнейшее изучение вирта ни к чему не привело. После убийства родителей, имя Ювэя нигде не всплывало, во всяком случае, в общедоступных источниках.

Перед глазами возникла физиономия Ду.

— Ты мне нужен, зайди! — и отключился, не дожидаясь утвердительного ответа.

Все верно — с Рябым не спорят.

Когда Вэньян через два дня вернулся домой, на пороге квартиры его встретили чемоданы.

— Мы переезжаем? — устало бросил вглубь.

Последние сутки пришлось разбираться с очередными неплательщиками и даже прострелить пару колен.

Мей вышла в прихожую, прижимая к груди красную клетчатую сумку — его подарок на день влюбленных, их первый совместный праздник, тогда он еще работал на «Доминант нано. груп.» как же давно и недавно это было. Сумка была дешевая, но Мей вроде радовалась.

— Я ухожу.

— Что? — усталость не отпустила, после удачного завершения дела ребята закатили банкет, так что сейчас хотелось просто выспаться.

— Ухожу, так будет лучше.

Мало ему проблем на службе, так еще и дома разбирайся.

— Ты никуда не пойдешь, — он небрежно пхнул один из чемоданов, тот упал с громким стуком.

Мей подошла, аккуратно подняла его, принялась одеваться.

— Что ты делаешь? — спросил Вэньян зло.

— Я же сказала — ухожу.

— А я сказал, что ты никуда не пойдешь!

Мей продолжала одеваться.

— Слышишь меня!

Она открыла дверь, взяла чемодан.

— Стой! — Вэньян схватил ее за руку.

— Пусти.

Он дернул, чемодан снова с грохотом упал на пол.

— Чего тебе не хватает, вон смотри, сколько шмоток набрала!

— Хорошо, я уйду так, — Мей вырвала руку, переступила чемодан.

— Дура, я же для тебя стараюсь!

— Спасибо тебе… за все.

Ярость охватила Вэньяна.

— Раздвигать ноги перед всяким сбродом, кто больше заплатил, тебе больше нравилось! А теперь, значит, спасибо!

Мей с ненавистью посмотрела на него.

— Чего зыркаешь, или я не прав!

Она залепила ему пощечину, вернее, попыталась это сделать, он понял по глазам, по жесту, маленькая ладошка поднялась, тогда Вэньян, опережая девушку, ударил ее. Со всей силы, вложив всю злость, что накопилась за прошедшие месяцы.

Мей упала словно подкошенная, висок девушки ударился об жесткий угол чемодана, оставив небольшое пятнышко крови. Она сползла на пол и замерла там, не двигаясь.

— Видишь до чего ты меня довела! — заорал Вэньян. — Что, теперь довольна!

Мей по-прежнему не двигалась, глаза девушки были закрыты.

— Вставай! — он тронул ее носком ботинка.

Мей лежала.

— Ты чего?

Тогда он только догадался просканировать.

Мей дышала, сердце билось, кислород исправно поступал в кровь, но показатели мозговой активности были почти на нуле.

— Доктор, что с ней? — спросил Вэньян врача на выходе из палаты.

Все время, пока тот был с Мей, Вэньян просидел за дверью.

«Что наделал! Что я наделал!»

Врач смерил Вэньяна с головы до пят внимательным

взглядом.

— Кома, последствие травмы. Как это произошло?

— Ну, она зацепилась, упала…

— Вы же понимаете, я должен поставить в известность полицию.

Представителей властей Вэньян боялся меньше всего.

— Она?.. С ней будет все хорошо?

— Трудно сказать. Современная медицина победила многие болезни, но взамен мы приобрели достаточное количество новых. Наниты сбоят, их программы вступают в конфликт, не так коннектятся, а мозг, перегруженный имплантами, информацией и усовершенствованиями, вынужден еще и управлять всем этим.

— Если дело в деньгах…

Доктор покачал головой.

— Молитесь Богам-демонам, каких знаете, и надейтесь на чудо.

ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ

Кто я?

Тан Ювэй — удавшийся мститель, изгнанный из собственного клана?

Вон Вэньян — безвестный служащий, борющийся за любовь?

Две жизни, пока разделенные, плавно сливаются в одну, во всяком случае, в моей голове.

Мей! Я люблю эту девушку, всей душей, больше жизни, хотя не видел ни разу в этой самой жизни.

Разве можно любить кого-то из грез?

Собственное детство.

Детство Вэньяна.

Дни ученичества в школе Хакуун.

Дни работы в «Доминант нано. груп.»

Все спуталось, наслоилось и порою невозможно разделить, где я, а где он.

Я не могу больше убивать.

Мне предлагают новые контракты, а я отказываюсь.

Да и те, что взял.

Убийство Пипо в коммуне Цайхэ, устранение клона — ни один толком не выполнил, разве кроме рубки голов мумиям.

Не аукнется ли в дальнейшем моя доброта?

Я — Тан Ювэй проживаю словно не свою жизнь, не свою судьбу.

Циньгуан — Бог-демон судьбы ужели ты сыграл со мной злую шутку?

Если я провинился перед тобой, прошу прощения.

Я беру наносвечи и возжигаю их у домашнего алтаря, во славу Циньгуана. У него нет храмов, иначе бы я пошел и молился.

Вспоминаю слова ученого о том, что сила Богов-демонов в нанитах. Но, если у Циньгуана нет святой земли в которой хоронили бы умерших, нет иных церемоний, с чего же Бог-демон получает свои наниты?

Может, Циньгуан давно умер и наши молитвы, чаяния и проклены — пустой звук, бессмысленное сотрясание воздуха?

Если так, на кого же уповать? Кому пенять и кого просить о снисхождении?

Я — наемный убийца, но я не приспособлен к этому, несмотря на все усовершенствования. Теперь понимаю. Мне ближе Вэньян со своими комплексами, рефлексией, неуверенностью и страхами.

Когда же это все началось?

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

Рябой Ду поднял на Вэньяна взгляд маленьких глаз.

— Повтори.

Странно, раньше бы он испытывал страх, да что там, взгляни на него так кто и пожиже Рябого, Вэньян бы умер от ужаса. Сейчас ему было все равно, и он повторил:

— Я ухожу.

Ду пожевал губами, скосил взгляд на Большелобого Сию, который также присутствовал при встрече.

— И как ты думаешь, что я должен сделать?

Вэньян пожал плечами.

— Отпустите.

Губы Ду снова пришли в движение, он словно разговаривал сам с собой, хотя может так оно и было.

— Напомни, не ты ли приполз ко мне разве что не умоляя принять тебя в организацию?

Вэньян молчал, вопрос явно относился к разряду риторических. Если захочет, Рябой его отпустит, если нет… на все воля Циньгуана.

— Это все из-за твоей…

Ду не стал развивать мысль, и Вэньян был ему благодарен. Назови он Мей «девкой», или еще как, Вэньян бы кинулся на Рябого. Вряд ли успел нанести существенный урон, и это стало бы последним деянием в жизни Вона Вэньяна. Ду пожалел либо его чувства, либо его самого, хотя может просто задумался о своем.

— Держи, — от Рябого к Вэньяну пришел файл. Он открыл его и… едва не задохнулся. — Парень подставил очень нужных людей. Сильно подставил. Им нужно заняться…

Вэньян едва слышал рябого. Первым в файле шло изображение. С фото на Вэньяна смотрело лицо молодого мужчины. Очень знакомое лицо. Сколько раз он видел его в своих видениях. Детство, праздник нанитов, день смерти родителей, учебы в школе Хакуун, и долгожданная месть… на Вэньяна смотрел Тан Ювэй.

— … его нужно убрать! — закончил Ду.

— А? — Вэньян вернул внимание к боссу.

— Я говорю уберешь этого парня, и мы в расчёте, ступай на все четыре стороны.

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

В файле, присланном Рябым, было несколько адресов, но Вэньян безошибочно выбрал один.

Подошел к дому, высотному, многоквартирному. Двести этажей в небо, пятьдесят под землю, Тан снимал апартаменты на минус тридцатом, и маленькая неприметная дверца на кухне, вырезанная лично Ювэем, выходила в Нижний город, в темный переулок между ремонтной больницей киборгов и косметическим салоном, да, да, были в Нижнем и такие.

Едва сдерживая дрожь в пальцах, Вэньян позвонил.

Ответили далеко не сразу.

— Кого там еще…

Вэньян не видел собеседника, вместо него, созерцая решетку динамика.

— Входи, — наконец родила она, и дверь открылась.

Вэньян вошел.

Скоростной лифт казалось еле полз, ярко освещенный коридор воображение заполнило зловещими тенями, квартира имела номер: 400. Четверка символизировала четыре стороны света, но, помимо этого, она была и символом смерти, а здесь этих четверок аж сто штук. Сто смертей…

Пока Вэньян размышлял, дверь открылась.

На пороге стоял — Тан Ювэй — человек из снов.

Мужчина перед ним слегка отличался от парня из видений. Мешки под глазами, усталый взгляд измученных глаз, нижняя часть лица заросла редкой клочковатой бородой.

Они стояли и смотрели друг на друга, внутри Вэньяна сидела твердая уверенность, что и Ювэй знает его.

— Ты?

— Ты?

— Я думал, ты кошмар, порождение моего воображения.

— Я тоже.

— Входи.

Вэньян вошел.

ЮВЭЙ НАСТОЯЩЕЕ

Я смотрел на человека из своих видений, вполне осязаемый он сидел передо мной, на кожаном диване, явно чувствуя себя не лучше меня.

Вопросы, тысячи, миллионы вопросов крутились в голове, хотелось задать их все и сразу, и оттого выбор первого был мучителен, а молчание обоюдным.

— Ты в моей голове, — наконец разлепились губы.

— А ты в моей, — эхом повторил Вэньян.

— Как это может быть?

Вэньян пожал плечами.

Парень отличался от тюфяка из моих снов. Более уверенный, более обозленный, что ли. О-о, этот бы не позволил помыкать собой, или повышать голос какому-то Жонгу Карлосу. Странно, не видел ни разу в жизни, а имя начальника отдалось некими чувствами, не совсем приятными и далекими, словно забытое воспоминание.

— Когда у тебя, ну это началось?

— Несколько месяцев назад, после поездки на остров. А у тебя?

— Тоже.

Помолчали. Как странно, у нас друг от друга не было тайн, да что там, я знал его жизнь, а он, вероятно, мою, два чужих человека за эти последние месяцы мы стали ближе чем родные. И все равно, при встрече, испытывали неловкость.

Хотя, не может быть, чтобы совсем без тайн.

— Последнее, что ты помнишь, знаешь?

— Твоя поездка на остров Бога-демона Штейна и его отказ.

— Все?

— После этого, ничего.

Все верно, после этой поездки я был сам не свой, даже, кажется, хотел свести счеты с жизнью. И свел бы, имей уверенность, что Бог-демон Циньгуан примет и верно будет судить меня. Я молился ему — Богу-демону судьбы, истово молился изменить эту самую судьбу. Как молюсь и сейчас. Именно после той поездки что-то сломалось во мне, и в следующее задание в колонии почитателей Цайхэ я не смог поднять клинок на превращающегося в растение Пипо.

— А ты, что помнишь ты? — отвлек меня вопрос Вэньяна.

Подумал.

— Как ты встречаешься с худым и выманиваешь у него десять

тысяч в обмен на информацию о нанитах.

Вэньян покивал.

— Я хотел оставить эти деньги Мей, а сам уйти… ну, вообще, из жизни.

Я помнил эти мысли и эту решимость.

— Как там Мей? — имя девушки что-то всколыхнуло в сердце, его словно сжали, не позволяя биться по-прежнему. Ложное ощущение — все показатели были в норме.

Вэньян опустил голову, я бы даже сказал, вжал ее в плечи.

— Мей, она… я виноват, очень виноват. Перед ней, перед всеми, отчасти из-за этого я здесь.

А ведь действительно, зачем он здесь, и как нашел меня?

ВЭНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

Вэньян рассказал ему все, последующие события и кто и зачем послал его.

В части рассказа о Мей, он видел, как заиграли желваки на скулах собеседника.

— Значит, кто-то решил добраться до меня. Бог-демон Аньхой, клон, сам Рябой Ду, не важно, — он усмехнулся чему-то своему. — Знаешь, а ведь я числюсь среди профессионалов. Если тебя — желторотика, послали сюда, Рябой по сути подписал тебе приговор. Это так на него похоже, если удастся — чем Циньгуан не шутит — выполнишь контракт и уберешь меня, если нет — Рябой избавится от тебя.

— И что мы будем делать со всем этим? — спросил Вэньян. Спросил хотя бы потому, что сам совершенно не представлял их дальнейшие действия.

— Нужно разобраться. В наших снах, почему я вижу тебя, а ты — меня. И разобраться нам поможет…

Вэньян уже догадался.

— Тахл.

ВЕНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

Он стоял возле жилища хакера. Все, как в видениях, даже каменные лица на месте.

Действительно, Боги-демоны, что с ним, с ними такое, что они будто проживают жизни друг друга. Будь Ювэй предком Вэньяна, или наоборот, живи они в разных временах, еще куда ни шло, но они современники и даже почти ровесники, и далеко не родственники.

«Кто это с тобой?» — в ответ на запрос Ювэя, ответил Тахл. Странно, но Вэньян тоже слышал его. «Хотя, погоди… — со щелчком дверь открылась. — Входите оба».

Хакер лежал на своем месте, и даже атомная печка из видений стояла там, где Вэньян помнил.

Выйдя из вирта и придав телу сидячее положение, хакер рассматривал вошедших.

— Видишь ли, Тахл, — Ювэй пошарил глазами по комнате, махнул рукой и уселся на печку, — вот какое дело…

— Знаешь, почему я пустил вас обоих? — прервал его хакер. И не дождавшись ответа, продолжил. — Когда я просканировал вас, там на улице, а потом более подробно, пока шли по коридору… никогда такого не видел. Вы два и словно один человек. Будто часть твоих нанитов, Ювэй, перенесли в Вэньяна.

Вэньян успел слабо удивиться, откуда он знает его имя, хотя, учитывая специализацию хозяина жилья, ничего удивительного.

— А часть его — в тебя, — продолжил Тахл. — Ты, это уже не совсем ты, а он, не совсем он. Кто это сделал с вами?

Они переглянулись.

— Собственно, поэтому мы и пришли.

— Не помните, — резюмировал хакер.

Почти синхронно они покачали головами.

— Кто вообще может сделать такое? — спросил Вэньян.

— В теории?

— Ну, и на практике.

— Никто, — был ответ хозяина жилища.

— То есть, как это! — так же синхронно, как до этого двигали головами, опешили оба.

— Вот так. Это… как бы объяснить… даже если отрезать, скажем, ногу, или вырезать легкие у одного и пересадить второму, и то мы не получим то, что сделали с вами. Вас словно собрали в кучу, перемешали, а потом снова разделили, по возможности стараясь вернуться к оригиналам. Безуспешно, как

понимаю, ибо что-то осталось у одного, а что-то у второго. Нет, органы, внешность, родинки на теле и прочее — все ваше, но вот клетки, из которых все это собрали… как это проявляется для вас?

— У нас воспоминания друг друга.

— Не самый худший вариант, еще что-то?

— Не знаю, — Вэньян проанализировал свое поведение за последнее время, — я стал… более жесткий, что ли.

— А я наоборот, — бросил Ювэй.

— Мягкий?

— Пусть будет мягкий.

— Гм, — глаза Тахла потухли, он вошел в вирт.

Спустя минут десять вышел.

— Ну, что? — спросил Ювэй.

— Было такое с кем-нибудь раньше?

— Все когда-то было, — философски заметил Тахл. — Вашей проблемой заинтересовался Мудрец.

— Кто? — говорить синхронно может войти и в привычку, следующая стадия, начнут заканчивать друг за друга фразы, словно влюбленные.

— Среди нас — хакеров — легендарная личность, хотя некоторые считают, что он развитый машинный мозг, как бы то ни было, Мудрец хочет встретиться с вами.

— Где? Куда нам идти?

Тахл снисходительно посмотрел на Вэньяна.

— Домой. Это — Мудрец, он сам найдет и сам подсоединится к вам.

ВЕНЬЯН НАСТОЯЩЕЕ

Сад. Это был сад. Обильно цвели розовым какие-то невысокие деревья. «Вишня мелкопильчатая, или сакура», — в ответ на неосознанный запрос выскочило пояснение. Вэньян отогнал его.

Вдалеке, за тонкими стволами угадывался пруд с голубой водой и черными лебедями.

Рядом удивленно моргал Ювэй. Удивленно, потому что мгновение назад они оба сидели в квартире Тана и обсуждали свои дальнейшие действия.

— Рад приветствовать вас в моем скромном жилище.

На небольшую поляну, у края которой они стояли, опустилось белое облако.

— Мудрец? — спросил Тан.

Впрочем, учитывая и место, и способ, которым они перенеслись сюда, да и внешность нового персонажа, сомневаться не приходилось.

Мудрец выглядел именно, как мудрец. Невысокий старик с длинной бородой и бровями настолько отросшими, что концы волос опускались много ниже уголков глаз. Кроме бороды и бровей, растительность на лице отсутствовала — старик был лыс. И еще, он весь блестел, словно человека окунули в ртуть. Металлическим блеском переливалось лицо, скулы, в которых отражались окружающие деревья, лысина, во всех смыслах слова — блестящая, тонкая шея, длинный халат, ноги и кисти рук. Ожидалось, что на облаке он должен восседать в позе лотоса, однако сидел он развалившись, соорудив из части белой пены что-то вроде спинки, переходящей в подлокотник, одна нога подогнута под себя, вторая болтается в воздухе.

— Иллюзия, что мысли заключены в нашей голове, — произнес Мудрец. — И головы, и мы целиком переполнены мыслями. Мы и наши мысли — это море и течения в нем; наше тело — течение в море, а мысли само море. Так тело, прорываясь сквозь мысли, завоевывает себе место в мире. Душа же — русло и одного, и другого… (здесь и далее, отмечены *, цитаты: М.Павич «Хазаарский словарь» пер. с сербского Л.Савельева)

— Чего? — спросил Ювэй.

— Не обращайте внимания, — старик легко спрыгнул с облака, и оно, получив свободу, стремительно взмыло к небосклону, растворившись в сонме собратьев. — Хотелось начать с какой-либо мудрости, эта показалась подходящей. Муки выбора не всегда заканчиваются удачей. Вы знаете, согласно одному из

древних… даже не знаю, как назвать его: предание, верование, знание, теория, все люди разделены на пары, не те, что муж и жена, или друг и недруг, а более прочные и вместе с тем более эфемерные. Пары, в которых сон одного человека создает явь другого, то есть, когда один спит, во сне он видит жизнь другого, который в это время бодрствует, и наоборот.

— Вы хотите сказать, мы — эта пара, но мы оба здесь, и оба бодрствуем, — резонно заметил Ювэй.

— К тому же сон занимает только третью часть суток, кто-то неизменно должен спать больше, или жить меньше, — продолжил Вэньян.

Старик пожал блестящими плечами.

— Когда два человека видят друг друга во сне всегда и с одной и с другой стороны немного сна просачивается наружу. Из этого излишка образуются «дети сна». Да, продолжительность сна короче, чем явь того, что снится, правда сон всегда несравненно глубже любой яви, и поэтому обязательно в любом случае остается немного отходов, «остатков материала», которые не входят в явь того, что снилось, а переливаются через край и приклеиваются к яви какого-нибудь третьего лица, сталкивающегося из-за этого с большими неприятностями и неожиданностями. Этот третий, как правило, оказывается в более сложном положении, чем двое первых, его свобода воли вдвое больше ограничена подсознанием, чем у тех двоих, так как излишки энергии и материала, которые перетекают в их снах, поочередно переливаются в духовную жизнь третьего, и он из-за этого становится как бы двуполым существом, которое ориентируется то на одного, то на другого спящего*.

Вэньян с Ювэем переглянулись, не нужно быть физиономистом, чтобы понять, что оба подумали примерно одно и то же, понял это и Мудрец.

Подняв лицо к облачному небу, старик громко засмеялся.

— Прошу прощения, не смог сдержаться, когда живешь слишком долго, а знаешь слишком много поневоле чужие слова и мысли вырываются наружу. А когда они созвучны твоим собственным бывает проблематично отделить одно от другого, тем более, что это не так и важно. Все, что я скажу вам, наверняка, уже было когда-то сказано и сделано, и подумано, и нет ничего нового под солнцем.

— Вы знаете, зачем мы пришли? — попытался перейти к сути дела Вэньян.

— Боюсь, это я привел вас. Ваша ситуация показалась мне небезынтересной. Так что ответ на твой вопрос, Вэньян — да, знаю.

— Ну, и?

— Терпение, мой пылкий друг, терпение. Иногда история, то есть пролог к сути интереснее самой развязки, да что там, почти всегда, будь это не так, беря книгу, мы бы сразу заглядывали в конец, или переходили к последними минутам любимого фильма, но мы смотрим, тратя драгоценные мгновения жизни, более того, пересматриваем, уже зная, чем все закончится. Вывод один — мы любим длинные предисловия, вы же торопитесь лишить себя этой маленькой радости. Заметьте — себя, ибо как раз мне конец известен.

Ювэй уселся на поляне, прямо на траву, подогнув под себя ноги.

— Что ж, послушаем.

— Вот! Вот! — обрадовался старик. — Берите пример с вашего более терпеливого собрата! Тем более, что выбора-то особого у вас и нет.

Вэньяну внезапно захотелось врезать на наглой ухмыляющейся роже. Учитывая, что они находились в виртуальной реальности Мудреца — не самое умное и правильно желание, поэтому, сопя и кряхтя, он умостился рядом с Ювэем.

— Прекрасно! — Мудрец потер ладони друг о друга. — Когда живешь какое-то количество времени, отличное от среднего, начинаешь ценить такие вот мгновения, ибо прожитое это не года, а воспоминания, и чем их больше, тем более насыщенной, полноценной и длинной кажется жизнь, я знаю о чем говорю, ибо пожил достаточно, смею вас заверить. Я помню времена Смотрителя, или как вы его сейчас называете: Золотого Духа, я помню становление и возвышение первых нанобогов, или как вы их сейчас называете: Богов-демонов, да что там, я помню даже Атомных, хотя уже тогда сомневался в их существовании. Впрочем… — Мудрец усмехнулся, по щелчку ртутных пальцев с неба стремительно опустилось облако, приняло форму кресла, и он с комфортом уселся в него, закинув одну худую ногу на другую, — возможно, все это ложь, и я лишь рисуюсь, стараясь произвести впечатление.

— Вы почти добились своего, — произнес Ювэй, — так что там, насчет нашей проблемы.

— Да, проблема, — кивнул старик, — перед тем, как перейти, что называется, к сути, я расскажу вам две истории, ибо куда ж без них. Одну короткую, вторую чуть длиннее, но не переживайте, и в первом, и во втором случае, вам не придется скучать, ибо истории в равной мере занимательные и поучительные, хотя последнее… мудрец черпает мудрость, глядя на бегущую реку, а дурак не распознает ее и прочитав энциклопедию. Мудрости, как

и истории, не мои, ибо, как уже было сказано выше, все в этом мире происходило когда-то и было уже сказано, и было бы верхом самонадеянности считать, то, что говорю сейчас чем-то уникальным, или выдающимся. Возможно, когда-то я уже произносил эти слова перед другими Вэньяном и Ювэем, а возможно наша встреча первая и единственная. Я говорил — мне много лет, я многое знаю, но еще больше забыл. Время не линейно, хотя будущее проистекает из прошлого, но лично я сомневаюсь в существовании этого самого будущего, как и настоящего. Пока я говорю, каждое произнесенное слово, каждый звук уходит в прошедшее, и единственно в существовании его мы не можем сомневаться. Например, я сказал «о», когда это «о» было настоящим? Когда подумал, когда только округлил рот, или когда первые колебания выдыхаемого воздуха тронули барабанные перепонки, так как, покинув мое горло, звук стал прошлым. Выходит — настоящего нет. Будущее? Мы устроены так, чтобы убедиться в существовании чего-либо, нам необходимо его пощупать, изучить, в крайнем случае — увидеть. Но щупаем ли мы, видим ли будущее? Если я сейчас вас обоих уничтожу, наступит ли это будущее для вас, для меня, или с исчезновением личности исчезает целый кусок, пласт, и они постоянно исчезают, а мы не замечаем, ибо то, чего не знаешь — того нет. Прошлое. Единственное, что напоминает нам о прошлом — наша память, записи. Убери память, сотри записи, уничтожь всех, кто помнит о событии, и его словно не было. Но почему «словно». Его не было, ибо нет того, кто докажет или скажет обратное. Чего не знаешь — того нет. Выходит, нет и прошлого. Что же в таком случае остается? Кто укажет, где находится тот краткий миг между прошлым, настоящим и будущим, в котором помещается вся наша жизнь? Ну, я заговариваюсь, что свойственно старикам, нет для рассказчика худшего, чем скучающие слушатели, итак, моя первая история: «Говорят, в давние времена, в канувшей в безвестность столице хазарского княжества Итиль было такое место, где два человека (это могли быть и совершенно незнакомые люди), пройдя один мимо другого, получали имя и судьбу этого другого и продолжали жить дальше, обменявшись жизненными ролями, как шапками. Возле этого места, в очереди поменяться судьбой с другим, все равно с кем, всегда толпилось большое количество народу».*

Старик лукаво, с прищуром, смотрел на нас.

Первым опомнился Ювэй.

— Вы хотите сказать, мы с Вэньяном поменялись местами? Судьбами?

— Вторая история, — продолжил Мудрец, — и, как и

предупреждал, она будет несколько длиннее первой. «В прошлые столетия, в давние времена жил один Бог, да, Бог, а почему нет, Боги тоже живут, хотя и жизнь эта несколько отличается от жизни смертных. Во времена нашего рассказа уже жило довольно большое количество богов, или Богов-демонов и все они упивались новообретенным могуществом, и всем казалось, что так будет всегда. Но наш Бог помнил слова древнего пророчества: „В живых должен остаться только один“, и хотя будущее многим виделось безоблачным, а жизнь бесконечной, наш Бог уже тогда понимал, когда-нибудь наступит такой момент, когда верующие станут выбирать, и два оставшихся в живых Бога схлестнутся в последней схватке. Но не на поле боя, или игре, или словесной баталии, а в схватке за души верующих, эти самые наниты, что суть могущества новых Богов-демонов».

Мудрец взял паузу, ожидая вопросов, когда их не последовало, он продолжил: «Боги выбирали себе могущество, могучий Лэйгун стал Богом-демоном грома, молний, туч и дождей, Куй — повелителем демонов и дверей, Хай-даге — Богом-демоном симбионтов, Баку-Ди — снов, много всего под солнцем, поз землей и в воде, и каждому Богу-демону нашлось применение, и тысячи верующих, взыскуя заступничества, наставления или помощи возносили к ним истовые призывы, возжигали свечи и обещали дары одни щедрее других. Всем было место в этом мире и всем хватало еды. Куда же податься одному из десятков Богов-демонов, который в скромности своей решил стать единым? Где та парафия, та вотчина, то поле невспаханное, засевая которое век от века, благодарные верующие будут нести ему наниты? Поначалу наш Бог решил стать судьей, не рядовым — первым судьей подземного мира, что взвешивает деяния умерших на весах правосудия, что отправляет грешников смотреться в зеркало на самой высокой башне подземного мира, на раме которого написаны слова: „Перед зеркалом греха нет хороших людей“ и в котором отражаются все их дурные поступки и видятся образы отвратительных животных и рептилий, и насекомых, в чьих телах суждено грешникам вернуться по возвращении на землю. Хотя, будем откровенны, умершему уже все равно в тело какого жука, а то и иного человека перейдут его наниты. Будучи судьей загробного мира, ежедневно Бог выслушивал тысячи и тысячи молитв и просьб, и желаний, и чаяний, направленных к нему. Потихоньку, сначала одно, потом второе, десятое, он начал исполнять некоторые из них, не прошло и тысячи лет, как наш Бог-демон стал Богом судьбы».

— Циньгуан, — произнес Ювэй, впрочем и Вэньян давно догадался.

— И молитвы полились тысячами, миллионами, но внимательный слушатель, а, смею надеяться, вы относитесь к таковым, спросит: «Где же наниты»? Как Бог-демон добывал те самые маленькие создания, вокруг которых все вертится. Помните я рассказывал короткую историю про место, где люди могли поменяться судьбами? Одному не нравится его работа, второму социальный статус, третий мечтает забыть неудавшуюся любовь, а четвертому просто все наскучило. Большинство, абсолютное большинство считает, что достойно большего. И все что нужно — попросить, и тысячи, миллионы истовых и не очень, искренних, от сердца и дежурных, всуе, молитв устремляются к нему. Циньгуана еще называют Богом самоубийц. Но как помочь всем, как не растерять тот поток нанитов, который так же быстро, как набрался, может и оскудеть, где найти тот источник, который будет питать Бога снова и снова? Всем мил не будешь, всех желаний, равно праведных, так и неправедных все равно не исполнить. И даже, исполни, все равно останутся недовольные, ибо в слова молитвы зачастую мы вкладываем далеко не все, больше, много больше остается в мыслях и мечтах, и, когда исполняется желаемое, высказанное вслух, часто оно разнится с тем, что мы воображали в своих грезах. Бог придумал менять. Желаешь иной жизни, стать богатым — пожалуйста. Ищешь любви, или бежишь от нее — и здесь отыщется не один десяток вариантов. Он смешивал, комкал человеческие судьбы, неизменно что-то оставляя что-то у одного, а что-то у другого, а часть также неизменно прилипала к его божественным рукам. И, если два человека одновременно возносили истовые молитвы Богу судьбы, моля его изменить эту самую судьбу, то почему нет.

Старик замолчал, посмотрел на них.

— Я не знаю, что случилось у каждого из вас в прошлом, что вы захотели изменить судьбы, но такое было, и вы захотели, и возжелали, а Циньгуан лишь исполнил желаемое. Как поняли, вы не уникальны и далеко не единственны, находясь здесь, я одновременно разговариваю еще с десятком подобных пар. Больше того, в последнее время обмены случаются все чаще, а Бога-демона Циньгуана уже давно не видели, что называется, во плоти. Из чего делаем вывод — он перешел на новую ступень, став частью окружающего естества и возможно уже не сознавая себя. Жизнь богов отлична от жизни смертных, а обретенное могущество иногда означает смерть.

Старик снова окинул их взглядом.

— Я ответил на ваш вопрос?

Вэньян посмотрел на Ювэя, а тот на него, точнее, если верить Мудрецу, сейчас каждый смотрел на себя. Вроде, получили ответ

на вопрос, но легче от этого не стало.

— Но что же мне… нам делать, — разлепились губы у Ювэя, — просить Циньгуана, чтобы поменял нас обратно?

— Вы так хотите обратно? — прищурился Мудрец.

— Ну… э-э, да.

— Тогда зачем молили об ином. Дважды не войти в одну реку, не по всем дорогам можно вернуться в начало и упавшее мясо к телу не приклеишь.

— То есть?

— То есть, обратно нельзя! Мне известны тысячи случаев, когда люди менялись местами и ни одного, когда они вернулись в свои тела, да даже не в телах дело. Поменявшись судьбами и неизменно захватив с собой часть своей кармы, своих умений, жизненного опыта, особенностей характера и привычек, мы меняем судьбу того, в теле которого оказались. В лучшую ли, худшую сторону, но это уже иная судьба, не та, которую прожил бы человек, останься все, как было. И, поменявшись, вы снова меняете судьбу, и кто сказал, что обретённое понравится вам больше потерянного. Вы снова становитесь на те же грабли, произнося желание и домысливая остальное, а Бог не умеет домысливать, он исполняет ровно то, что слышит, не больше, не меньше. Попроси богатства — и умрет близкий родственник, оставив наследство. Попроси карьерного роста — и начальник разобьётся в горах, попроси девушку — и опозоренная она придёт к тебе. Природа не терпит извилистых путей, а прямой путь не всегда лучший.

— Но что же нам делать? — вслед за Ювэем повторил Вэньян.

Старик пожал плечами.

— Откуда я знаю, я Мудрец, но не всеведущ. Живите, вместе или поодиночке разгребайте то дерьмо в которое ступили. Используйте навыки и знания друг друга, или оставьте, как есть и надейтесь на лучшее. Надо было думать перед тем, как просить о чем-то Бога.

И снова они посмотрели друг на друга.

«Если не убью его, уберут меня», — подумал Вэньян.

«Я не могу убивать» — Ювэй.

«Я наследник клана Танов и миллионер», — подумал Вэньян.

«Мей, теперь она с ним», — подумал Ювэй.

Старик хлопнул в ладоши, и они снова оказались в квартире, где сидели до этого.

КОНЕЦ